

Если даже всего два человека, разные – по возрасту, призванию, религии и духу, приходят к одной идее, то эта мысль уже заслуживает внимания.

В. Кузнецов

Северо-Муйские огни

Авторский литературный журнал

№ 3 (50) май-июнь 2015

Журнал писателей Северомуйска
Учредитель – Виталий Кузнецов
Основан в 2008 году
С 2010 г. выходит 6 раз в год

Издаётся при финансовой поддержке ООО Артель старателей «Западная»

Главный редактор Виталий Кузнецов vitalicatalog3@yandex.ru

Зам. главного редактора по связям с общественностью Татьяна Логинова

Зам. главного редактора по международным литературным связям Николай Тимохин

Консультант по международным литературным связям Елена Думрауф-Шрейдер

Заведующий отделом критики Валерий Кириченко

Заведующий отделом публицистики Александр Шерстюк

Заведующий отделом прозы Евгения Романова

Заведующий отделом поэзии Александр Кобелев

Заведующий отделом культуры Татьяна Лапахтина

Литературный экспертный совет

Байборodin Анатолий Григорьевич, прозаик, публицист, член Союза писателей России, исполнительный редактор альманаха «Иркутский Кремль» – г. Иркутск.

Батраченко Виктор Степанович, поэт, публицист, кандидат технических наук, доцент ВГПУ, зам. председателя правления общероссийского Союза военных писателей «Воинское содружество» – г. Воронеж.

Бильтрикова Елизавета Михайловна, поэт, член Союза писателей России – г. Улан-Удэ.

Борычев Алексей Леонтьевич, поэт, член Союза писателей России, кандидат технических наук – г. Москва.

Брагин Никита Юрьевич, поэт, член Союза писателей России, доктор геолого-минералогических наук – г. Москва.

Горбунов Анатолий Константинович, поэт, прозаик, член Союза писателей России – г. Иркутск.

Зоркин Виталий Иннокентьевич, профессор ИГУ, Заслуженный работник культуры РФ, член Союза писателей России, член Союза журналистов России, действительный член Петровской академии наук и искусств – г. Иркутск.

Корнилов Владимир Васильевич, поэт, прозаик, публицист, член Союза писателей России, член Союза журналистов России, член Международной Гильдии писателей – г. Братск, Иркутская обл.

Орлов Максим Томасович, поэт, член Союза писателей России - г. Братск, Иркутская обл.

Румянцев Андрей Григорьевич, поэт, публицист, член Союза писателей России, Народный поэт Республики Бурятия, действительный член Петровской академии наук и искусств – г. Москва.

Скиф Владимир Петрович, поэт, секретарь правления Союза писателей России – г. Иркутск.

Харитонов Арнольд Иннокентьевич, публицист, прозаик, член Союза российских писателей, член Союза журналистов России, Заслуженный работник культуры РФ – г. Иркутск.

Чепров Сергей Васильевич, поэт, публицист, член Союза писателей России – г. Темрюк, Краснодарский край.

Редакция просит читателей обращаться с пожеланиями и отзывами, а также с рукописями своих литературных произведений. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакция вступает в переписку только с теми авторами, материалы которых приняты к публикации.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Фото на страницах обложки: Северомуйск – фото из архива редакции.

Адрес редакции: 671564, Бурятия, Северомуйск, улица Геологическая, 2.

Тел.: 8 9024582889; 8 9085957230 E-mail: catalog3@yandex.ru

Подписано в печать 30.06.2015. Формат А4. Стр. – 88.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «СОПР», г. Новосибирск.

Содержание**Приветственная страница**

Обратная связь.....	3
Юрий Коломиец. Одна национальность – шахтёр. (Автобиографические заметки).....	9
Поэтический Донбасс. Горловка.....	14

В гостях у Журнала

Журнал «Новый Свет».....	17
--------------------------	----

Критика

Александр Кузьменков. Владимир Монахов – одной строкой.....	20
Владимир Семибратов. Сквозь заросли судьбы на поэтический Эверест.....	22
Стихи. Виктор Сербский.....	24
Евгения Романова. История преданности. (О повести Виталия Кузнецова «Рэк»).....	25

Публицистика

Анатолий Казаков. Светлой Памяти Валентина Распутина.....	27
Сергей Чепров. Крым и «вся Сибирь».....	30

Привал на поэтической тропе

Праздник Слова, праздник Поэзии.....	31
Тверские поэты в гостях у «Северо-Муйских огней».....	32
Поэзия «Лукоморья».....	35

Байкало-Амурские страницы

Арнольд Харитонов. Первая встреча, последняя встреча.....	39
Стихи. Любовь Сухаревская.....	45

Проза

Курт Гейн. Степной оазис. Рассказ.....	46
Елена Думрауф-Шрейдер. Карл и Ларк. Сказка.....	47
Надежда Калиниченко. Байкал. Рассказ.....	49
Вадим Росс. Рассказы.....	51
Ольга Головизина. Поход на Фролиху. Рассказ.....	53
Павел Подзоров. Счастье – в космосе. Рассказ.....	54

Поэзия

Анатолий Горбунов. «Стрекочет пернатый июнь...».....	55
Александр Шерстюк. Из давнего.....	56
Александр Кобелев. «Начертаю слова: край родной, спасибо...».....	58
Бахыт Кенжеев. «Бледнеет Марс, молчит Гомер...».....	59
Алексей Борычев. Из новых стихов.....	60
Валентин Суховский. «В летний зной и в осеннем ненастье...».....	61
Николай Тимохин. Переводы сонетов Шекспира.....	62
Никита Брагин. Из новых стихов.....	63
Татьяна Тетенькина. Два разных мира.....	64
Анна Цаяк. Из новых стихов.....	65
Владимир Монахов. На пёрышке души.....	66
Татьяна Михайлова. «Строка Ваша саднящая чиста...».....	67
Максим Орлов. «О смысле бытия вопрос не прост...».....	68
Виктор Цеберябов. «Ну а сегодня примем всё как есть...».....	69
Елена Попова. «Потрёпанная в клеточку тетрадь...».....	70
Евгения Романова. Стихи детям.....	71
Валерий Румянцев. «Кинжал Поэзии».....	72
Мила Машнова. «Я хочу, чтоб закончился... ябрь...».....	73
Сергей Шилкин. «...не без надежд восстать...».....	74
Александр Сухих. Из разных тетрадей.....	75
Александр Конопля. Мы с Россией – единая Русь.....	76
Андрей Линник. Харьков. «Окаянные дни».....	77
Константин Былинин. Апрель 2015 года.....	78

Поэтическая колонка.....

Михаил ФИСЕНКО, Иван ПОПОВ, Екатерина КАРГОПОЛЬЦЕВА, Сергей ФИЛИППОВ, Анна АТРОЩЕНКО, Юлий СТОЦКИЙ, Инна МОЛЧАНОВА, Людмила НАДАХОВСКАЯ, Сергей УТКИН, Ирина МАНИНА, Валентина ОРЕХОВА, Надежда ОГАРКОВА, Вера МИШИНА, Александра КОЛОСОВА, Наталья ШЕМЕТКОВА, Владимир ЭКСПРЕСС, Нина ЖМУРОВА, Юрий КОНЬКОВ.....	87
---	----

Творческий совет журнала.....	88
-------------------------------	----

Приветственная страница

Литературе так же нужны талантливые читатели, как и талантливые писатели.
Самуил Яковлевич Маршак

... самая лучшая критика – это письма читателей.
Валентин Распутин

Обратная связь

Вадим РОСС, прозаик, переводчик, г. Ашаффенбург, Германия.

Здравствуйтесь, уважаемый коллектив «Северо-Муйских огней»!

Прочитав первый, в наступившем году, номер журнала, я был приятно удивлён. Не думал, что в Бурятии существуют литературные журналы такого высокого уровня, кипит творческая жизнь. Вот уж действительно: то, что мы знаем – ограничено, то, чего не знаем – бесконечно.

Мне, как писателю, была очень интересна и полезна критическая работа Александра Бойникова «Мыльные пузыри твердой словесности». Со своей стороны постараюсь не попасть в его прицел.

Понравилась статья Елены Думрауф-Шрейдер «Дни немецкой литературы в Омской области». Среди моих знакомых в Германии есть бывшие омичи. Вообще, тема российских немцев мне близка и я охотно узнаю новое об их жизни.

Отметил для себя короткие рассказы, скорее миниатюры, Михаила Спивака. Да и остальные авторы журнала: В. Синицын, В. Прядкин, А. Харитонов, К. Зиганшин, К. Гейн, В. Кузнецов, Ф. Ошевнев – пишут на достойном уровне.

Пусть поэты на меня, прозаика, не обижаются, но поэтический раздел я не читал. Не моё. Однако уверен, что и представленная в журнале поэзия не уступает прозе. (Как-то по-советски получилось: «не читал, но уверен, что...»)

Журнал отличается большим разнообразием материала. Любой читатель найдёт в нём что-то для себя. Я рад неожиданному знакомству с таким интересным изданием. В заключение, желаю всем его участникам творческих успехов и до новых встреч.

12.03.2015

Сергей ЧЕПРОВ, поэт, член Союза писателей России, г. Темрюк, Краснодарский край.

(о №1/48/январь–февраль 2015)

Дорогие друзья, здравствуйтесь!

Как всегда, журнал содержателен и интересен. Жду печатного номера, чтоб принести в местное лито. Там тоже читают его с удовольствием. Пока читают... Но молодёжи почти нет, что обидно. А вот читает ли она? Здесь-то и возникают сомнения.

Эссе Натальи Шеметковой из Беларуси «Точка воспламенения» заканчивается обнадеживающими словами: «...книга будет жить вечно». Так хочется верить! Но на деле-то получается, что уходит она из жизни современного человека. Ранее и макулатуру сдавали, чтоб заполучить нужную книгу, и в долгие очереди записывались на собрания сочинений, и друг у дружки выпрашивали почитать на ночь. Не было ни одного дома, чтоб хоть без малой библиотечки. Теперь же совсем иная картина. Это как с пластинками: родители наши собирали коллекции любимых песен и произведений классики, мы ещё продолжали пополнять, но вдруг появились магнитофоны, за ними следом – интернет. И все эти коллекции пластинок да кассет задвинуты теперь в дальний угол, а то и вовсе убраны в чуланы или вынесены на помойку. Редкий собиратель древностей имеет и хранит их. Всё теперь найдёшь в компьютере. «Барахло» лишнее ни к чему. Грустно, конечно, но и с прогрессом бодаться, что телёнку с дубом.

...Вот такие дела... Книга-то знания до нас через века донесла, а насколько долго и надёжно хранение в цифровом виде – время ещё не определило, не вышел ещё нужный срок.

Спасибо редакции и за «Байкало-Амурские страницы». Прядкина и Харитонова читаю с большим удовольствием. Вот она, пусть и недавняя, но – история, которую сохранить мы обязаны. Останутся эти журналы – кто-то когда-то непременно и наткнётся. А подзабывать стали уже. Кажется, ну чего мне эта стройка? Сам там не был, участия не принимал... Но, всё одно, живёт тот героический

дух и задор комсомольский в сердце. БАМ – это целая эпоха была. Мы стремились туда мысленно, гордились успехами и подвигами наших ровесников, следили за событиями постоянно. Я и по сей час считаю себя как бы соучастником тех свершений. Время такое было. А теперь нет этой сопричастности. Разве что к событиям на Украине. Но сравнение отнюдь не в пользу. И полностью поддерживаю мысль Анатолия Подзаря в его воспоминаниях, что несправедливо, всё же, так «...ненавидеть КПСС и Советскую власть». Нельзя так огульно охаивать прошлое. Оно было замечательным! И там намного больше плюсов, чем минусов. Там человек человеку был товарищ и брат, там мы могли жить достойно своим честным трудом, там свято верили в светлое будущее и строили его. Во что будет верить и что строить приходящее нам на смену поколение – ещё посмотрим, но верховенство «рыночных отношений» никогда уже не даст такого задора и такой светлости души. Мы, я считаю, были счастливее. И намного...

Порадовали рассказы Михаила Спивака. Коротко, ёмко, мудро. Своеобразный тонко-ироничный взгляд на вещи обыкновенные, которые часто ускользают от нашего внимания. В журнале он впервые, но, думаю, приживётся. И непременно будет продолжение.

А о стихах я предпочитаю не высказываться вовсе. Сам пишу и знаю, как дороги бывают строчки и как горьки упрёки, порою не всегда справедливые. Да и кто вправе указывать автору, о чём ему думать и как писать? Сам сперва попробуй... Хотя со статьёй Александра Бойникова «Сей поэтический стриптиз» согласен полностью. Жёстко, но – справедливо. Появляются в печати довольно хамские и бездарные «творения». Но перевоспитать автора – сомневаюсь... Гораздо мудрее – не печатать. Ежели автор сам выносит их на всеобщее обозрение – его вина, и он преследует какие-либо не слишком высокие цели. И он это осознаёт. Есть замечательная мысль, не помню кем сказанная: «Каждый автор внутри себя всегда знает истинную цену своим творениям». Точно сказано. А вот в чём огромная заслуга редакционного коллектива, так в том, что ни в одном из номеров вашего (вернее, нашего) журнала я не встречал хамских, пошлых или глупых стихов. Ни в одном! Не все равноценны, не все изумительно глубоки, но ведь и авторы есть юные, только начинающие писать, а у них – всё впереди. Пускай не всегда складно, но чисто и светло. А это главный задел на будущее.

И, конечно же, удивительным открытием стала для меня повесть Виталия Кузнецова «Рэк». Читал запоем. В редкую вещь так погружаешься. Вновь окупился в «джеколондонское» детство. Словно бы сам Рэк дневниково описывает свою жизнь – так вплавился автор в это состояние. И так мастерски передал читателю! Сам я тоже из «собачников». Живя в своём доме, держал порою и не по одной сразу. И странная мысль сейчас посетила: не всех соседей, может, явно помню, а вот собачку каждую с её обликом и повадками, с её всяким событием в судьбе, весёлым или трагичным, как появилась и как ушла, – это всё в памяти до мелочей. Собака – друг, этим ещё не всё сказано. Да, больше... И спасибо автору за мудрость великую, что не описал последний бой и последний день. Верное решение. Я б, наверное, не смог дочитать до конца. Может, и автор не смог дописать – слёзы боли помешали. Такие вещи, что рыболовным крючком зацепятся за душу и уже назад – никак, остаются навсегда. Уверен, не только наш журнал украсит эта замечательная повесть. Ещё раз искреннее спасибо!

И парочка рифмованных иллюстраций к письму.

Смешалось всё: и пот, и понт.
Увы, нелёгко путь к победе.
Но, наконец, евроремонт
Закончили мои соседи.

Вот то-то радости у них!
А мне не радостно. Мне – горько,
Что пять мешков «ненужных» книг
Они стаскали на помойку.

Рекс

Восемь лет верной службы и дружбы.
Я – и сторож, и член семьи.
Но сегодня вдруг взят на мушку
И не верю глазам своим.

Безысходность собачьей скуки –
Кто оценит моё житьё?
Если вы опустили руки,
Значит, надо поднять ружьё?

Были жалобы. Были драки.
Шрамы, вон, до сих пор видны.
Только мне ли понять, собаке,
Чьей же в этом больше вины?..

Да, порою вам было тяжело,
Но не взяли вы сразу в толк,
Что овчарка я, не дворняжка,
А по сути – такой же волк.

Не отравлен и не усыплен,
И не вышвырнут вон за дверь...
Хоть за то вам скажу спасибо,
Что от пули погиб, как зверь!

Тело стынет... Сознание тает...
Вот и слёзы на ваших щеках...
Понимает душа, отлетая:
Что-то в этой жизни не так.

02.04.2015.....

Светлана ЗАБАРОВА, прозаик, публицист, член Российского союза писателей, г. Санкт-Петербург.

(о №5/47/ сентябрь-декабрь 2014)

Не могу не написать о своих впечатлениях.

Держу в руках номер журнала «Северо-Муйские огни» – уже само название будоражит воображение, зовёт в дорогу, куда-то вдаль, к новым берегам, к знакомству с людьми северного края, к новым открытиям.

Но и само содержание журнала для меня явилось радостным и обнадеживающим открытием.

Радостным, поскольку оно в полной мере удовлетворило мою ностальгическую тоску по качественной профессиональной прозе, публицистике, поэтической подборке, не в отдельных, там-сям встречаемых публикациях, а собранных на страницах современного регионального журнала (где региональность определяется не «провинциальностью», а исключительно и только географией).

Обнадеживающим, потому что журнал показывает, что не умерло журнальное дело, не окончательно растрепалось в водовороте литературного постперестроечного хаоса, что сумело собрать под свою крышу крепких профессионалов и талантливых авторов, радетелей грамотного слова, философской мысли, глубокого искреннего чувства – всего того, что неразрывно связано с исторической отечественной журнальной культурой.

Да простят меня остальные замечательные авторы этого номера, но я бы хотела написать об одном произведении – очерке «Кряж» А. Шерстюка, потому что тема для меня очень личная, болезненная, кровоточащая.

Бесстрашно, с действительно шахтёрской мощью и размахом, выстраивает автор трагический и мужественный образ Донбасса, будто стоит плечом к плечу с шахтёрами в забое, и мне, как дочери шахтёра, начинавшего свой путь именно на Донбассе, после окончания Ленинградского Горного института, тоже хочется встать рядом.

Вся моя юность прошла в Казахстане, в каратауских предгорьях (Каратау, в переводе – Чёрная гора). В небольшой долине притулился к горам шахтёрский городок Кентау, и всё там вертелось вокруг жизни рудников «Глубокий», «Миргалимсай»: всех событий, успехов, его героев – скоростных проходчиков; и работали тяжело и помногу, но и почёт был, уважение. А как же, главный человек города – шахтёр! И парк был «Горняков», и скульптуры в этом парке – проходчики, забойщики, металлурги... И дом, в котором прошло моё детство, был заселён шахтёрами. На одной с нами «площадке» жил взрывник, этажом выше сразу три квартиры занимали горняки, – среди них и известный всему городу скоростной проходчик, рекордсмен – Саша Искра. С женой и тремя детьми, – громогласно жили, весело, дружно... Красивый, синеглазый, с мощной шеей и плечами, «хохол» дядя Саша Искра рано умер, в сорок лет, и не в шахте завалило, а не выдержало сердце перегрузок, разорвалось прямо в забое... И папа мой, которому мы, дочки, перед сменой собирали «тормозок», не от взрыва метана «сгорел», а от рака, в пятьдесят два года... А вот бывшего одноклассника, Славу Неверова, завалило, переломило позвоночник, и теперь он на всю жизнь инвалид... – поэтому так лично мои собственные воспоминания перекликаются с драматичным началом очерка – «Гробовые аплодисменты».

Но Городок жил, хороня своих умерших и восславляя живущих...

Городок-красавец, окружённый безводной степью и скальными отвалами гор, поражал обилием парков, где в прудах, в тени плакучих ив, плавали, подумать только – лебеди! Скверы томно тлели запахом чайной розы, многочисленные фонтаны в самое пекло освежали жителей прохладным колючим водным облаком... Мухтар Ауэзов, посетив Кентау, воскликнул в восхищении: «Это подлинный Венец Чёрных гор».

С развалом Советского Союза городок стал чахнуть, будто заболел профессиональным шахтёрским «силикозным туберкулёзом», шахты частично затопили, фонтаны забились песком, горожане – разбежались... ибо, казалось, что всему – конец. По опустевшим улицам, с чёрными провалами окон (не было отопления, света и газа) апокалиптически носились стаи одичавших голодных собак и котов.

К счастью, Казахстан, благодаря мудрости своего президента Назарбаева, сумел выйти из перестроечной комы, и жизнь в Кентау, как мне иногда доносится из тех краёв, – возрождается...

Тем горше читать очерк А. Шерстюка через призму настоящего, когда перед глазами разбомбленный Донбасс, жители, неделями живущие в подвалах, дети, играющие в воронках от снарядов. И убитые, убитые...

Но и удел Донбасса, – двадцатилетнее житиё в составе «незалежной» Украины, – оказался безрадостен, будто к ненавидимому «дармоеду» – пасынку, отнеслась Украина к Донбассу, и это написано автором наотмашь, с болью сердца, с той отчаянностью, когда и хочешь помочь, спасти, уберечь, но ничего, кроме слова, в твоём арсенале – нет!

Но слово такое, вынутое из недр души, из глубины переживаний, из любви к земле, и людям – оно, как та руда, что добывается на рудниках, – и крепче, весомее такого слова отыскать невозможно.

Выражение «Сила – в правде» существует очень давно, века, и здесь вполне применимо, потому что в очерке – сама правда жизни: в каждой детали, в каждом разговоре, в каждом эпизоде.

Странное чувство возникает, когда читаешь эпизод о посещении немцами Красного Луча, об их шоке: «Вы что, ещё с войны не восстановили?»

«После войны всё было восстановлено и даже процветало, – пишет автор, и далее добавляет, – однако иностранцам трудно понять (нам, впрочем, тоже. – С.З.), почему же здесь дороги сейчас выглядят, КАК (выделено С.З.) после бомбёжки».

И тут меня охватывает вот то самое странное чувство, ведь сейчас-то не КАК, а именно, после страшных разрушительных обстрелов, которые целые сёла и городки Донбасса превратили в руины...

Да, странное саднящее чувство, ноет и ноет, – автор писал свой очерк до 2014 года, то есть закончил его на пороге войны, он и не подозревал, не мог «знать», что «на пороге», что самое страшное – впереди... но предчувствие БЕДЫ уже пронизывает весь текст, и особенно главу, которая так и названа: «Крест Донбасса». Пророческое предчувствие! – что случается редко и с писателем, обладающим особенным даром – интуитивно считывать информацию с каких-то вечных скрижалей времени.

Кряж – Крыж – Крест.

Вот так, метафизически, определена трагическая судьба Донбасса, но вместе с тем и его стойкость, героизм, многотерпение. И жертвенность. Ибо жертвуя собой – спасает Россию.

Только можем ли мы, имеем ли право, должны ли – принимать эту жертву?

... «Потомок хозяйки, выяснив, что я из Москвы, разнервничался, «Москва – это ещё не вся страна!», и дальше пошла такая брань в адрес беловежских соглашников, что воспроизвести её я не решусь»...

Перед глазами стоит, как уезжали из Кентау люди – зачастую побросав всё нажитое, за бесценок распродав квартиры и имущество, а то и бросив так... – продать было почти «чудом», этим счастливым завидовали. Шли и шли из Туркестанского края контейнеры в сторону России, и люди, проклиная последними словами «беловежских соглашников», рыдая, вырывались корнями, с кровью и болью, из земли, ставшей для них родной...

Но только что состоявшаяся Российская Федерация этих «своих» признавала с трудом, встретила раздражением и злостью: «самим жрать нечего, а тут – эти, азиаты...», и годами русский из союзных республик добивался права стать гражданином России, превратившись из заслуженного труженика в отчаявшегося, униженного изгоя, без вины обвинённого и без надежды на оправдание...

Преданы были граждане своей страны СССР компрадорской кликой, преданы и проданы, оптом и в розницу, как мешок турнепса, как и Донбасс...

Так что, мученический жертвенный КРЕСТ Донбасса тень свою распротёр и надо всей Россией, и кровь его, сегодняшняя, окропляет и наши лица, и наши души...

Так имеем ли мы право...

В российском обществе опять произошёл разлом, на этот раз разлом по Донбассу (не только по Крыму), и одни собирают гуманитарную помощь, продукты и вещи, тащат своё, помогают беженцам, переживают каждодневно, и другие... которых и упоминать не хочется...

И «Донецкое землячество» Москвы, о котором рассказал А. Шерстюк, и «Донецкие землячества» других городов России сейчас помогают и поддерживают Донбасс.

Да, когда-то Иосиф Давыдович Кобзон совершил не делавший ему чести поступок – «посеяв» ордена, о чём довольно жёстко и справедливо упоминает А. Шерстюк, но именно сейчас, в лихолетье Донбасса, и он, Кобзон, в ряду тех, кто встал на защиту Новороссии: организывает и направляет туда помощь, главное – медикаменты, в частности, инсулин (и диабетиков нынешние «правители» собрались уморить); сам, послав «по матушке» киевскую хунту и их истерические «запреты», приезжает с концертами и выступает перед донецкими и луганскими жителями.

Поэтому особая ценность для меня и в том, что журнал «Северо-Муйские огни» публикует такие материалы, как подборка «Слово о Донбассе» А. Шерстюка и стихи Ивана Нечипорука из Горловки.

Тогда как многие печатные центральные издания стыдливо помалкивают (просмотрела публикации ведущих Санкт-Петербургских журналов за последний год: сплошная благодать, «елепомазание» в эмпиреях высоких постмодернистских размышлений, ну, разве что, с традиционным пинком в советское прошлое), а простому читателю хочется правды, хочется жизни, с запахом, с кровоснабжением! – так сказать, селёдки с лучком и стопку водки, грибной жарёхи, а не чужеродного безвкусного хамона, который, между прочим, и не прожужьшь...

Таких материалов хочется, чтобы отозвалась душа, чтобы взбудоражились чувства, чтобы от размышлений и сон пропал, ничего, не страшно и пободрствовать...

И эту подлинную, не вымороченную усталым от пресыщенности воображением, а реальную, с хрустким морозцем, солёным словцом, с правдивым живым героем, настоящую жизнь я и встретила на страницах вашего журнала, не только в материалах А. Шерстюка, но и в путевых заметках «Полторы тысячи километров раздумий» Октября Леонова, в рассказе «Соболий фарт» Анатолия Горбунова, в разделе «Байкало-Амурские страницы» и других.

Без живого слова, без полнокровного яркого персонажа, нет и не может быть литературы, а на одной стилистической, пусть и виртуозной словесной эквилибристике, литература не выживет, нет.

Так что, от всей души желаю долгих-предолгих лет журналу «Северо-Муйские огни» и его авторам!

Ваши северо-муйские огни озарили теперь и скромную квартирку читателя, проживающего на Невских берегах!

15.05.2015

Журналу – 7 лет. Презентация в Усть-Куте

В июне этого года авторский литературный журнал «Северо-Муйские огни» отметил своё семилетие.

Впервые о журнале заговорили в Иркутске на Первом съезде писателей Восточной Сибири как о неординарном событии в литературной жизни Сибири, а о главном редакторе Виталии Кузнецове, делегате 1 съезда иркутских писателей – как о сподвижнике литературы. При поддержке литературного экспертного совета Журнала, в который входят известные писатели нашей страны, члены Союза писателей и Союза журналистов России, появились читатели и авторы не только на Муйской земле, но и в Новосибирске, Красноярске, Иркутске, Братске, Ангарске, Шушенском, Чите, Чаре, Липецке, Твери, Кирове, Улан-Удэ, Хабаровске, Ростове-на-Дону, Самаре, Костроме, Смоленске, Санкт-Петербурге, Москве и Подмосковье, и даже за границей нашего государства (Казахстан, Германия, Украина, Беларусь, Израиль, Канада). Ставка в текстах делается на доброту, любовь к природе и родине.

Первые презентации «Северо-Муйских огней» состоялись в Иркутске, Ангарске, а также на Вятской земле, в Казахстане, Твери (при участии членов Союза писателей России регионального отделения). В 2014 году состоялся ряд презентаций в крупных библиотеках Санкт-Петербурга, а также в Государственном педагогическом университете Воронежа. В этом же году Российская Государственная Библиотека признала журнал одним из лучших литературных изданий Сибири и официально предложила нашей редакции творческое сотрудничество на постоянной основе.

Большим событием в истории литературы Восточной Сибири стал выход в свет исторического романа О. Слободникова «Похабовы» издательством совета ОГАУ «Иркутский Дом литераторов». Книга рассказывает об освоении Восточной Сибири, первые главы которого впервые печатались в «Северо-Муйских огнях».

От многих писателей на адрес журнала приходят в подарок книги, многочисленные добрые отзывы и поэтические посвящения.

Благодаря журналу многие наши бамовцы и первостроители иркутских ГЭС, живущие во всех уголках нашей страны, поддерживают с журналом тесную творческую связь.

Своё семилетие журнал отметил очередной презентацией, состоявшейся в городе Усть-Кут Иркутской области. О данном мероприятии, дорогие друзья, вам расскажет главный библиограф Усть-Кутской межпоселенческой библиотеки Надежда Калиниченко.

Татьяна ЛОГИНОВА, заместитель главного редактора,
председатель творческого совета журнала «Северо-Муйские огни».

Волею судьбы в Усть-Кутской межпоселенческой библиотеке появилось несколько номеров литературного журнала «Северо-Муйские огни». Оказалось, что читатели журнала уже знакомы с творчеством таких известных в творческой среде Усть-Кута личностей, как Вадим Ярцев, Сергей Жёлтиков, Александра Колосова. И наша землячка, талантливый поэт, Елена Попова давно публикуется на его страницах. Она и положила начало знакомству усть-кутян с интересным изданием.

Сначала содержание журнала изучили библиотекари. Прочитав имеющиеся экземпляры от корки до корки, пришли к выводу, что журнал не только интересный, но и полезный. Как известно, город Усть-Кут весьма тесно связан с историей БАМа, поэтому «Байкало-Амурские страницы» – одна из рубрик издания, особенно заинтересовала сотрудников краеведческого отдела. Учебники учебниками, а воспоминания непосредственных участников события и их субъективный взгляд имеют важную историческую ценность.

Раздел публицистики взяли на заметку методисты и библиографы. При этом их приятно поразила информационная составляющая раздела – статьи, будь то рассказ о книге, человеке, литературном событии или же отрывки из каких-либо произведений, представляли для них профессиональный интерес, так как оказались актуальными, с высоким познавательным коэффициентом и могли быть рекомендованы читателям.

Ну а о разделах «Проза» и «Поэзия», составляющих основу «Северо-Муйских огней», и говорить нечего. Достаточно перечислить имена Владимира Скифа, Анатолия Горбунова, Анатолия Байбородина и многих других известных сибирских литераторов, чтобы определить литературный уровень издания. Внушительно выглядит и список экспертного совета журнала. Кроме уже озвученных фамилий, в него входят маститые писатели и поэты из Москвы, Воронежа, Краснодарского края. К тому же и географический диапазон журнала оказался весьма обширен. В числе авторов «Северо-Муйских огней» можно увидеть представителей Германии, Израиля, Канады, Казахстана, городов Липецк, Тверь, Ростов-на-Дону и многих других.

Нужно обладать недюжинными способностями руководителя и быть тонким ценителем слова, чтобы суметь собрать под одной обложкой разных в творческом плане, но таких талантливых собеседников и дать им возможность поделиться с читателями своими воспоминаниями и чувствами. В этом, безусловно, заслуга главного редактора издания – Виталия Кузнецова, которому принадлежит идея создания этого авторского литературного журнала.

Все эти замечательные характеристики привели нас к решению, что с журналом «Северо-Муйские огни» всенепременно нужно познакомить каждого читающего усть-кутянина. Преследуя эту цель, мы обратились в телекомпанию «Диалог», и накануне Общероссийского дня библиотек в программе местных новостей был показан репортаж о журнале – своеобразная медиа-презентация, подготовленная заведующей отделом обслуживания Усть-Кутской межпоселенческой библиотеки Олесей Кивиной.

Дабы не лишать наших читателей удовольствия от прочтения представленных в журнале материалов, в репортаже не звучали ни стихи, ни прозаические отрывки, ни тексты документальных повествований. Мы просто рассказали зрителям о журнале и о его структуре, познакомили с именами тех, кто его придумал, и тех, чьё творчество отражено на его страницах, и поделились своими впечатлениями и эмоциями. Все наши действия были продиктованы полной уверенностью, что журнал заинтересует земляков. Результат не заставил себя ждать – тележурналист Ирина Ульянова, которая вела репортаж и готовила его к эфиру, взяла экземпляр «Северо-Муйских огней» домой и с удовольствием скоротала вечер над его страницами. Мы уверены, что это только начало, и журнал «Северо-Муйские огни» прочно обоснуется на усть-кутской земле, ведь здесь у него уже так много друзей!

Сергей АВИЛОВ, член Санкт-Петербургского городского отделения Союза писателей России.

Уважаемая редакция! Не первый раз читаю в вашем журнале интересные материалы, но в №2 2015 г. мне попался очерк, отзыв на который мне захотелось написать, потому что дневниковых записей и писем с фронтов Великой войны с каждым годом становится все меньше. А ведь дневники и письма – это в первую очередь документы, которым не возможно не верить.

«Всё, что нас не убивает, делает нас сильнее!» – думаю я об этой фразе, прочтя очерк А. Шерстюка «Воевали Семёны...» в журнале «Северо-Муйские огни»... Так ли это? Две судьбы обыкновенных (а что, нет, что ли?) людей на огромной, самой большой войне. Две судьбы, записанные по разные стороны от линии фронта.

Я думаю о том, что в этих случаях на место слова «сильнее», я поставил бы – «человечнее»! Этому есть объяснение: в жизни мы склонны сочувствовать маленькому и слабому герою. Хотя вроде бы, какие же они слабые – герои? Один несколько раз бежал от фашистов, сумев, наконец, обмануть и самую смерть... «Ман аус крематорий»... Другой – пройдя в составе Красной Армии до Берлина, испытал перед лицом смерти не страх, но равнодушие. Такое равнодушие я слышал в рассказах моего деда, всю блокаду отработавшего на кораблестроительном заводе: «Выхожу из столовой (дед не смог бросить баланду во время объявления воздушной тревоги), а там люди БИТЫЕ лежат»... Не убитые, не раненные, а БИТЫЕ – как кегли в чьей-то детской игре.

Однако герои повествования при этом всё равно остаются маленькими людьми. Остаются потому что любой человек на войне – маленький, если он не командует фронтами или армиями. И погибни один из них в Штуттене или Дахау, а другой получи пулю на передовой – они бы и остались для нас... Никем бы они для нас не остались. История – жестокая наука, оставляющая на виду только блеск медалей или вполне конкретные и уже канонизированные литераторами подвиги.

«Человечнее», повторяю я! Увы, нельзя быть человечнее к бригадам и подразделениям. Человечнее можно быть только к конкретным людям. Или даже ко всему человечеству, только в том случае, если оно, человечество, на этих конкретных людей делится.

Фашизм не делил. Но при этом ведь делил доктор Плачек... И, может быть, делил тот немецкий солдат, блокнот которого попал к рядовому Гликину... September 16. Lotta. Была же и у него Лотта – жена ли? Сестра? Фашизм – явление массовое, не свойственное индивидуумам, если они хоть немного – люди.

«Вчера наши расстреляли одного полицая... Но чуть-чуть подумаешь, что он всё-таки немного человек, сложный сам по себе, полный всяких забот, и вот раз-два, нет у него никаких забот, убит без суда и следствия...», – пишет Семён в своём дневнике. Сложный сам по себе! September 16. Lotta... Такими категориями не может мыслить бригада или подразделение, получившие приказ!

Об ужасах войны написано много, и чем дальше от неё самой, тем кажется, всё больше и ужаснее. Но все её ужасы – у нас в голове. Сравните, например, взгляды на гекатомбы трупов в концлагере Дахау охранника и заключённого. То-то! Хотя, вроде бы, исходный материал одинаков.

«Хоронили солдата Потапова из 6-й батареи... со всеми почестями, т.е. закопали, говорили и даже салют дали — но ботинки с ног у него уже были сняты». Чем не ужас? Только масштабы разные...

Война – это, помимо всего прочего, ещё и жуткая грязь. В прямом, приземлённом её смысле. Это окопные вши, вонь, нечистые тела... И нормальное желание любого солдата или вообще молодого человека – баня, выпивка, баба. От этого, к счастью, никуда не денешься. После освобождения Западной Польши у солдата заканчиваются записи об ужасах войны, говорит автор репортажа. Мне кажется, что нет.

Просто ужасы приобретают будничность, менее кровавый, что ли, характер.

«Мечтаем о девушках. Как они сейчас нам не хватают... Хоть бы ласкающий женский голос, предназначенный тебе. Нету этого...»

«Я не раз писал, что основные тяготы войны переносят на своих плечах рядовые солдаты. А первый почёт и привилегии – офицерам...»

Ужасы местного значения! Как бои, о которых скупые сводки говорят одним предложением. Если же развернуть глубже – обиды на офицерьё, на «политиков», которые возят с собой не только денщика, но и боевую подругу.

«Солдат – это такое существо, которое всё может перенести, только на небо не влезть. Больно это переносить не только мне, но и большинству солдат». Написано – «больно»... И вдвойне обидно переносить от своих. Пусть разницей в словах «больно», «обидно», «ужасно» в этом контексте занимаются филологи...

Поневоле приходишь к выводу, что НЕ БЫВАЕТ УЖАСОВ ВОЙНЫ, что ВОЙНА УЖАСНА САМА ПО СЕБЕ! И вполне понятной и, по-своему, главной становится запись в дневнике, сделанная за несколько месяцев до конца войны, в январе 45-го. «Не хватает жизни!» Потому, что сама по себе война – это не жизнь. Жизнь – это дом, это семья, это... Или иначе – каждый понимает свою жизнь по-своему, но это не война.

«Что написалось, то написалось – закрой, и до поры до времени не заглядывай сюда», – это последняя запись военного дневника Семёна Гликина. После отпевания священник, накрывая тело саваном с головой, посыпает горстью песка крест и говорит страшные, и в то же время серьёзные слова: «И больше не открывать!» Вряд ли это знал солдат Гликин, но переключка очевидна... Только в случае с записками ремарка «до поры до времени» выглядит только подтверждением параллелей... Не заглядывать до тех пор, пока война не будет и вовсе похоронена... Пока от неё не останется ничего – только память.

Хочется пожелать журналу побольше талантливых и смелых авторов и расширения круга читателей, которых никогда не бывает много.

08.06.2015

Из письма главному редактору Кузнецову В. Я.

...Я не попал строить БАМовские тоннели, хотя готовился там работать в 1973 году. Сегодня Украина, Донбасс – боль русских людей. Очень многие связаны с украинцами родством, имеют друзей. Я не исключение. Многие напластовано в памяти, мучительно требует какого-то выхода...

Надеюсь, читателей заинтересует посылаемое.

Успехов и процветания журналу «Северо-Муйские огни».

Ю. Коломиец, горный инженер

Юрий КОЛОМИЕЦ

г. Протвино, Московская обл.

Одна национальность – шахтёр

Автобиографические заметки горняка: Донбасс, Украина, Белоруссия. Немцы. Украинский язык

Белоруссия родная, Украина дорогая,

Наше счастье молодое

Мы стальными штыками оградим.

Припев советской строевой песни

Как человек, проживший на Украине 30 лет, отдавший Донбассу 10 лет, а Харьковскому метрострою 5 лет трудовой биографии, не могу не откликнуться на трагедию украинского народа.

Я родился 27 декабря 1936 года в Белгороде. Отец Коломиец Игорь Борисович, транспортный строитель, профессия кочевая. Мать – Писанецкая Людмила Сергеевна, в основном домашняя хозяйка. Кроме меня в семье были: старшие брат Роман и сестра Ярослава, а также добрый гений нашей семьи – бабушка по матери Арефьева Ефросинья Ивановна. На Украину попал полутора лет в город Умань. Помнить себя начал в селе Благодатное, Касторненского района, Курской области. Отец там руководил строительством кирпичного завода. Там у меня появились младшие брат Валерий (в честь Чкалова) и сестра Виктория. Почему редким в то время именем её назвали? Она родилась 8 июля 1941 года, имя подсказала война.

Войну помню с 22 июня по День Победы. Эвакуация на Урал, города Троицк и Кунгур. С 1944 года – Умань, Крюков на Днепре, Днепропетровск. Полгода в Севастополе.

Затем Харьков, где окончил среднюю школу и горный институт (1959). Получил назначение в комбинат «Сталинуголь» (Юзовка, Сталино, Донецк).

Пласты крутого падения (Донбасс)

Три года работал в г. Угледорск, шахта «Хацепетовская Западная». Горный мастер, начальник добычного участка. Шахту сдали в эксплуатацию в 1956 году. Проект предусматривал максимальный жизненный комфорт для шахтёров. Угледорск строился для этой шахты и отстоял от её поверхностных сооружений на 1,5 км, дальше от террикона и шахтных шумов. Город примкнул к станции Хацепетовка (упомянута Остапом Бендером). От этой станции через город до шахты ходил трамвай.

Что сделали с образцовым шахтёрским городом Угледорском вооружённые силы Украины, я видел и видит весь телевизионный мир. Национальный состав угледорских шахтёров – парад дружбы народов Советского Союза. Забойщики, проходчики, рабочие очистного забоя – западные украинцы, белорусы, татары Поволжья, молдаване, гагаузы, грузины, туляки и многие другие.

В недавнем телесериале про шахту начальник участка напутствовал бригаду, направлявшуюся доставать из завала людей, словами: «За оплату не беспокойтесь. Не обидим». «Обижать» работяг зарплатой можно было пару месяцев – не больше! Дальше или участковый надзор остаётся в одиночестве (рабочие разбегутся), или завалят толпой в спецовках к директору – пощады не будет. Но если люди в завале – никто про оплату не спрашивал. Добровольцы выстроятся в очередь, выбираются асы, работа кипит.

Выражаясь библейским языком, среди шахтёров «нет ни эллина, ни иудея». Одна национальность – шахтёр!

В 1962 году, после черепно-мозговой травмы, поддался на уговоры отца и матери уйти с шахты. Старший брат Роман погиб на службе от черепно-мозговой травмы в 1944 году, будучи курсантом Молотовского училища военно-морской авиации (ныне Пермь).

Жену мою Галю, преподавателя угледорской школы-интерната, и сына Шурика (полтора года) отец увёз в Днепропетровск. Я сдал участок и в ноябре 1962 года устроился проектировщиком в институт «Днепрогипрошахт». Работал над проектом по развитию комбината «Донбассантрацит» (г. Красный Луч). Далее комплексный проект развития центрального района Донбасса – от шахты «Полтавский комсомолец» (Енакиеве) до шахты «Южная» (Дзержинск). Обследовал все шахты трестов «Орджоникидзеуголь», «Калининуголь», «Горловскуголь», включая свою шахту, ставшую «Угледорской». По ней же разрабатывал проект горизонтов 580 и 700 метров.

В центральном районе Донбасса угольные пласты залегают под углом от 45 до 65° к горизонтальной поверхности, «крутое падение» – так его называют. Добычной забой – лава – это щель в недрах толщиной от 0,6 до 1,5 м под указанным углом, длина – 120 м. Перемещаться по этой щели можно только по стойкам крепления забоя, перебирая их руками и ногами. Но в лаве надо также рубить уголь, забивать эти стойки крепления, подавать в это весьма ограниченное пространство лесоматериал.

Разработка крутопадающих пластов до сей поры слабо механизирована.

Если наклонные и пологие угольные пласты с 50-х годов успешно разрабатывались комбайнами «Донбасс» и его модификациями в комплексе со скребковыми конвейерами, то крутопадающие пласты и

сегодня разрабатываются в основном отбойными молотками, и профессия забойщик на отбойном молотке – ведущая. При этом лава разделяется на уступы и имеет зигзагообразный вид. Отбитый в верхнем уступе уголь под собственным весом летит к штреку и не мешает работе забойщиков нижних уступов. Штрек – горизонтальная горная выработка, прокладываемая по угольному пласту с подрывкой вмещающих пласт пород. Размеры поперечного сечения штрека должны пропускать узкоколейный состав из рудничного электровоза и вагонеток.

На участке два штрека. Штрек, примыкающий к нижней части лавы, служит для откатки угля из лавы и породы от его проходки, он называется откаточным. По нему к лаве подается свежий воздух. К верхней части лавы примыкает вентиляционный штрек – он служит для выдачи воздуха из лавы по системе других горных выработок к вентиляционному стволу шахты, а также по нему доставляется лес.

Система разработки крутопадающих пластов уступами родилась до революции, привнесена в Донбасс немецкими и бельгийскими штейгерами. Единственный с тех времён прогресс – кайло (по-шахтёрскому, «обушок») заменил отбойный молоток, известный всем советским людям по фотографии Стаханова с ним на плече.

Мне пришлось участвовать на шахте «Хацепетовская Западная» во внедрении первого в Советском Союзе угольного комбайна для крутопадающих пластов УКР-1 (конструкция «Донгипроуглемаша», г. Донецк). Далее руководил комбайновыми лавами с УКР-1 и его модификацией для пластов малой мощности КТ-1. Были рекорды. Комбайновая лава на пласте «Мазурка» в 1961 году, в День освобождения Донбасса от оккупации, при суточном плане 201 т выдала 630 т угля. Суточный план шахты составлял 2980 т (12 добычных участков).

Далеко не все «крутопады» были пригодны для комбайновой добычи. Стометровый прямолинейный комбайновый забой требовал устойчивой кровли и почвы. Совершенствование механизации для крутопадающих пластов было остановлено Украиной с обретением независимости.

О кризисном состоянии Красного Луча и шахт «Донбассантрацита» ярко написал Александр Шерстюк в очерке «Кряж», опубликованном в «Северо-Муйских огнях» №5 сентябрь-декабрь 2014 г.

Хочу добавить об Углегорске и шахте «Углегорская».

До майдана и гражданской войны связывался с друзьями. Добыча угля на шахте упала в десятки раз – до 100 т в сутки. Главная проблема – лес. На шахтах крутого падения для добычи 1000 тонн угля нужно 100 м³ леса. Это столбы для штреков, рудничная стойка, горбыли – обаполы. Поставка русского леса приватизирована. Поставщики заломили за лес такую цену, что донецким шахтам он стал не по карману.

На шахте «Углегорская» была попытка внедрить в лаву передвижную гидравлическую крепь разработки Днепропетровского горного института. Но вскоре наступили времена, когда повышать уровень механизации Украина не захотела.

Метро в Харькове

В трехкомнатной хрущёвке отца нам была выделена комната. Так, в две семьи, прожили 2,5 года. Контакты с углегорскими друзьями были достаточно плотные. На шахте появился новый директор, Гарри Юзевич Климовицкий, он пригласил меня вернуться, и ещё пять лет, по 1970 год, я трудился замом и начальником добычного участка.

Что такое добыча угля плюс проходка подготовительных выработок? С одной стороны, жесткие требования руководства: план, зольность, себестоимость, производительность труда; с другой – рабочий класс: заработки, спецодежда, инструмент, травматизм. Донецкой закалки мне хватило на всю оставшуюся трудовую биографию.

Год 1970-й. В Харькове начали строить метро. А Харьков – это же alma mater! Перешёл в «Харьковметрострой» – опять руководство участком. Начинать со строительства станции на площади Тевелова – «Советская». Далее станция «Южный вокзал». На метрострое познал специальные методы по сооружению горных выработок в сложных геологических условиях с сохранением поверхностных зданий и инженерных сооружений.

Южный вокзал – главный пассажирский вокзал Харькова. Харьков – самый крупный железнодорожный узел Советского Союза после Москвы, а перегонные тоннели от этой станции метро до следующей – «Площадь Свердлова» (Холодная гора) проходили под главным залом уникального здания (послевоенное восстановление Южного вокзала контролировал лично Сталин).

Проходка перегонов осуществлялась в кессоне – с искусственным замораживанием грунта. Необычно, но справились. Об этом писали в газетах. Минтрансстрой премировал участников строительства.

Из кого складывался коллектив харьковских метростроевцев? Некоторых специалистов перевели из Баку и п/я Красноярск-9. Был большой набор из Донбасса. Значительную долю набрали из тульских шахтёров.

Затем харьковские метростроевцы строили тоннели БАМа. Специалисты из Донбасса также строили эти тоннели.

Метро в Минске

В 1975 году начали проектировать метро в Минске. Председатель горисполкома Минска Михаил Васильевич Ковалёв, продвинувшийся далее до Премьера правительства Белоруссии, поручил Управлению капитального строительства города связаться с парткомом Харьковского метростроя, чтобы порекомендовали специалиста на роль руководителя отдела по проектированию и строительству Минского метрополитена. Партком порекомендовал меня.

Правда, у меня были сомнения. Я считал себя строевым инженером, а тут – «заказчик». Сомнения развеяла жена. Моя Галя распорядилась – езжай немедленно!

Белоруссия под руководством Мазурова и Машерова преодолела послевоенную разруху. Отстроенный Минск стал одним из красивейших и благоустроенных городов Европы.

Став начальником отдела метро и познакомившись с делами, я проявил инициативу – порекомендовал руководству запроектировать и построить за счёт республиканского бюджета промышленную базу метростроя. Добро было получено. Трудности были. Заводы товарного бетона и сборного железобетона, ремонтно-механический, открытые и закрытые склады, железнодорожная ветка – были введены для метростроя через год от начала строительства. Это был значительный шаг в метростроении. Утверждение проекта метро в правительстве СССР (Косыгин). Госплан СССР был против Минска. Горький и Новосибирск вызывали предпочтение. Приходилось порой по два раза в неделю ездить с М. В. Ковалёвым в Москву.

На Ковалёва тогдашний председатель Госплана СССР Байбаков «положил глаз» – сватал на должность зам. председателя Госплана Белоруссии. Михаил Васильевич сказал Байбакову: «Я обнадёжил минчан метро, а его не будет». Байбаков ответил: «Идите в Госплан, будет в Минске метро». Строительство Минского метро было включено в пятилетний план.

Метрополитены подчинили Министерству путей сообщения. Я – главный инженер, а вскорости начальник Минской дирекции строящегося метрополитена. Впервые надел генеральский мундир.

Большая, значимая для Минска и Белоруссии, стройка прошла по классической схеме: большая шумиха (о метро много писалось в прессе ещё до утверждения проекта), большая неразбериха, наказание невиновных, награждение непричастных. (Здесь поставим модный нынче значок:)

Я был втянут в водоворот событий – штабы, посещения объектов, корректировка проектных решений, верстание годовых планов, командировки и т.д. и т.п. Были бессонные ночи, были принятия ответственных, весьма рискованных решений, привлечение экспертов, битва за деньги и ресурсы. Всё это было.

В итоге первая линия Минского метро была пущена на полгода раньше планового срока, к 40-летию освобождения Белоруссии, с оценкой «отлично».

Я никогда бы не справился с этой нагрузкой, если бы не донецкая шахтёрская закалка.

По сей день состою в Московском землячестве донбассовцев.

В советское время Донбасс был резервом руководящих кадров страны.

Тоннель под протоны (Протвино)

Позвали строить крупнейший в мире Ускоритель протонов в городе Протвино под Москвой.

На строительство был переведён участок «Харьковметрострой», далее преобразованный в Тоннельный отряд №40 (руководили: Мартынов В. И., Стрекозов М. Б., Коновалов П. И., Пасика В. П., Рябов Ю. И.).

Позже с БАМа в Протвино был передислоцирован Тоннельный отряд №16 (Подзарей А. И., Краев Л. В., Астахов В. П., Реннерт Н. М., Козлов Л. П., Успанов С. Т.)

Мне пришлось сформировать в Протвино ещё одно линейное подразделение Минтрасстроя – Тоннельный отряд №8. В ТО-8 органически влились инженеры и рабочие из Харькова, Минска, БАМа, Донбасса, Кизилковского угольного бассейна, тульские шахтёры. В числе руководителей: А. Г. Редько, Ю. И. Васильев, В. И. Губенко, М. Ш. Гафаров, В. В. Скородумов, В. И. Вагнер.

Для ТО-8 усилиями ТО-16 (Подзарей) был подготовлен северный участок трассы ускорителя, самый глубокий и самый сложный в инженерно-геологическом отношении.

Три Тоннельных отряда были объединены в Управление строительства №17. Формировал это управление выдающийся строитель метрополитенов (Москва, Минск) и тоннелей (Германия, Средняя Азия, Кавказ) Алексей Александрович Прокудин. Светлая ему память!

Управление строительства №17. Далее проектно-строительное объединение «Протонтоннельстрой» (позже АОТ, ОАО). Руководили после Прокудина – Коган В. З., Коломиец Ю. И., Пасика В. П.

Кроме Протвино строил объекты Московского, Екатеринбургского и Казанского метро, инженерные, транспортные и гидротехнические тоннели в Москве и Подмосковье, Башкирии, Иране (Бушерская АЭС), Белгородской области.

В Протвино на строительстве успешно использовалась советская горная техника – тоннелепроходческие комплексы КТ-5,6 Д2 (Ясиноватое). Первые в мире рудничные подъёмные машины контейнерного типа МПП-6.3, МПП-9 («Донецкгормаш»). Породопогрузочные машины на гусеничном ходу ПНБ-ЗД (Ясногорск, Тульская область). Погрузо-доставочная машина ПД-8 (Донецк). Тоннельный самосвал МоАЗ (Могилёв).

За счёт валютных средств Минсредмаша СССР были приобретены для проходки тоннельные буровые машины фирмы «Ловат» (Канада), а также тоннеле-проходческий комбайн «Паурат» (ФРГ). Эта машина в комплексе с австрийской технологией временного крепления забоя набрызг бетоном успешно сработала в Протвино, в Екатеринбурге и в Башкирии.

Горжусь, что иногородние и зарубежные объекты строились с применением современной техники и технологий с моим участием.

Экономический кризис 90-х годов остановил строительство ускорителя, хотя почти все подземные выработки были готовы для монтажа научно-технического оборудования. Это трагедия для строителей атомной промышленности и для нас, горняков. Второе поколение протвинских горняков успешно продолжает трудиться на подземных стройках России – Москва, Казань, Сочи. На зарубежных объектах – Турция, Израиль.

Город физиков – Протвино стал родным и для горняков, в т.ч. для меня.

Недавно ООО «Протонподземстрой-А», которое я создал и им руковожу, разработал проект консервации объектов ускорителя.

«Колы розлучаються двое...»

Теперь об украинском языке.

Попав в 1944 году в Умань, освоил украинскую разговорную речь за месяц. На заводе работали пленные немцы и завербованные из западных областей девушки. После трудового дня они собирались у общежития и пели. Да как пели!

Ставшую популярной в 60-е годы песню «Гуцулка Ксеня» я услышал от них и пожизненно очарован этой песней. Песня – яркий постпред украинского языка. Ни одно застолье в любом уголке Советского Союза не обходилось без украинских песен. Тарапунька (Тимошенко, солист разговорного жанра) говорил на чистом украинском языке. Его понимали без перевода, и рукоплескала дуэту Штепселя и Тарапуньки вся огромная страна.

Опера Гулака-Артемовского «Запорожец за Дунаем», опера Лысенко «Наталка Полтавка». Фрагменты этих опер не сходили с экранов ТВ и радио эфира.

Ансамбль украинской песни и танца имени Верёвки объехал весь мир и был не менее популярным, чем ансамбль СА имени Александра.

Народные украинские песни, песни на слова Шевченко «Рэве тай стогнэ Дніпр широкий», «Така її доля», «Колы розлучаються двое».

Современные украинские песни композиторов Сабодаша, Майбороды, Ивасюка.

А исполнители: Дмитрий Гнатюк, Николай Гнатюк, Белла Руденко, Константин Огневой, донбассовцы Кобзон, Богатиков, Гуляев, Соловьяненко, ансамбль «Червона Рута» с красавицей певуньей Соней Ротару и красавица Зенкевичем и Яремчуком, «Трио Маринич», певица Матвиенко.

От кого теперешние украинские патриоты защищают напевный и весёлый украинский язык?

Я учился на Украине в русских школах. Украинский язык учил с 3-го класса. Хотя уже давно не живу на Украине, но мне достаточно на неделю окунуться в языковую среду и я буду разговлять на мови не хуже Юлии Тимошенко или Ляшко.

В Канаде общаются на английском и французском языках. В Белоруссии второй государственный – русский. И что, в Белоруссии притесняли «Песняров», «Сябров», «Верасы»? Эти ансамбли и сейчас популярны в России.

Что сделала для украинского языка, украинской культуры теперешняя власть? Где мировые гастроли украинских артистов?

Таисия Повалий и Анни Лорак побеждали на Евровидении благодаря голосам россиян. Украинские исполнители – желанные гости на российской эстраде. Но кто может назвать шлягер на украинском языке, родившийся в период «незалежности» и покоривший массового зрителя?

Лето 2014 года, в легендарном Муроме, в летнем театре, на живописном берегу Оки, концерт, посвящённый супружеству и семье. Королёва, Гурцкая и Зара поют «Цвэтэ тэрэн». Поют и плачут. Камера выхватывает слёзы на глазах многих зрителей. Признаюсь – сам прослезился. По-моему, драма любовного треугольника наиболее трогательно отображена в украинских песнях.

– Десь поїхав мій мильний іншої шукати (из упомянутой песни);

– Там дэ двое – там весилля, там дэ трое – гирка ягода журбы («Ой, лэтили дыки гуси», – хор имени Верёвки, солистка Матвиенко);

– Я нэ знала, що та музыка чаривна нэ для мэнэ, а для іншої... («Покохала молодого скрипаля»).

О немцах

В Кунгуре, на кирпичном заводе, работали высланные немцы Поволжья. Столярный цех был укомплектован немецкими мастерами. Мы с братом не вылезали из этого цеха. Подружились с мастерами. Они относились к нам по-отечески, делали деревянные игрушки, в основном сабли, пистолеты.

Мы, украдкой от родителей, делились со старшими друзьями нашим скудным пайком.

В Умани столярный и механический цеха также были укомплектованы мастерами из военнопленных. И с ними подружились, они «вооружали» наши детские забавы.

В 1946 году мимо завода проехал эшелон теплушек. Пленные возвращались на родину. Махали заводу из вагонов, что-то кричали. Мы с братом так же от души отвечали им возгласами и жестами.

В послевоенные годы страна голодала. Но пленные получали тот же паёк, что и победители.

В Крюкове работали пленные японцы. Им на паёк выдавали рис. Для нас в те времена рисовый отвар был лекарством. На рынке гранёная стопочка риса стоила больших денег.

«Рубаць маскалюшку» (ещё о Белоруссии)

Националистические силы этой республики также имели место.

С начала строительства второй линии метрополитена станция Немига одним концом упиралась в Замчище (Минский кремль), другим – в единственную действующую в городе церковь. Церковь горела при Наполеоне, позже была разграблена немцами. Лично встречался с патриархом Минским и Гомельским – Филаретом. Рассказал его святейшеству о мерах по сохранению храма, о том, что склон горы, на котором построена церковь, застроенный в то время сараями и гаражами, по завершении строительства станции будет освобождён от беспорядочной и унылой застройки и озеленён. Верующие будут пользоваться метро. Возможные трещины и деформации от наших работ устраним. Самые квалифицированные в стране специалисты-отделочники (Метроспецстрой) придадут церкви достойный облик. Отец Филарет дал добро. Будучи одновременно представителем РПЦ за рубежом, предложил помочь импортной техникой и материалами. С благодарностью отказался.

Используя всё советское, применили химическое закрепление грунтов.

Для Замчища в смете были заложены раскопки. Метростроевцы выгородили территорию, установили бытовки, выполнили искусственное водопонижение. Надо сказать, что Немига, приток реки Свислочь,

которая пересекает Минск с северо-запада, упомянута в «Повести временных лет». Дата битвы при Немиге считается датой основания Минска.

Раскопки выполнял студенческий отряд. Руководил раскопками сотрудник Института истории Академии наук Белоруссии – Зенон Поздняк. Я был представлен ему зампредгорисполкома Тишкевичем Григорием Васильевичем – куратором строительства метро. Поздняк разговаривал со мною на белорусском языке. Тишкевич сделал ему замечание: «Коломиец строил метро в Харькове, после Минска, возможно, поедет строить метро в Казань – он не в состоянии знать все языки советских республик». Поздняк отрезал – мол, русского языка он не знает. Я заступился, сказал, что понимаю.

Раскопки были проведены успешно. Вскрыты фрагменты деревянной крепостной стены и башни. Белорусские археологи предложили законсервировать эти фрагменты и накрыть их павильоном. Нам пришлось укорачивать станцию Немига, и мы это сделали.

Но денег на консервацию Поздняк не нашёл. Обнажённые деревянные конструкции, оказавшись в атмосферной среде, начали разрушаться, и котлован раскопок был засыпан.

А Троицкая церковь сияет на зелёном холме.

Когда во времена президента Шушкевича белорусские «наци» устраивали шествия под лозунгом «Рубаць маскалюшку», их лидер Поздняк давал интервью НТВ на чистом русском языке.

Лукашенко решительно пресёк эту самостийность. Сейчас Поздняк под защитой звёздно-полосатого флага. А Белоруссия стабильно живёт рука об руку с Россией.

Донбасс восстал потому, что ему запретили говорить на родном языке.

Опомнитесь, братья! (опять Украина)

Что будет с украинской экономикой?

Я своими глазами видел индустриальную мощь Донбасса, Харькова, Днепропетровска, Кривого Рога, Запорожья. Трудился на укрепление этой мощи.

Наши правые силы обвиняют в экономическом кризисе СССР «красных директоров». Молчат о нефтяном сговоре саудитов и Рейгана!

«Красные директора» спасли экономику России при разгуле приватизации.

Климкин заявил, что амнистия не должна коснуться лидеров ДНР и ЛНР.

Опомнитесь, господа!

Донбассовцы, жертвуя собой, под обстрелами берегли шахты, заводы, комбинаты. Сейчас готовы поставлять донецкий антрацит голодающим ТЭЦ Украины.

Украина, украинский народ увенчаны воинской и трудовой славой.

Исторические прообразы героев повести Ивана Франко «Захар Беркут» не пустили передовой отряд Батыева войска в Карпаты, проявив героизм и смекалку. Галичина избежала двухвекового рабства Золотой Орды.

Герои первой обороны Севастополя – матрос Пётр Кошка и сестра милосердия Даша Севастопольская – были украинцы.

Полководцы Гражданской и Отечественной войн – Ворошилов, Тимошенко, Щорс, Пархоменко, Ковпак, Черняховский, Рыбалко. Алексей Берест – украинец политрук, руководил группой бойцов Красной Армии, обеспечившей прорыв на купол Рейхстага Егорову и Кантария для водружения Знамени Победы. Президент Кучма присвоил этому политруку звание Героя Украины посмертно.

Один из трёх Трижды Героев Советского Союза – сумчанин Иван Кожедуб.

Не надо забывать молодоговардейцев!

Герои труда, шахтёры: Никита Изотов, Алексей Стаханов, Мамай, Кольчик, машинист железнодорожных локомотивов – Кривонос. Герои полей: Мария Демченко, Паша Ангелина, Марк Озёрный.

Украина была кузницей кадров для Советского Союза. Первый перегонный тоннель Московского метрополитена от станции Лермонтовская до Комсомольской испытывал трудности в проходке, пока Абакумов не привёз на стройку пятьдесят донецких шахтёров.

Харьков – третий в Союзе вузовский центр, не говоря о вузах других украинских городов, включая Киев.

Я посещал по своей работе угольную Воркуту, алмазный Мирный. Украинцы там на каждом шагу. Украинцы до сих пор вахтуют в Воркуте.

Руководитель строительства Запорожской ГЭС Ротерт позже стал первым руководителем Московского метростроя.

Стройки первых пятилеток – харьковские: Турбинка, ХЭМЗ, ХТЗ, завод имени Малышева, Запорожская ГЭС. За это на века – слава Украине! Героям слава!

Слава академику сварки Патону, конструктору самолётов Антонову, хирургу-сердечнику Аносову, творцу кино Довженко... да какую область деятельности ни возьми... прыгну с шестом Бубке, бегуну Куцу... – слава по-настоящему выдающимся людям, прославившим Украину.

А теперешние «герои» Украины, заполнившие Бабий Яр телами расстрелянных еврейских семей, сжёгшие жителей Хатыни и одесситов в Доме Профсоюзов, приколовшие штыками младенцев карпатских сёл, грабившие шахты и заводы Донбасса – это не герои, а **палачи**, что должно быть зафиксировано в решениях нового Нюрнбергского трибунала.

Поэтический Донбасс. Горловка

Все авторы этой подборки – жители Горловки, города, на котором захлебнулось наступление украинских войск, города, который уже год находится на линии фронта, являясь буферной зоной.

Иван НЕЧИПОРУК

Член правления Межрегионального союза писателей и исполкома Международного сообщества писательских союзов.
Смотритель литобъединения «Стражи весны».
Член Союза писателей России.

Гулливерапад

Без надежды, без любви, без веры,
Одурев в предчувствии войны,
Лилипуты валят гулливеров
С постаментов гибнущей страны.

Изолгав историю и даты,
Малорослый озверел народ,
Словно гулливеры виноваты,
В том, что лилипутам не везёт.

И летят, раскаляваясь, туши,
Массой содрогая города...
И мельчают нищенские души,
Оскверняясь, раз и навсегда.

Декабрьское тепло, как эликсир,
Нет веры в зиму, нервы на пределе.
И пусть смятенья с ветром улетели,
Мы с недоверьем ожидаем мир,
Под постоянным гнѐтом. На прицеле
У гаубиц, у САУ и мортир.

Уставший город, отряхнув тоску,
И смертный страх, живѐт почти как надо,
Не думая, где грань любви и ада,
Какие козни нам опять соткут,
Каких осадков ждать? – огня иль града.
Когда минуты мира истекут...

В такие ночи люди умирают.
Зачем же я, дурак, ещё живу?
Б. Чичибабин

В такие ночи люди погибают
Под яростным предательским огнѐм.
Людские жизни, словно свечи тают...
А мы, счастливыцы, надо же, живѐм!

Мы просыпаемся. Шатаюсь, на работу
Идѐм и оживляем города,
И снова дышат шахты и заводы...
А кто-то в Лету канул. Навсегда!

Мы будем жить назло друзьям вчерашним!
Снарядами летят сомненья прочь.
Обязаны, как ни было б нам страшно,
Жить за себя и за ушедших в ночь!

16.01.15

В хитросплетеньях цифр и дат
Перемешались все события.
Дома, осколками побитые,
Безглазо выстроились в ряд.

А под ногой хрустит стекло,
Деревья с вырванными удами...
Мой город, преданный иудами,
Ещё в строю в борьбе со злом.

Мы верим завтрашнему дню:
Мы город исцелим, отстроим,
Мы наречѐм его героем,
Назло

и смерти,
и огню.

Оксана ЕГОРЦЕВА

Член литобъединения «Стражи весны», председатель городского отделения Конгресса литераторов Украины.

Свидетель агрессии

Почти ушла. Почти что убежала,
Но оглянулась... Встала – не смогла!
Домой – пешком с бурлящего вокзала,
Толпа же «штурмовала» поезда.
Я – не смогла уехать и оставить
Любимый город в сумраке войны,
И не уйти от участи печальной
Свидетеля агрессии страны,
Когда-то мирной...

Город мой – держись!

Ведь ты солдат, достойный предков славы.
Для них – АТО, для нас – война за жизнь,
И мы сдаваться не имеем права!

Не трогайте Донбасс

Донбасс свой выбор сделал, господа!
А вы – скачите, коль остались силы.
Извечная борьба добра и зла
Закончится нежданно – у могилы,
Когда всех сыновей схоронит мать,
Когда отец семейства не вернѐтся...
Я не устану это повторять:
«Очнитесь, люди! Сколько крови льѐтся...»
Не трогайте Донбасс – мы будем жить
И вопреки досужим разговорам!

Чтоб власть смирилась со своим позором,
Скольких ещё вам надо схоронить?

Детям необъявленной войны

дочери Мирославе

Выстрелы крадут минуты счастья
У моей ни в чём невинной дочки.
К сожаленью, не в моей то власти –
Взрывы запретить с утра до ночи.
И молюсь, качая на руках
(Ночью я намного ближе к Богу),
А в огромных дочкиных глазах –
Страх, непонимание, тревога...

Виктор ПОЛУПАН

Член Межрегионального союза писателей.

К юбилею

Я юбилей свой отмечал в подвале,
насколько мне на то хватало сил.
Мне вин заморских там не подавали,
да я, признаться, их и не просил.
Не уставал от дружеских даров я
и в тесноте сырых моих хором
пил вместо водки воду за здоровье
и загрызал при этом сухарём.
Слова жены звучали, как награда
за то, что я ещё на свете есть.
И фейерверк из установок «Града»
устроен был в мою, наверно, честь.
Я юбилей свой отмечал в подвале,
а наверху безумствовал металл.
чтоб праздник свой встречать мне так, едва ли
об этом я когда-нибудь мечтал.
Для праздничного дня не слишком ярок,
но этот день мне дорог и такой.
В углу подвала догорал огарок
за здоровье моё и упокой.
И хоть стреляло зло добру в отместку,
но плакаться мне было не с руки.
И с пулями от дочек эсэмэски
в подвал влетали наперегонки.
А наступала пауза немая,
я радовался празднику вдвойне,
как никогда всем сердцем понимая,
что значит жить наперекор войне!

Утро

Утро начиналось не с рассвета.
Утро начиналось со стрельбы,
И казались времени приметой
кем-то наспех сбитые гробы.
Смерть витала где-то с жизнью рядом,
нёсся плач и стон со всех сторон.
И ревели в воздухе снаряды,
заглушая колокольный звон.
Каждый дом был линией фронта
и не предвещал спасенья Спас.
Смрад и дым стоял до горизонта –
это просыпался мой Донбасс!

Военная гроза

Жара с войной смешались каждой клеткой.
Внезапно не во сне, а наяву,
как автоматной очередью меткой,
вонзился дождь в пожухлую траву.
И в той совсем не мирной обстановке
нам дождь казался выше всех наград.
И «Града» приумолкли установки,
а сыпал с неба настоящий град!
Дома во тьме присели, как избушки,
в которых был спасительный подвал.
А гром палил, как будто бы из пушки,
и спать спокойно людям не давал.
Как никогда, в такое время суток
прослушивались залпы пушек в нём.

И молния – с ней было не до шуток –
крестила перекрёстным нас огнём.

Грозы раскаты раздавались всюду,
напоминая нам вчерашний бой...
И всё ж, когда палят не из орудий,
куда приятней на душе любой!

Екатерина РОМАЩУК

Член литературного объединения «Стражи веснь»,
Межрегионального союза писателей.

Мой город охрип от молитв,
Мой город оглох от бомбёжек,
Мой город сегодня безлик...
Прошу, защити его, Боже!
Голодный, как брошенный пёс,
И часто дрожит от озноба.
Мой город, уставший от слёз,
Ещё уповает на Бога.
Калека, бессильный на вид,
Но тлеет в нём дух поколений.
Мой город стоит на крови...
За то, что не стал на колени.

Как страшно жить в преддверии войны...
Надеяться, молиться, верить в чудо
И в то, что не порвётся мира нить
Такая тонкая, но целая покуда.
Как страшно ждать рассвета за окном
И знать, что он, возможно, не настанет,
На все замки свой запирая дом,
Но вздрагивать от перестука ставен.
Не за себя – за всех детей страны,
Которым может не достаться хлеба.
Как страшно жить в преддверии войны...
И помощи ждать почему-то с неба.

Война без правил. Тихая война,
Молчанием линчующая души.
Уже не важно, чья была вина
И кто из нас страну сумел разрушить,
Кто первым за спиной стоял с ножом,
А кто вторым отважился ударить –
Не важно. Я – «чужая», ты – «чужой»,
Как титулы, на сердце вырезаем.
Раздвоен мир. Воздвигнута стена,
Навеки разделяя души наши.
Война без правил. Тихая война
Заранее обоих проигравших.

Мы – жертвы необъявленной войны,
Но мы не те, кто сдастся перед боем.
Мы как заноза для своей страны
За то, что помним подвиги героев,
За то, что не признаем мы фашизм
И нам врагом останется Бандера.
Мы – внуки тех, кто верил в коммунизм
И никогда не плюнем в эту веру.

Мы не умрём, сказав «побеждены»,
Ведь души ветеранов за плечами.
Мы – жертвы необъявленной войны,
Которых мир в упор не замечает.
Но есть другие, зрячие глаза
У Господа, что все молитвы слышит.
И плачут кровью в храмах образа
По тем, кто запятнал убийством души.

Виктория ПОЛЯКОВА

Зам. смотрителя литературного объединения «Стражи весны»,
член Межрегионального союза писателей.
Лауреат донецкой областной премии им. Г. Кривады.

В ночь на 16 января

Подвала нет (в проекте был упущен)...
Какую из трёх стен считать несущей?..
Куда упасть?.. – Удар взрывной волны...
О Господи, пошли нам тишины!..

Дом – ходуном: разрывы где-то рядом...
Теперь от нас: по звуку – запуск «Града»...
Вновь валидол положен под язык...
О Господи, как хочется мне жить!..

Мне всё равно, «укроп» то или «ватник»...
Но пятый час дрожит сервиз в серванте...
Хорошего и в эту ночь не ждать...
Свет вырубил... кончилась вода...

Нас с двух сторон подталкивают к бунту.
Одни кричат: «мир нарушает «хунта»,
Другие: «вас сливают, как всегда...»
Шесть месяцев не ходят поезда...

И блок-посты на выездах и въездах...
Нет, никогда страна не будет прежней! –
Ей жители Донбасса не нужны:
Мы террористы для своей страны!..

Под взрыв снарядов и осколков визг
Здесь отмывают «баксы» на крови,
И делят бизнес-сферы – интересы,
Но выдает прикормленная пресса:

«Ату – Россия!.. Украина – браво!..»
Чеканит шаг брусчаткой «сектор правый» -
Джин вырвался – попробуй, загони...
О Господи, спаси и сохрани!..

День ТИШИНЫ! – насмешка – не иначе...
Мать над ребёнком годовалым плачет...
В Полтаву, Киев, Львов везут гробы –
Такая вот «ирония судьбы»...

...Курганка, Бессарабка, Комсомолец...
Я в позе эмбриона в коридоре
Сижу, нательный крестик крепко сжав...
О Господи, прости...

Моя душа

Всё дальше отлетает с каждым взрывом...
(Хочу заметить, я не из пугливых),

Но этого не выдержит никто:
Подпрыгивает 3-подъездный дом,
А вместе с ним и мой район, и город...
Пожаром близким обгарило шторы...

Как с эти жить, скажи мне, Бог-Отец?!..
Молю я о смягченье злых сердец
И имена святых перебираю...
Кому ещё молиться, я не знаю...

Шестнадцатое.

Утро.

Тишина.

Сама себе не верю, что война...

Смерть поневоле соберёт своё
(Второй автобус миной распанахан).
Очнитесь, украинцы: «Я – Майорск!»
(Немного северней, чем Волноваха...)

Вы линию раздела провели –
Черту убийства и голодомора.
Весь мир кричал, смотрите: «Я – Шарли!..»
Сейчас молчит, глаза потупив долу...

...И в бахмутскую степь людской поток
(Вы ж говорите всем, что мы едины),
В обход укреп-районов, блок-постов
Подобно вешним водам бурно хлынул...

Единожды солгавшим веры нет,
И стал Иудой старший брат мой – Киев!
Я – Горловка, Дебальцево, Донецк!..

Расстрига-поп отслужит литургию!

2.35! – Мир лишь приснился мне:
От грохота и стены содрогнулись;
Взрывной волною выжат воздух с улиц;
Сработала «сигналка» во дворе.

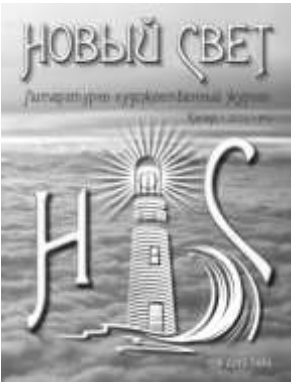
Вновь узкое пространство между стен,
И вечная надежда – Бог услышит! –
Не прилетит снаряд на нашу крышу...
Я не пишу: «Админ, «бабахи» где?..»

Нам надо продержаться до утра.
А там, глядишь, закончатся снаряды
(Я понимаю, что «ложатся» рядом...),
Отчаянно сражается сестра

Со страхом, и звучат слова молитв...
(...А сердцу валидол не помогает...)
Расслабились! – Так нас предупреждают,
Что Киев продолжает ГЕНОЦИД.

Рукою в воздухе рисую
Письмо себе... Потом прочту...
Ирина Горбань

Пишу... Тем письмам без ответа
Ни лист не нужен, ни конверт,
Но следуют они по свету
Туда, где даже света нет,
Туда, где стены вместо дома
(Донбасс – обстрелы! – наши дни),
Так, словно повинуюсь долгу,
За мною следуют они...

ТВ востаня у Журнала**Журнал «Новый Свет» (Продолжаем знакомство)**

«Новый Свет» — литературно-художественный журнал, основанный группой русскоязычных писателей Канады в начале 2013 года. Журнал публикуется издательством «Litsvet». Выходит ежеквартально в электронном формате и два раза в год — в печатном. Печатный номер комплектуется преимущественно на базе последних двух электронных номеров.

Большая волна русскоязычной эмиграции в Канаду принесла с собой и внушительный потенциал во многих сферах деятельности. Потенциал в основном технический, однако не осталась в тени и творческая сторона. В какой-то момент под флагом с кленовым листом появилась «критическая масса» русскоязычных писателей, поэтов, деятелей театра и кино, журналистов. Началась ценная реакция, приведшая в начале 2013 года к появлению первого в Канаде русскоязычного литературно-художественного журнала, названного «Новый Свет». Его слоган «Новый журнал в Новом Свете» передаёт суть, которая заключается в стремлении объединить русскоязычных авторов из разных стран, как некогда Новый Свет принял путников со всех уголков планеты.

Михаил СПИВАК (заместитель главного редактора журнала «Новый Свет»)

Член Союза журналистов России. Автор романов: «Тыловые крысы, или Армейская одиссея Семы Шпака» (2008), «Дебошир» (2010), «Приключения дона Мигеля Кастильского и визири Иерусалимского в Испании» (2012), «Мужской взгляд на любовь» (2013). В 2010 году стал главным редактором общественно-политической газеты «Перекрёсток Виннипег», издаваемой Культурно-Образовательным центром провинции Манитобы. В 2014 году — член жюри Всеканадского детского литературного конкурса «Пишем и говорим по-русски». В этом же году стал редактором в организационном комитете Фестиваля российского кино в Торонто.

Ещё полтора десятка лет...

Давно почил в бозе советский социализм, а ментальность и пережитки прошлого, видимо, себя никак не изживут. Собрался я было брошюрку напечатать и, в целях экономии средств на пересылку, обратился в российские типографии. На сайтах нашёл цены — просто загляденье, раза в 3-4 дешевле, чем у нас в Канаде. Правильно, конкуренция, типографий-то этих, как собак нерезаных.

Уже четверть века на моей родине свирепствует капитализм, вот я и подумал: плачу долларами... эх, как налетят сейчас полиграф-полиграфычи, то есть полиграфией которые занимаются, да как закидают предложениями — одно выгодней другого.

Написал в пять типографий, предоставил им информацию по макету: объём, цветность, количество экземпляров, размер (в дюймах), нужную плотность бумаги и т.п. День проходит, другой, третий. Ответили мне двое (из пяти!)

Те, у которых цены на сайте симпатичные, оказались отменными шутниками — цены в смете умножили ровно на 10. В Канаде и Штатах я сталкивался с ситуацией, когда цены завышались в полтора раза относительно указанных на сайте, но не в 10. Ладно, с этими понятно. Поразил меня другой ответ, привожу его как есть:

«Мы в России. У нас метрическая система измерений. При обращении в типографии указывайте размеры в миллиметрах. Поверьте, никто не будет переводить дюймы в миллиметры. С уважением, начальник отдела по работе со СМИ ...»

Ради эксперимента обратился в канадские и американские типографии, размеры предоставил им в миллиметрах. Пусть помучаются. Сижу, злорадененько руки потираю. Но нет, никто не мучился. Во-первых, на следующий день ответили все без исключения. Во-вторых, никого не смутили миллиметры. То ли у них калькуляторы лучше российских, то ли им на клиента не наплевать. Так или иначе, кинулись с распростёртыми объятиями, предоставили расчёт стоимости, в котором указали размеры макета в обеих системах — чтобы мне понятней было. Остаётся только привести один из типовых ответов:

«Дорогой мистер... Спасибо за ваш интерес к нашей компании. В приложении Вы найдёте расчёт стоимости вашего заказа. Если у Вас возникнут какие-то вопросы, без стеснения обращайтесь по эл. адресу ... или звоните мне по прямой линии ... С наилучшими пожеланиями, начальник отдела по обслуживанию клиентов ...»

Кстати, из спортивного любопытства попытался дюймами огорошить израильскую типографию. У них тоже метрическая система. И снова никто не испугался — сделали не только расчёт, но и указали, если увеличу тираж, то себестоимость одного экземпляра снизится. Это понятно и без них, но важен сам подход.

Я сначала недоумевал, почему российский бизнес так отличается от западного, а потом вспомнил про Моисея. Не зря он сорок лет водил народ по пустыне — ждал, когда «испорченное» поколение вымрет.

В другой раз обращаюсь в российскую типографию через полтора десятка лет — пусть вымрет нынешнее поколение предпринимателей, а с новыми, надеюсь, можно будет иметь дело.

Канада в Сочи

Юные соотечественники встретились в Сочи

С 11 по 17 апреля в олимпийском Сочи состоялись первые всемирные игры юных соотечественников, посвящённые 70-летию победы в Великой Отечественной войне. Соревнования проходили в пяти дисциплинах: баскетбол, волейбол, мини-футбол, настольный теннис и шахматы. За первенство боролись русскоязычные дети в возрасте от 12 до 15 лет из 34 стран; всего – более 600 участников. Помимо состязаний были проведены конкурсы «Визитная карточка» и «Диалоги на русском языке»: в первом конкурсе дети в национальных костюмах представляли свою страну, во втором – демонстрировали знание русского языка и культуры в соревновательной форме, по принципу игры в брейн-ринг.

Впечатлил размах и организационная составляющая мероприятия. По линии Россотрудничества была проведена координационная работа и организован сбор команд от Китая и Монголии – на востоке, до Канады – на западе. Каждой команде оплачивался проезд из столицы государства до города Сочи. Там всех прибывших встречали волонтеры и развозили по гостиницам. Кстати, волонтеры оказывали огромную помощь на всех этапах: от расселения до отправки на экскурсии.

Было организовано трёхразовое питание. Вечерами проводили дискотеки или «костры дружбы» – подобие пионерских костров с песнями под гитару.

Особым подарком для участников стало присутствие на играх мировых знаменитостей. Анатолий Карпов, двенадцатый чемпион мира по шахматам, пообщался с ребятами, дал сеанс одновременной игры и оставил автографы. Ирина Роднина, олимпийская чемпионка, легенда фигурного катания, на протяжении всех игр общалась с участниками. Олимпийская чемпионка Татьяна Лебедева принимала ребят в «зелёные пионеры».

В различных мероприятиях участвовали выдающиеся спортсмены: шпажист Павел Колобков, олимпийский чемпион (2000), 6-кратный чемпион мира и двукратный чемпион Европы; Иван Едешко – советский баскетболист, чемпион мира 1974 г., чемпион Европы 1971 и 1979 г.; Владимир Васин – первый советский олимпийский чемпион по прыжкам в воду; Светлана Журова – легендарная советская и российская конькобежка, многократная чемпионка России в спринтерском многоборье, чемпионка мира в спринтерском многоборье (2006), неоднократная победительница и призёр чемпионатов мира по спринтерскому многоборью, олимпийская чемпионка (2006) на дистанции 500 метров; Марат Сафин – российский теннисист, бывшая первая ракетка мира в одиночном разряде, победитель 2 турниров Большого шлема в одиночном разряде (US Open-2000, Australian Open-2005), двукратный обладатель Кубка Дэвиса (2002, 2006) в составе национальной сборной России; Вера Звонарёва – российская профессиональная теннисистка, четырёхкратная победительница турниров Большого шлема, трёхкратная финалистка турниров Большого шлема, победительница 12 турниров WTA в одиночном и 6 турниров в парном разряде... и другие выдающиеся спортсмены. На игры приехал легендарный космонавт Сергей Крикалёв – рекордсмен Земли по суммарному времени пребывания в космосе, Герой Советского Союза и Герой России (один из 4 человек, удостоенных обоих званий).

В пути

Началась поездка радужно. Солнечным апрельским утром канадская делегация, состоящая из руководителя (вашего покорного слуги) и четверых юных шахматистов отправилась в далёкое путешествие через Атлантический океан. Чтобы добраться до Сочи, нам предстояло совершить четыре перелёта с первой остановкой в Оттаве.

Канадская столица приняла нас плохой погодой. Заливаясь слезами, бесперебойно моросил холодный дождик и хлестал резкий ветер. Я совсем не случайно упомянул погоду – она оказалась нелётной. Мы застряли в аэропорту Оттавы, а в Нью-Йорке уже под парами готовился взлететь трансатлантический лайнер Аэрофлота. Появилась реальная угроза опоздать на самолёт и закончить путешествие, так и не начав его. К счастью, в дело вмешалось не провидение, а вполне земные силы. Российское посольство в Канаде, – спасибо ему большое, – узнав о проблеме с вылетом, обратилось с просьбой к российскому авиаперевозчику подождать нас. В аэропорт Кеннеди мы прибыли ровно за 10 минут до вылета. Нас встретила миловидная сотрудница Аэрофлота и быстро оформила на рейс. Таким образом, оставшаяся часть пути прошла без приключений.

Хочу отметить, что сервис Аэрофлота значительно изменился за последние лет 10-15 – изменился в лучшую сторону, как на международных, так и на внутренних авиалиниях, не уступая, а порой и превышая уровень сервиса иностранных авиаперевозчиков. Бортпроводники Аэрофлота уж точно более внимательные и доброжелательные к пассажирам.

Шахматные баталии

После некоторой заминки организаторы пересмотрели порядок проведения шахматных матчей. Дело в том, что не все страны выставили команды в полном составе. Конечно, выставившим

укомплектованные команды было немного обидно переходить на «личной-командный» обсчёт... но таков был вердикт.

Основным фаворитом сражений на 64-клеточном поле всеми признавалась сборная команда России. Так и получилось – россияне финишировали с гигантским отрывом; легко, фактически без борьбы, разгромили всех соперников. В общем, интриги в шахматах не случилось.

Канадцы в первых же турах попали на россиян и израильтян, после чего, уступив лидерам, прочно удерживали позицию в середине турнирной таблицы. Турнир завершили на 13 строке из 26. Результат очень неплохой.

Общественные мероприятия

Надо отдать должное организаторам, каждое мероприятие было продумано до мелочей, что позволило превратить их в увлекательное событие. Так, церемония памяти павшим во Второй Мировой войне стала для детей, воспитанных вне российской культуры, познавательным рассказом о самоотверженном подвиге советского народа. Дети из разных стран с интересом слушали выступающих, узнавали новое для себя. Ведь о героизме советских солдат мало рассказывают на уроках истории на Западе.

Особо хочу отметить выступление девочки из нашей команды, Марии Калмыковой, на церемонии памяти. Сразу за Ириной Родниной (!), от имени всех соотечественников Мария поблагодарила организаторов игр (уж простите за хвастовство, дорогие читатели, ваш покорный слуга писал ту речь). Марии аплодировали такие знаменитости, как Анатолий Карпов, Ирина Роднина, Герой Советского Союза и России, космонавт Сергей Крикалёв, идеолог игр соотечественников Отари Аршба и другие знаменитости. А через несколько дней, на закрытии, Мария получила приз за лучший слоган игр.

Другой делегат канадской команды, Миша Спивак, участвовал в возложении цветов к мемориалу, а его товарищи Ник Денисенко и Дариан Шахмурадян проявили себя в проекте озеленения – посадили деревце, за что получили сертификаты «зелёных пионеров».

Сочи – город спортивных достижений

Нам устроили экскурсии в горы и по олимпийским объектам. Мы побывали возле цветного фонтана и олимпийского огня, посмотрели спорткомплексы. Поехали на автобусах по городу, послушали рассказ экскурсовода об истории Сочи.

Ребята из разных стран быстро сдружились (вот где пригодился русский язык). Мальчишки и девочки собирались в группы по интересам и по возрасту.

Очень тепло приняла нас общеобразовательная школа №66 (туда попала канадская команда). Директор и завуч радушно встретили нас, провели экскурсию и ответили на вопросы о российском образовании. Педагоги подготовили показательные уроки. А затем с эмоциями и смехом была увлекательная интеллектуальная игра командами. Визит в школу оставил самые благоприятные воспоминания. Гости и хозяйева нашли общие интересные темы и продолжили общение в последующие дни. Ученики школы появились даже на закрытии игр, чтобы аплодисментами поддержать своих новых товарищей.

Досуг

Активность в санатории после ужина не замирала. До позднего вечера дети плясали на дискотеке или, что впечатлило и навеяло ностальгию, жгли пионерский костёр. Потрясающий вид: ночь, вокруг морской шёпот, звонкий треск поленьев и мелодичное звучание гитары.

Команда Канады сдружилась с ребятами из Люксембурга, Италии и Китая. Шумели, баловались, бегали по этажу – хорошо проводили время, весело. И руководители делегаций нашли там единомышленников. Мне, как автору, было приятно узнать, что мои статьи и рассказы читали в Китае, что меня там знают...

Многие обменялись электронными адресами и телефонами. Встретились мы абсолютно чужими людьми, а прощались – друзьями, с пожеланием увидеться через год.

Остаётся только от всей души поблагодарить организаторов игр и пожелать их начинанию стать доброй традицией!

Руководитель канадской делегации Михаил СПИВАК, г. Виннипег.

К Р И Т И К А

Я не согласен ни с одним словом, которое вы говорите, но готов умереть за ваше право это говорить.
Вольтер

Александр КУЗЬМЕНКОВ

г. Нижний Тагил, Свердловская обл.

Филолог. Прозаик, публицист, литературный критик. Автор нескольких книг, многочисленных критических и публицистических статей, заметок в журналах «Урал» и «Бельские просторы». С июля 2014 года ведёт постоянную критическую рубрику в «Литературной газете». Лауреат литературной премии «Серебряная пуля».

Владимир Монахов – одной строкой

Писателю Владимиру Монахову из Братска 60 лет

Родился 1 мая 1955 года в городе Изюм Харьковской области, УССР. Пишет стихи и прозу с 1972 года. Автор более десяти сборников. Публикуется в антологиях, журналах и альманахах. За серию эссе в 2006-м стал лауреатом журнала «ЮНОСТЬ». В 2009 году за «Русскую сказку» поэту вручена национальная премия «Серебряное перо». Лауреат Международного поэтического конкурса «Лёт лебединый» имени Петра Вегина (2014). Занял второе место в номинации «Бэла» за лучшую новеллу о любви в международном Лермонтовском конкурсе (2014). Входит в литературную группу ДООС (Добровольное общество охраны стрекоз) под псевдонимом Братскозавр.

Господи, экий нонсенс! – говорить афоризмами о большом (на язык просится ленинское «матёром») человеку. Но, с другой стороны, как ещё должно говорить о Монахове, чьё творческое кредо – «Одной строкой остаться в мире»? В.М. и сам предельно лаконичен – три строки хайку, катрен, сентенция в десяток слов... По версии автора, краткость – сестра душевной лени. Думаю, всё несколько сложнее: не в лени дело, а в дисциплине мысли. А скорее всего, прав Шукшин: будь песня дольше, она не была бы такой щемящей...

Когда в стране замешивают бурю
российствующие мастера грызни, –
то денег не хватает бескультурию...
Культура приучилась жить без них!

Сразу на ум приходит пушкинское «Он в Риме был бы Брут, в Афинах – Периклес...» В хэянской Японии, где удачный стихотворный экспромт становился залогом карьеры, Монахов был бы придворным – в ранге как минимум тюнагона. В королевской Франции, где *bon mot* ценились на вес золота, В.М. фигурировал бы в списке Шаплена. У нас он – провинциальный журналист. Чёрт его догадал в России родиться с душой и талантом. Но пехотинец литературы повторяет вслед за восточными мудрецами «...я чувствую себя непобедимо, когда не побеждаю никого».

Из всей мировой философии Монахов наиболее твердо усвоил у-вэй – даосский принцип созерцательного недеяния.

Бог плакал и читал стихи по-русски,
томление в груди глаголом заглушив.
Ведь сердца боль – полоска жизни узкая,
спасает всё на пёрышке души.

В детстве он торговал бахчевыми на рынке. Карьера юного негоцианта завершилась визитом учительницы к родителям: ваш мальчик слишком талантлив, чтобы стоять у прилавка. Любопытный палиндром к евангельской притче об изгнании менял из храма, не находите? А вот и характерный автопортрет на тему:

Стоит человек посреди базара –
Исполняет соло задумчивости.
Никто не интересуется ценой.

Некогда Монахов мечтал стать военным врачом – кажется, и по сю пору жалеет, что предпочёл изящную словесность. По-моему, напрасно. Пусть армейская карьера не задалась, зато с медицинской всё в порядке: стихи Монахова – весьма недурная психотерапия. Настоятельно рекомендую

страждущим. И тут нелишне вспомнить, что когда-то в Братске он пытался продавать свои стихи в аптеках, но эта затея провалилась в самом зародыше. Коммерсанты не поняли серьёзность намерений и вежливо отказали поэту.

Мысль В.М. не многословна, но многослойна. Non multa, sed multum.

Польти насчитал в мировой литературе 36 сюжетов. Борхес сократил их количество до четырёх. У Монахова, в сущности, их всего два: любовь и смерть во всех своих ипостасях. То бишь, проявления божественного в человеческом.

Оставь слова свои, не мучайся, любимый,
в объятиях твоих готова умереть,
и что ты прячешься за стайкой голубиной,
ужо иди ко мне – тянула руки... смерть!

Евангелие от Монахова состоит из единственного стиха: Господь наш – наверняка атеист. Недаром его лирический герой с таким понятным именем Слава Богов стал постоянно действующим персонажем стихов, притч и коротких рассказов, часто повторяет: Бог создал зеркало, взглянул в него и понял, что Бога нет!

«Бог умер», – сказал Ницше. «Человек умер», – продолжил Фромм. «А лучше б всем им не родиться», – завершил Монахов. И всё-таки чуть позже он искал всем нам надежду:

Мне горло залили молчанием
Земли, что скорбит в тишине,
А вечность застыла в печали
От пуль на расстрельной стене.

Как сахар легкорастворимый
Смерть Бога свела на покой,
Но что-то знакомое в глине
Господь лепит слабой рукой!

В отрочестве он ходил в школу босиком, подражая Григорию Сковороде. Когда вырос, – уж не знаю, неосознанно или сознательно, – выстроил жизнь по его заповедям. «Счастье твое и мир твой, и рай твой, и Бог твой внутри тебя есть», «У истины простая речь», «Мудрец обязан с гноя выбирать золото», «Без зерна орех ничто же есть, а без сердца человек», «Тот ближе всех к небу, кому ничего не надо», «Мир ловил меня, но не поймал» – узнаете? И если вам в просторах Сети когда-нибудь попадутся его заметы со странным названием «запись(НОЧЬ)нушки», вы в них много найдёте от Сковороды.

«Одной строкой остаться в мире...» Однако у В.М. таких строк добрая сотня, коли не больше: «Апокалипсис страшен не гибелью, но постоянным продолжением», «Бойтесь поэта, стихи приносящего», «Красоту женских линий творит ненасытный взгляд мужчины», «Народ у нас хорош – людишки только дрянь», «Жизнь удалась: возможности пропиты», «Я узан старым кладбищем», «Свет на всех один, а тьма у каждого своя!» ... Ну, и так далее – по слову Хлебникова, любимого нашим героем.

Жизнь не требовала от него громких подвигов. Его подвиг незаметен стороннему взгляду: достойно принимать неизбежное. Как любит повторять В.М. – достаточно и 12 читателей. И тут мы снова улавливаем переключку – сами понимаете, с какой книгой книг.

Извечная моя манера – сравнивать людей с животными. Монахов всегда виделся мне сенбернаром: большой, медлительный, умный, сильный, преданный...

Вместо эпилога – опять-таки одна строка. На сей раз – из японской классики: «То, что не высказал я, сильнее того, что сказал...». И тут уместно вспомнить любимый плаги-АРТ нашего героя «Всем лучшим в себе я обязан книгам, которые не прочитал...»

Владимир СЕМИБРАТОВ

г. Киров

Член Союза писателей России, Национального союза библиофилов. Кандидат культурологии. Доцент, заведующий кафедрой Кировского филиала Московского гуманитарно-экономического института.

Автор ряда краеведческих и литературоведческих книг, а также трёх книг стихов.

Сквозь заросли судьбы на поэтический Эверест

...Ползу по зарослям судьбы...

...Своим путём взойти на Эверест.

Поэзия – мой Бог...

Виктор Сербский

Любой мало-мальски осведомлённый о Братске человек знает: для этого сибирского города самыми знаковыми являются знаменитая Братская ГЭС и не менее знаменитая Библиотека русской поэзии XX века, носящая ныне имя её основателя Виктора Соломоновича Сербского (1933–2011).

Этому гению места и посвящена вышедшая в Братске книга «Из зарослей судьбы»¹, название которой невольно отсылает к сборнику самого её героя «Заросли судьбы», дважды (в 2003 и 2008 гг.) издававшемуся в г. Иркутске. По мнению Василия Скробота, «даже одно это название говорит о многом, особенно слово “заросли”. Считаю, что так сказать мог только поэт. Это слово точно и красноречиво характеризует жизнь автора. В таких зарослях можно легко затеряться, заблудиться и не найти свою дорогу, чтобы выйти к солнечному свету и теплу» (с. 108).

С этими словами перекликаются рассуждения Сергея Маслакова, который в открывающей книгу документальной повести «Сквозь заросли судьбы» отмечает: «Сейчас, когда Виктора Сербского нет, разобраться в этих “зарослях” могут только его родные – прежде всего жена Мария Петровна и младшая дочь Екатерина. Екатерина Викторовна, профессиональный библиограф, продолжила дело отца, возглавив библиотеку его имени» (с. 5).

И не только продолжила, добавим мы, но и, как показывает вышедший сборник, всячески содействует тому, чтобы память о её отце не ослабевала. Не случайно составленное Екатериной Сербской совместно с издателем и редактором из г. Екатеринбурга Борисом Вайсбергом первое издание книги «Из зарослей судьбы» (Братск – Екатеринбург, 2013) было приурочено к 80-летию со дня рождения выдающегося российского библиофила. Во вступительной статье его дочь объяснила тогда читателям, почему сборник назван именно так, отослав, в частности, к строкам стихотворения отца, в котором он, рождённый в Верхнеуральском политическом изоляторе, признаётся:

Просёлками с клеймом проклятым
Ползу по зарослям судьбы...

«...Выражение это – ЗАРОСЛИ СУДЬБЫ, – написала Екатерина Викторовна, – кажется нам очень символичным, образным, ярким применительно к жизни Виктора Сербского. Захотелось сохранить его и в названии нашей книги».

Вошедшие в братский сборник материалы разделены на пять частей, в каждой из которых на первое место выходит та или иная ипостась многогранной личности: «Сквозь заросли судьбы», «Защищающий слово», «Человек космический», «Великий книгочей», «Своей тропой взойти на Эверест» (в последнюю включены фрагменты из «Записок библиофила» Виктора Соломоновича и некоторые его наиболее знаковые стихи).

Большинство страниц книги отведено воспоминаниям 25 авторов из Братска, Иркутска, Магадана, Забайкальского края, Екатеринбурга, Кирова, Санкт-Петербурга, Пскова, Самарской области, Новороссийска. Всех их с полным правом можно назвать людьми орбиты Сербского, на что наталкивают, в частности, рассуждения Романа Чайковского, открывающие его эссе «По общности судеб (Булат Окуджава и Виктор Сербский)». Булата Шалвовича он характеризует как «некое объединяющее общество начало; как поэта и человека, который буквально втягивал в свою орбиту не только тех людей, имена которых стоят перед многими его стихами, не только его близких, не только его друзей, но и сотни, если не тысячи, других безвестных, далёких, но попавших в поле его магнетизма. Все они – счастливые пленники Булата Окуджавы» (с. 55).

Одним из таковых, несомненно, был и Виктор Сербский. Однако, подобно знаменитому барду, он и сам являлся вполне самостоятельной планетой, вокруг которой вращались другие «пленники», тянувшиеся к «счастливому безумцу книголюбства», «яростному собирателю литературы» (с. 60), как называл Сербского Окуджава. И каждый из них, посылая в Братск свои и чужие поэтические томики, без преувеличения, был исполнен гордости от причастности к великому делу сотворения единственной в стране и мире Библиотеки русской поэзии XX века.

Виктор Соломонович обычно скромно называл себя «провинциальным библиофилом» (как, например, в подзаголовке книги «Переход через Ангару», изданной в 2004 г. в Екатеринбурге – Братске). Однако соприкасавшиеся с ним люди неспроста ощущали его «континентальный» (Борис

¹ Из зарослей судьбы: О библиофиле Викторе Сербском / Изд. 2-е, доп.; сост. Е.В.Сербская, Б.С.Вайсберг. Братск: Типография «Полиграф», 2014. 188 с.: ил., 300 экз. В тексте рецензии цитируемые автором страницы указаны в скобках.

Вайсберг, с. 144) и даже «космический» (Георгий Житихин, с. 101) масштаб. Да и сам он чувствовал себя таковым, о чём говорят его фразы типа: «Россия шлёт» (Надежда Яньшина, с. 128). Это как у дарившему Сербскому свои книги Валентина Распутина в «Прощании с Матёрой»: «Русь печи топит». Впрочем, библиофил, как и поэт, не может быть столичным или провинциальным: он либо есть, либо его нет, поскольку и книгособирательство, и поэзия – это, прежде всего, состояние души и образ жизни.

Не случайно многие из тех, кто близко знал знаменитого братчанина, вспоминают его таким: «...Вечно с портфелем, набитым книжками, книжищами и книжечками, Сербский мчал от одного букиниста к другому, переходил от большого поэта к малому, ладил свои маршруты от стихотворца к графоману, будучи одержим одной, вечно озарявшей его... страстью – снабдить добытое непременно автографом» (Анатолий Кобенков, с. 51).

В результате число книг с дарственными надписями авторов в более чем 30-тысячном собрании Сербского превысило 6 тысяч. При этом, по мнению собирателя, автограф, чтобы быть полноценным, должен состоять не менее, чем из восьми слов. В воспоминаниях библиотекаря Галины Гнечутской, ставшей сотрудницей созданной Виктором Соломоновичем библиотеки, по этому поводу сказано: «Имея отношение к книговедению, я нигде не встречала нормативов автографа: не менее восьми слов. Я и прежде спрашивала Сербского об этом, но он уклонялся от ответа. Однажды я решила прийти к нему с конкретной целью и почти с порога задала свой вопрос: “Кто придумал такое правило – не менее восьми слов в автографе?”. – “Да я и придумал, потому что восемью словами можно выразить мысль”, – скромно заметил Виктор Соломонович. Я обрадовалась такому чудному его изобретению! Благодаря ему, мы можем читать мысли поэтов в их единственном экземпляре!» (с. 98).

То же Сербский повторил и в частном письме, указав на то, что автографы – «принадлежность книги. Есть искусство автографа. Но оно, как и всё значительное, редко. 8 слов – это отрезок, на котором в русском языке размещается законченная мысль» (Надежда Яньшина, с. 131).

Критерию этому, правда, далеко не все придавали такое большое значение. Об этом свидетельствуют надписи на книгах, подаренных Виктору Соломоновичу и его дочери Екатерине. При этом «...многие книги... не с простыми автографами (такому-то с уважением!), а с проникновенными посвящениями, поэтическими и прозаическими, серьёзными и шутивными, с рисунками и шаржами!» (Зоя Ян Фа, с. 89).

Образцы этих автографов, щедро разбросанных по страницам всего сборника «Из зарослей судьбы», можно увидеть и на обложке, и на вкладке с иллюстрациями. Среди дарителей – поэты Булат Окуджава, Евгений Евтушенко, Роберт Рождественский, Борис Чичибабин и многие-многие другие, считавшие Сербского не только собирателем, но и равным им собратом по литературному цеху. Не случайно он, автор многих поэтических и прозаических книг, состоял в профессиональном Союзе российских писателей.

Виктор Сербский был одним из активных членов Организации российских библиофилов. Несмотря на нездоровье и дальность пути, он старался принимать участие в ежегодных библиофильских встречах, которые проходили в различных городах европейской части страны. Разумеется, эта его ипостась также нашла отражение на страницах сборника (см., напр., с. 129, 142, 148, 161–162), выход которого в свет любезен сердцу любого книжника.

Изящно отпечатанная в братской типографии «Полиграф» на средства администрации города (их, к сожалению, хватило лишь на 300 экземпляров) книга отчасти воплотила в жизнь мечту Екатерины Сербской, высказанную ею в первом издании: «Хочется надеяться, этот наш сборник – не последняя книга о папе. Будут ещё “ИЗ ЗАРОСЛЕЙ СУДЬБЫ – 2, 3” и т. д.».

Выражает такую надежду и автор этих строк, который при всех достоинствах издания не может не указать и на некоторые его недостатки, легко устранимые при умелой редакторской и корректорской правке. В таком случае исчезнут лишние и появятся отсутствующие знаки препинания, не станет шрифтового разнобоя в цитатах из писем и стихах, будут устранены орфографические погрешности.

Редактор-профессионал наверняка сократит и «причешет» некоторые неоправданно пространные тексты, сопровождаемые к тому же слабыми стихами мемуариста, расшифрует непонятные непосвящённым сокращения, постарается пояснить или исключить нестыковки в изображении одних и тех же событий различными авторами, чтобы читатель не остался в недоумении. Ведь если, например, Сергей Маслаков неудачу с поступлением юного Виктора в ЛГУ убедительно объясняет чисто «техническими» причинами: «...Отправил документы, но пока ждал медаль, сроки вышли, и пришёл ответ: “Набор медалистов закончен, документы возвращаем”» (с. 10), то Борис Вайсберг утверждает: «...В Ленинградский университет документы не приняли – сын врагов народа» (с. 140).

Не станет лишним предисловие к книге, где, в частности, объяснялась бы неизбежность повторов и самоповторов в текстах, печатавшихся в разное время в различных изданиях. При этом если уж указывать данные первой публикации, то делать это необходимо применительно ко всем, а не к одной-двум.

Остаётся также пожелать, чтобы новые издания «Из зарослей судьбы» завершали краткие биографические сведения об авторах, т.к. из самих текстов не всегда ясно, кем является человек и чем именно он занимается.

Поэзия до дна освоена.
На рынке строчка по рублю.
А я хочу сказать по-своему
Любимой женщине «Люблю».

Но знают все поэты с
древности,
Свои признания творя, –
Слова о верности и ревности
Глаза и руки говорят.

Я не поэт. И по наивности
До исступления твержу:
«Готов любые муки вынести» –
На смертном ложе, но скажу».

Булату Окуджаве

Никогда никому не завидовал,
Век короткий негромко прожил,
Русь объехал и – выпало – видывал
На чужой стороне витражи.

Только это потом. А начало
Счёту быстро бегущим годам
Я веду от морского причала, –
Пересыльный детдом. Магадан.

Вот отсюда, в «счастливое детство»
Дал протяжный гудок пароход.
Небольшое с собою наследство –
Справка: имя, фамилия, год –

Год рожденья, придуманный кем-то,
И два холмика в вечном снегу...
Акварели полярные Кента
Постоянно в душе берегу.

Лист осиновый с мусором кружит.
День осенний на убыль пошёл.
Я отведал таймырскую стужу,
Потогонию Братска прошёл.

И нигде никому я и малость
Не завидовал, даже во сне.
Знать, поэтому вышло под старость,
Что никто не завидует мне.

1985 г.

Азбука

В ссылке в Тобольске,
Когда мне не было и трёх лет,
Мама обучала меня азбуке.
Она пекла крендели – буквы
И, давая мне кренделёк,
Разрешала его съесть,
Если я правильно называл букву.
Вот этот жук – буква Ж.
Мама Женя.
Вот эта баранка – буква О.
Если её ломаем,
Получим две буквы С.
Папа Сербский Соломон.

А если сложим два кружка,
Будет одна буква В.
Витя.
Я повторял: – Витя, –
И отправлял в рот кренделёк.
А вот буква М.
Мама.
Отломим от неё кусочек,
Получится буква Л.
Положим рядом знакомые буквы.
М. Л. В.
Мама любит Витю.
И мы вместе, смеясь, съедали
Это предложение.
Очень вкусная была азбука.
В лагере на Колыме
Обучение оборвалось –
Крендели заменила пайка,
Которую не терпелось тут же съесть.
Оборвалась и мамина жизнь...
А меня потом долго
Никто не мог научить читать.
В первом классе я сидел два года, –
После маминой азбуки
Книжную я не понимал.

Утро в ОЛП им. Берзина. 1937

Во сне я видел пайку без довеска.
Открыл глаза – на улице светало,
А мама так старательно пыталась
Набросить на решётку занавеску

Из старой юбки, сон мой сберегая,
Чтоб мне подольше снилась моя пайка
И сказочная ровная лужайка,
Вся в лютиках и перьях попугая.

Я прыгнул с нар: – Ну, мамочка, не плачь.
И сон пропал. Жду пайку и баланду.
И слышу каждодневную команду,
Как гонит в строй родителей палач.

Слёзы

Что бы ни случилось в жизни,
Я никогда не плакал.
Может быть, это закалка
Лагерного младенчества
Или детдомовского детства,
В котором слёзы считались позором,
Но плакать я не умел...
Теперь во время долгих бесед с вами,
Мама и папа,
Я задыхаюсь горькими слезами,
Но стараюсь их спрятать.
А когда приходят письма
От людей, прочитавших наши беседы,
И они благодарят меня
За пролитые слёзы памяти,
Я, не стесняясь, реву
Светлыми слезами печали
И благодарен этим читателям...
Я научился плакать.

Евгения РОМАНОВА

г. Санкт-Петербург

Кандидат филологических наук, член Международного союза творческих сил «Озарение» (Россия), член Санкт-Петербургского Городского Союза писателей России, региональный представитель журналов «Эколог и Я» и «Мир животных» (Беларусь), член творческого совета литературно-художественного журнала «Метаморфозы» (Беларусь).
Заведующий отделом прозы журнала «Северо-Муйские огни».

История преданности

(О повести Виталия Кузнецова «Рэк»)

Современная литература не часто балует читателей книгами о животных, которые можно было бы сравнить с такими общепризнанными шедеврами, как «Чёрный Красавчик» Анны Сьюэлл или «Красавец Джой» Маршала Саундерса, поэтому небольшую повесть Виталия Кузнецова «Рэк» можно назвать настоящим подарком всем любителям произведений, повествующих о братьях наших меньших.

Эта история собаки по кличке Рэк, основанная на реальных событиях, будет интересна как взрослым, так и детям. Более того, детям её не только можно, но и нужно читать, потому что именно такие истории воспитывают в человеке человечность, сострадание и отзывчивость, а где-то, возможно, и стойкость характера, умение добиваться своих целей и не сворачивать с намеченного пути.

С одной стороны, писать о животных – значит использовать заведомо выигрышную тему. С другой стороны, писать о животных – значит взять на себя сложную задачу, которая под силу далеко не каждому писателю, особенно если он пытается показать окружающий мир не привычным для нас образом, а как бы глазами своего четвероногого героя.

Несмотря на то, что повествование ведётся от лица автора, Виталию Кузнецову удалось настолько прочувствовать созданный им образ, что создаётся ощущение, будто Рэк сам рассказывает читателю историю своей жизни. Мы видим его чувства и переживания, его реакцию на происходящие события, выраженную не только в механическом описании действий, но и в ощущениях, которые сопровождаются этими действиями.

При этом пёс остаётся псом, перед читателем постепенно раскрывается сложный характер собаки, которая ведёт себя как собака, а не как человек, который пытается прикинуться собакой и описать свои впечатления от этой попытки, чем, бывает, грешат авторы, взявшиеся писать в подобном жанре. Виталию Кузнецову удалось блестяще справиться с этой нелёгкой задачей, подметив в жизни и сохранив в тексте собачьи повадки и особенности поведения.

Безусловно, в повести «Рэк» не обходится без некоторого налёта «сказочности», как не обходится без него ни одно произведение, написанное через призму восприятия четвероногого героя, ведь насколько бы ни был пронизателен автор, доподлинно знать, что происходит в головах братьев наших меньших, он может только догадываться.

Кроме того, мы волей-неволей в любом случае очеловечиваем тех, кто находится с нами рядом, но не может выразить свои чувства иначе, чем постукиванием хвостом по полу или преданным заглядыванием в глаза. Однако при всём при том «сказочность» эта гармонично уравновешивается добротной реалистичностью повествования.

Реалистичность повести Виталия Кузнецова – это ещё один момент, на который хочется обратить особое внимание. Жизнь зачастую бывает жестока не только к людям, но и к животным. История жизни пса по имени Рэк – яркая иллюстрация к этой банальной, но при этом такой актуальной в наши дни истине. Автор без прикрас и излишней сентиментальности показывает, как несправедлива бывает порой судьба, как рушится в одночасье жизнь, и как всё новые и новые удары наступают там, где их не ждёшь.

Однако при этом произведение не оставляет тягостного впечатления после прочтения. Скорее наоборот, несмотря на то, что описываемые события, которые берут начало из печального происшествия, перевернувшего жизнь главного героя, и далее развиваются по большей части в печальном ключе, повесть оставляет после себя впечатление чего-то светлого и жизнеутверждающего.

Не последнюю роль здесь играет характер собаки, которая преданно ждала возвращения своих хозяев, погибших на автомобильной трассе не по своей вине, а ввиду нелепой случайности. Верный Рэк совершенно справедливо не мог поверить, что любящие хозяева его бросили, и продолжал нести свой пост на краю дороги вопреки всем трудностям, которые уготовала ему судьба, ведь уйти – значило для него не только предать память о них, но и предать самого себя.

В то же время, на каждое новое испытание, выпадающее на долю главного героя, приходится следующий за ним позитивный момент, который уравновешивает всё повествование, как бы сообщая мысль о том, что существует всё-таки некая вселенская справедливость. И свойства характера, которые демонстрирует Рэк на протяжении всей своей жизни, не остаются незамеченными где-то там, в высших сферах, которые пока ещё недоступны нашему пониманию.

С этой точки зрения, повесть Виталия Кузнецова наполняется глубоким психологизмом, выходя за рамки обычного рассказа о животных. Главный герой повести взаимодействует с большим количеством персонажей, отношения с которыми складываются у него очень по-разному. И если мир людей по большей части выступает в данном случае как раз в роли того позитивного начала, которое

уравновешивает негатив в жизни Рэка, то в процессе взаимодействия с миром дикой природы в игру вступает совсем иной принцип.

Особое своеобразие повести придаёт то, что параллельно с историей жизни Рэка разворачивается ещё и волчья сюжетная линия, которую можно назвать повестью внутри повести. Автор показывает не только древнее противостояние собаки и волка, мира дикой природы и природы одомашненной, но и зарождение противостояния двух сильных характеров, двух личностей, каждая из которых достойна уважения.

У молодого волка, чьё становление и историю жизни мы видим, как и историю Рэка, с самого рождения, судьба тоже складывается непросто, что во многом связано с самой его дикой и хищной природой. Основные моменты в повести, которые вызывают множество вопросов и заставляют задуматься, связаны именно с волками.

Особенно показателен в этом отношении эпизод с охотой на волчат. Виталию Кузнецову удаётся не только сохранить у читателя симпатию к охотникам, которым однажды уже довелось заботливо выхаживать Рэка, но и пробудить невольное уважение к маленькому, но отважному волчонку. Хотя уже в этот момент становится понятно, что когда волчонок вырастет, он станет основным антагонистом главного героя. И сама повесть закончится столкновением двух сильных характеров, в котором, в общем-то, не будет победителей, несмотря на кажущийся закономерным финал.

Мир, показанный глазами собаки, существенно отличается от мира, показанного глазами волка, но, пытаясь рассмотреть одну и ту же ситуацию с разных точек зрения, начинаешь задумываться о том, что нужно делать, чтобы самому оставаться человеком в любой ситуации. Виталий Кузнецов ставит перед читателями много вопросов, не разделяя при этом мир на чёрное и белое, ответы на которые каждый должен найти для себя сам.

В повести «Рэк» много слоёв и много переплетающихся смыслов. Именно это делает её интересной и, несомненно, удачной во всех отношениях. Произведения подобного рода заставляют думать и оценивать не только написанное, но и оценивать самого себя через призму прочитанного.

При этом простой, но красивый стиль изложения с нотками разговорного языка делает всё произведение лёгким и приятным для восприятия. Повесть «Рэк» можно смело назвать одним из лучших произведений подобного рода в современной литературе, которое учит не только думать, но и сопереживать.

... Повесть великолепна. О подвиге этой собаки я когда-то читал, в газете. Этот случай – одно из тех поразительных явлений в живом мире, которое помогает чувствовать его глубже и ближе, роднее. «Каждому здесь кобелю на шею я готов отдать мой лучший галстук», – писал Есенин. Вот-вот... Понимаю, как сложно было на скелет сухого газетного факта нанизать живую плоть развёрнутого повествования, вселиться в душу пса, развернуть опорную придорожную точку в целую историю жизни, психологически достоверную, трагическую и героическую одновременно. Думаю, что повесть займёт достойное место в ряду таких классических художественных произведений, как «Холстомер» Толстого, «Каштанка» Чехова, «Белый пудель» Куприна, «Белый Бим Чёрное ухо» Троепольского, «Верный Руслан» Владимова.

.....

Александр ШЕРСТЮК, Москва.
Поэт, прозаик, публицист. Член Союза писателей России.

... В повести «Рэк», посвящённой преданности и верности собаки человеку, автору удалось претворить реальный жизненный случай в художественный факт. Сюжет хотя и предсказывается во многом, но держит в напряжении, психологизм – на хорошем уровне, убеждает. И, конечно, трогает авторская боль за Рэка, который живёт, переживает, страдает и чувствует почти как человек. Красочно, динамично и мастерски описаны сцены борьбы Рэка с волками, словно писатель был их свидетелем.

Из недостатков – некоторые шероховатости стиля, например местоимение «его» употребляется два раза в одном коротком предложении. Можно было бы усовершенствовать и некоторые места в диалогах людей.

.....

Александр БОЙНИКОВ, Тверь.
Литературный критик. Член Союза писателей России.

П У Б Л И Ц И С Т И К А

Году литературы посвящается

Анатолий КАЗАКОВ

г. Братск, Иркутская обл.

Прозаик, публицист. Лауреат международного конкурса «Журнальный вариант» (номинация «Публицистика», Крым, 2014 год).

Светлой Памяти Валентина Распутина

19 марта 2015 года в Знаменском соборе Иркутска сибиряки прощались с Великим писателем, самородком нашей Отчизны Валентином Распутиным. Комок к горлу подходил много раз, когда по православному каналу «Союз» смотрел прямую трансляцию из Храма Христа Спасителя, где шло отпевание нашего земляка, праведника земли сибирской, Валентина Григорьевича Распутина. Вёл её патриарх всея Руси Кирилл. И многие и многие люди нашей Отчизны в это время молились и плакали... В Иркутской области губернатором Сергеем Ерошенко был объявлен траур, и по радио все эти дни шли передачи замечательного нашего журналиста Татьяны Сазоновой, а я записывал их на диктофон, понимая, что другие-то края и области нашего Отечества их никак не услышат, потому что вижу, как уничтожается, к великому сожалению, наше до боли родное проводное радио. Вспомнилось (да и как об этом не вспомнить), иркутский писатель Василий Скробот рассказывал мне: «Полгода назад это было, зашёл я в одну из иркутских больниц, тоже ведь давно хвораяю, смотрю: в живой очереди на приём к врачу сидит Валентин Григорьевич. Увидел он меня: «Здравствуй, Вася». Он так меня всегда и звал, присел я с ним рядом, поговорили как всегда о жизни. Мне рассказывали, что однажды в гостинице не оказалось места, и Валентин Григорьевич ночевал на лавочке. Я помню, после шёл домой и совершенно искренне восхищался этим ЧЕЛОВЕКОМ. Ведь ему стоило бы только позвонить, и приехали бы, и обслужили бы по высшему разряду. Нет же, именно так, как все, и никак иначе – вот она наивысочайшей нравственной глубины скромность Великого писателя».

Милое и родное проводное радио. В одну из трансляций редакция устроила встречу Татьяны Сазоновой с поэтом Василием Козловым, который вспоминает: «Познакомились мы с Валентином Григорьевичем в детском саду, ибо дети наши ходили в один детский садик. Так бывало, когда придёт, а как правило шло широкое обсуждение журнала «Сибирь», он же сидит и молчит, потом же очень обстоятельно и толково выскажет свою точку зрения. Высказал ли боль за Сибирь сильнее, чем Распутин, думаю, таковых очень мало. Первое, что я прочёл, это была повесть «Деньги для Марии». Сам писатель, и я это слышал, считал это произведение лучшим из того, что он написал. Русский язык живой, как жизнь. Именно за его чистоту и боролся всю жизнь наш Великий земляк. Как-то мы были в поездке в Сростках, я задержался и пришёл в гостиницу позже всех, вахтёр и говорит: «Вас просил зайти Валентин Распутин». Захожу, а он покушать для меня собрал – такое всерьёз трогает и остаётся на всю жизнь. Он и приезжающих в Иркутск писателей постоянно приглашал переночевать к себе домой. А когда шло время поста, то жена его угощала нас пшённой кашей с тыквой, очень, кстати сказать, вкусно. Однажды на рыбалке, после того как все отведали ухи, Валентин Григорьевич собрал все чашки и кружки, спустился к воде и начал их мыть. Такой вот человек». Заканчивалось время передачи, и Татьяна Сазонова объявила, что накануне появилась видеокнига «Прощание с Матёрой», запись идёт девять часов, и с заметной горечью в голосе добавила, что готовили это к его дню рождения. Готовится к изданию новая книга о путешествии по Ангаре с записями Валентина Распутина и Валентина Курбатова, действие происходило во время съёмок документального фильма «Река Жизни», московского режиссёра Сергея Мирошниченко. До сих пор стоит перед моими глазами, как два писателя плывут по Ангаре, причаливают к деревням, общаются с жителями сибирских срубных деревень и записывают в блокноты свои мысли. Был с ними в поездке и издатель Геннадий Сапронов – человек, переиздавший все произведения Валентина Григорьевича Распутина и Виктора Петровича Астафьева. Горестная картина предстала перед ними, действительно забытые государством и местными властями сибирские деревни выживают как могут. Иркутская, Братская, Усть-Илимская гидроэлектростанции, получающие громадные прибыли, процветают, а жители окрестных деревень живут на беднейшим образом. Теперь же уже затоплено ложе новой, Богучанской ГЭС. Фильм снимали до готовящегося затопления, и невольно особенно сейчас думаешь, что Господь нёс нашего писателя на руках, ибо сердце его ещё тогда бы не выдержало ужасающей разрухи. После этой поездки не выдержало сердце Геннадия Сапронова. Не стало ещё одного истинного патриота нашей Отчизны. Вчера позвонил филологу Зое Александровне Ян-Фа, нашему знаменитому братскому библиотечнику, и вот что она мне сказала: «В 1971 году я поехала в командировку в Иркутск. Марк Сергеев познакомил меня с молодым писателем Валентином Распутиным. До этого в журнале «Сибирь» была опубликована его повесть «Деньги для Марии». Написав рецензию на это произведение, я отнесла в редакцию газеты «Огни Ангары», и её опубликовали. Рассказала об этом Валентину Григорьевичу, и он был действительно очень удивлён. Братск он считал родным, приезжал сюда много раз, хорошо отзывался о творчестве наших братских литераторов: Иннокентии Захаровиче Черемных, Геннадии Павловиче Михасенко, Юрии Черных, Владимире Васильевиче Корнилове, Василии Александровиче Скроботе и о многих других талантливых братчанах. Посещал с Геннадием Сапроновым знаменитую на весь мир библиотеку Виктора Соломоновича Сербского». Включаю радио, в

эфире Татьяна Сазонова, бегу за диктофоном, записываю речь Владимира Крупина: «Главное, Распутин завещал нам любить свою Родину. Может быть, своим уходом Валентин Григорьевич повернёт власти к изданию действительно глубоко нравственных книг, во всяком случае, у нас появилась надежда, ведь раньше распространение книг было действительно государственным делом. Когда Валентина Григорьевича спрашивали: «Что будет с литературой?», – он отвечал: «Ничего не будет, как читали, так и будут читать, пока будут читать, будет литература». Запись была некачественной, напоследок Владимир Крупин произнёс: «Ведь книга помогала сохранять нравственность народа». Замечательный Иркутский журналист Татьяна Сазонова, поговорив по телефону с Владимиром Крупиним, переключается на пришедших в студию гостей, и один из пришедших, Константин Петрович Романенко, говорил: «Вы знаете, сейчас очень много людей говорят о завещаниях Распутина, они обращаются к «Живи и помни», а вот для меня лично завещание в его последней повести «Дочь Ивана, Мать Ивана», и приведу несколько великих строк из этой великой повести: «Но когда звучит в тебе русское слово, издалека-далёка доносящее родство всех, кто творил его и им говорил... Когда плачет оно, это слово, горькими слезами уводимых в полон... молодых русских женщин; когда торжественной медью гремит во дни побед и стольных праздников; когда безошибочно знает оно, в какие минуты говорить страстно и в какие нежно, приговаривая такие речи, лучше которых нигде не сыскать, и как напитать душу ребёнка добром, и как утешить старость в усталости и печали – когда есть в тебе это всемогущее родное слово рядом с сердцем и душой, напитанным родовой кровью, – вот тогда ошибиться нельзя. Оно, это слово, сильнее гимна и флага, клятвы и обета; с древнейших времён оно само по себе непорушимая клятва и присяга». Шла передача, и, выслушав очередного выступающего, Татьяна Сазонова вдруг включила запись встречи Валентина Григорьевича с молодёжью Иркутского вуза, 1988 год. Писателю задали вопрос: «Какая сейчас молодёжь?» Он ответил просто: «Вкусы молодёжи должны отличаться от вкусов взрослых, молодёжь берёт своё. Но Дюма предостерегал молодёжь: «Сам по себе этот мир вам нравится, и, разумеется, вы хотите изменить его к лучшему». Но всё пройдёт, мир останется миром, дай Бог, чтобы и добра в мире прибавилось. Но я предостерегаю от пресмыкательства перед молодёжью. Но это пресмыкательство продолжается и сейчас, и вы слышите эти же самые слова и сейчас. И когда спрашивают, какая у нас молодёжь: хорошая или плохая... да не хорошая и не плохая, а ровно такая, какая и должна быть». В этом же выступлении писатель предостерегал от повального увлечения роком, пришедшим к нам с Запада, с их революционными идеями, воспевающими дьявола. Закончил же такими словами: «Смотрите, профугуете Россию». Затем слово предоставили молодой девушке Маше Кузнецовой: «Я играла роль по произведению Валентина Григорьевича «Последний срок». До сих пор стоит в глазах, как был тронут наш любимый сибирский писатель нашей игрой. В адрес меня он говорил, что Нинка получилась очень живая, прямо как в книге. Именно от Распутина пришло в мою душу это волшебное отношение к бабушкам. В 2009 году мы ездили в Москву, выступали на Таганке, спектакль произвёл огромное впечатление на москвичей, и Валентин Григорьевич был на этом спектакле, после подошёл к нам и тепло, словно отец родной, поговорил с нами, а он и есть отец наших русских душ. После прочтения любого произведения нашего Великого земляка ощущаешь ответственность перед своей страной, Матушкой-Русью». Пока Маша Кузнецова говорила, Татьяна Сазонова связалась с другом Валентина Григорьевича, писателем Альбертом Семёновичем Гурулёвым: «Сам себя спрашиваю, я не верю ещё, не ощутил... Осознание, кого мы потеряли, придёт только потом. Мы ведь с ним в одном общежитии жили, жизнь так распорядилась, что всё время были вместе. Работали в одной редакции, ездили по деревням всегда вместе. На моём семидесятипятилетии вдвоём с ним сидели, просто пили чай, говорили о жизни. Из всего того, что написал мой друг, мне дорого всё. И когда бывали в деревнях, он мне показывал живых героев своих повестей, просто говорил: «Вон видишь, мужик пошёл, вот он тот-то и тот-то. У него был мельчайший бисерный почерк, и никто никогда не видел, когда он писал. Видели лишь рукописи. Всякому писателю важно уединение, и ему это было крайне необходимо, но всегда на столе у него лежал остро наточенный карандаш. Был он всё-таки неразговорчивым человеком, но нашей Иркутской писательской организации при таком писателе нужно было, конечно, держать высокую планку, ни о какой пакости не могло быть и речи. Последнюю встречу помню так: лежал он в областной больнице, позвонил и сказал: «Вот у меня ещё одна забота – новая болезнь». Через несколько дней пришёл ко мне домой, сказал, что собирается лететь в Москву. О болезни мы даже не говорили, он не любил эти вещи. Он же мужик сибирский, без внешнего проявления чувств, а тут вдруг подошёл, обнял, и я уже тогда почувствовал неладное». Пока шла запись, по признанию Татьяны Сазоновой, приходилось несколько раз останавливаться, Альберт Семёнович горько плакал. Поставили запись молодого сибирского писателя, живущего на реке Лена, Андрея Антипина: «Больше всего я люблю рассказы «Уроки французского, «В ту же землю», особенно последний из названных. На мой взгляд, с девяностых годов очень трудно найти в русской литературе рассказ по боли за русских людей сильнее этого. Боль и борьба Распутина за гибель реки Ангары по-прежнему актуальна, ведь Богучанскую ГЭС ввели в эксплуатацию. Распутинский крик о Сибири, которую уничтожают, его слово, которое он нёс, несёт и будет нести до всех нас, живее всех живых. Жаль, что молодёжь мало читает вообще, и очень тревожно за нашу будущность». Далее Маша Кузнецова читала эпизод про коня Игренью, и от распутинской прозы, думается мне, у многих, кто слушал в этот момент наше Иркутское проводное радио, навернулись на глаза слёзы очищения. Молодая девушка до боли трогательно читала: « – Игренья, – приговаривала она. – Ты это чё удумал, Игренья? От дурной, от дурной. Он уж трава полезла, а ты пропадать собрался. Осталось дотерпеть-то неделю, не больше, и жить будешь, любая кочка на

жвачку подаст. Ты погоди, Игренья, не поддавайся. Раз уж зиму перезимовал, тепери сам бог велел потерпеть. Осталось-то уж... господи... раз плюнуть осталось-то. Чё там зиму – войну мы с тобой пережили. Всю войну ты, бедовый, на лесозаготовках маялся, брёвны таскал, а такая ли это работа? И таскал, дюжил. А тут уж на характере можно продержаться, я давно уж на характере держусь». Плачу, плачу, плачу...

Два года назад состоялась встреча Валентина Григорьевича в Качугской школе, и мы, благодаря Татьяне Сазоновой, слушаем слова учителя русского языка и литературы Инги Валерьевны Зуевой: «Чувствовал он себя уже плохо, но приехал к нам на Лену. Рассказывал ребятам много о дружбе, о том, как писал рассказ «Уроки французского». После встречи ребята как к родному дедушке подходили к нему за советом, а кто и с просьбой, даже приобнимали его, и это всё в их сознании прекрасно совмещалось. Жукова Лена написала после встречи сочинение, там были такие слова: «Распутинская проза всегда открытие, перечитываешь, и каждый раз узнаёшь что-то новое. Приходит понимание, что всю жизнь тебя носит кто-то на крыльях, но и ты несёшь перед кем-то ответственность и вновь и вновь задумываешься о том, как ты живёшь». И вот уже одиннадцатиклассник Александр Качалов вспоминал свою встречу с Великим писателем: «Присутствовал там и Виктор Кожемяко: «Я читал тогда стихотворение иркутского поэта Ростислава Филиппова «Матерятся женщины в трамвае», было это шесть лет назад, теперь это осталось на всю мою жизнь. Ведь русский патриотизм идёт из глубины души, именно глубинный патриотизм, к чему всю свою жизнь призывал нас наш Великий праведник, Валентин Григорьевич Распутин». Зная, что на Иркутский дом литераторов были нападки коммерческих структур, и что спасло его тогда имя Распутина, опасаюсь, как бы вновь барыги не возобновили свою бесовскую борьбу, и помоги нашим воистину замечательным иркутским литераторам Господь. Продолжать и преумножать во веки веков дело жизни нашего Великого земляка. Выпишу и строки журналиста Ирины Лагуновой из фотоальбома «Валентин Распутин. Дорога домой»: «Желание помогать людям у писателя всегда было очень острым. Наверное, прошло уже с десяток лет с тех пор, как в Усть-Уде решено было строить церковь. Валентин Григорьевич во всём этом принимал самое деятельное участие. В те года, рассказывает Изольда Александровна Алымова, все свои гонорары за книги он переводил в фонд строительства. Когда бюджет на стройке совсем оскудевал, Валентин Григорьевич отправлялся на приёмы, и его имя оказывало магическое действие на всех, кто был в силах хоть как-то материально помочь в возведении церкви. Богоявленский храм уже давно принимает прихожан, пять лет назад в нём начал службу протоиерей отец Владимир. Усть-удинцы хорошо понимают, чьими стараниями был воздвигнут храм, и благодарят писателя». Много лет Валентин Распутин навещал свою родину – затерявшуюся в усть-удинской тайге, привозил сюда знаменитых писателей, предупреждая их, чтобы брали с собой резиновые сапоги, ибо в деревне без них беда. Позапрошлым летом писатель принял для себя серьёзное решение. Собрал тома «Всемирной литературы» из личной библиотеки и отправил их в Усть-удинскую районную библиотеку, сказал: «Пусть читают». В родной Аталанке его хлопотами была построена новая кирпичная школа, поговаривают о том, чтобы сделать родовой дом писателя музеем. Местные жители уверены в том, что если бы не их знаменитый земляк, влачить бы Аталанке совсем жалкое существование, как и большинству леспромхозовских посёлков, которые закрывают или расселяют по соседним сёлам. Снова привожу строки Ирины Лагуновой из редкостного фотоальбома: «Однажды, в очередной свой приезд в усть-удинские родные края, сам того не ожидая, писатель получил приятный подарок от депутата областного Законодательного Собрания Андрея Чернышева – целый автомобильный кузов книг писателя для сельских библиотек. Пока переплывали на пароме залив от балаганского причала, разбирали стопки книг, а Валентин Григорьевич подписывал их. В этой поездке был и Владимир Ильич Толстой. Позже он признавался, что побывать на родине великого русского писателя – для него большая честь, и он давно мечтал об этом». Хочу добавить, что депутат Андрей Чернышев стал одним из главных помощников писателю по возведению храма, много добрых дел за этим меценатом, помогающим Валентину Григорьевичу все последние годы его жизни. Приведу и строки из письма Валентина Григорьевича Изольде Александровне Алымовой, ибо сейчас каждая крупинка о Великом писателе чрезвычайно важна, прежде всего нам, ныне живущим: «Дорогая-предорогая Изольда Александровна! Спасибо за письмо, тёплое, живое, доброе и обстоятельное. Только из глубинок могут приходиться такие письма, в которых ничего не забывается и всё к месту. Читал его и невольно улыбался, представляя Вас и хорошо слыша Ваш голос. Особенно меня поразила Ваша столетняя мама с прекрасным языком и неиссякаемым интересом к жизни. И двух месяцев ещё не прошло, как мы в Москве, а кажется – год прошёл. В Москве теперь и здоровым-то не позавидуешь. Такая здесь тьма и осенью и зимой, и даже летом. И так Москва забита людьми, что я стараюсь лишней раз не передвигаться по ней». Сейчас в Аталанке полное отсутствие сотовой связи, нерегулярное транспортное сообщение, низкая рождаемость, из цивилизации остался лишь теплоход. Ровно такая картина почти во всех сёлах и деревнях Иркутской области. Именно это и ускорило смерть Валентина Григорьевича. Но велики наши русские писатели Валентин Григорьевич Распутин и Василий Иванович Белов ещё и тем, что каждый воздвиг на своей малой родине храм. Словно завещая всем нам, что Русь-Матушка выстоит и будет вновь и вновь вторить: «Вы, дети, хранители тех берегов. Россия одна, берегите сынов. И так же, как деды, любите страну. Завет стариков не забыть никому». Все эти дни записывая передачи на диктофон, держу на столе лист бумаги, и, разумеется, поэзией это не назовёшь, но когда умирает любимый писатель, каждый волен выражать своё мнение так, как подсказывает нутро: «Распутин, Астафьев, Белов. Деревни славянская лира. Прозрение русских умов. Словесность кондового мира»...

Сергей ЧЕПРОВ

г. Темрюк, Краснодарский край (г. Бийск, Алтайский край)

Поэт, публицист, член Союза писателей России. Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

Крым и «вся Сибирь»

5 мая этого года в Крыму состоялась творческая встреча крымских писателей с представителем сибирского литературного издания «Тобольск и вся Сибирь». Попал я на эту встречу совершенно случайно. Мой давний друг, член Союза писателей России поэт Сергей Филатов из Бийска, был приглашён Союзом писателей Республики Крым для знакомства и установления творческих контактов. Он является заместителем редактора альманаха «Тобольск и вся Сибирь», издания замечательного и известного широкому кругу читателей. С Сергеем мы не виделись давно, около двух лет, с того самого времени, как я из родных алтайских просторов перебрался на ПМЖ на Тамань. Зная, что Темрюк совсем недалеко от Крыма, Сергей и предложил мне встретиться в Симферополе. На автобусе вместе с паромной переправой через Керченский пролив дорога длится около восьми часов. И ещё полчаса от Симферополя до посёлка городского типа Партенит на южном берегу Крыма. Здесь мы и остановились у Константина Кеворкяна, товарища Сергея ещё по Литературному институту. Конечно, разговоров до полуночи. Но самая обсуждаемая и самая больная тема – Украина, к которой неизменно сводились все наши рассуждения, тем более что хозяин жилья, Константин, директор украинского видеоканала и депутат Харьковского городского совета, в свете всем известных трагических событий вынужден был покинуть родину и перебраться в Крым вместе со своей семьёй. С утра мы с Сергеем побродили по посёлку и по берегу моря. В разговорах и расспросах как-то не замечаешь, что здесь по прямой не пройти: сплошные ступеньки вверх-вниз, на каждом шагу повороты, подъёмы да спуски (посёлок расположен на горах, у подножия Аю-Дага), так что после 2-3 часов такой прогулки ноги уже «давали о себе знать». Потом Константин повёз нас на машине в Симферополь.

Встреча состоялась в 14 часов в детской библиотеке им. Орлова. Присутствовали работники библиотеки, несколько молодых авторов и члены СП Республики Крым. Директор гостеприимного заведения Наталья Аносова представила нас собравшимся, коротко коснувшись творчества и тех далёких краёв, откуда мы прибыли. Потом Сергей Филатов рассказал об издательстве «Тобольск и вся Сибирь», об альманахе, о своей работе там, и, конечно же, об удивительном человеке, Аркадии Елфимове, задумавшем и создавшем всё это огромное культурно-просветительское, литературно-историческое здание – общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», включающий в себя и альманах (в довольно широком смысле этого слова). Кстати, название «Тобольск и вся Сибирь» было предложено замечательным и честнейшим русским писателем Валентином Распутиным, недавно ушедшим от нас, которого по праву называют духовным наставником Сибири.

Потом слушали стихи Сергея. Стихи глубокие и мудрые! Конечно, многие я знал и ранее, но вот в авторском исполнении как-то откровеннее и неожиданнее раскрывается их глубина. И наградой были искренние аплодисменты. Сергей подарил библиотеке свой сборник стихов «Свет отражённый» и книгу «Бийск», изданную фондом «Возрождение Тобольска». Далее о работе и проблемах Союза писателей Республики Крым рассказали председатель правления Валерий Басыров (он же главный редактор литературно-художественного журнала «Крым», а также и давний друг наших «Северо-Муйских огней») и ответственный секретарь Вячеслав Килеса (главный редактор газеты «Литературный Крым»). Всего год прошёл после воссоединения с Россией, поэтому вопросов, требующих решения и согласования, ещё край непочатый. Но поэт ли, писатель ли, он всегда остаётся самим собой, и ему-то перестраиваться особо нечего. Он вне границ и, порою, даже вне времени. Как гостю с далёкого Алтая (хотя теперь я и житель Кубани), было предоставлено и мне слово. Руководитель бюро пропаганды, поэт Аркадий Вакуленко очень интересуется творчеством В. М. Шукшина, нашего знаменитого земляка, и даже бывал несколько раз на Шукшинских чтениях. По его просьбе я рассказал и о своих встречах с Василием Макаровичем, которые подарила мне благосклонная судьба. Потом читал свои стихи, закончив выступление шуточным стихотворением «Ветка сирени», которое сразу же подняло настроение слушателей. На этой весёлой ноте основная часть встречи была закончена. Верится, что аудитория осталась довольна. А мы в тесном кругу продолжили обсуждать свои писательско-издательские проблемы и договариваться о дальнейшем творческом сотрудничестве.

На фото: Сергей Филатов, Лев Рябчиков, Валерий Басыров, Сергей Чепров, Вячеслав Килеса.

Пригла на поэтической тропе

Праздник Слова, праздник Поэзии

13 июня в Ботаническом саду Тверского государственного университета уже в третий раз прошло событие регионального масштаба — открытые молодежные литературные «Верхневолжские чтения». В роли организаторов традиционно выступило объединение «Струны души» при поддержке администраций ТвГУ и Ботанического сада.

Ботанического сада Юрий Наумцев. Состоялось награждение победителей конкурса стихотворений.

В тенистом уголке сада на поэтической площадке свои лучшие произведения представили тверичанам молодые и зрелые авторы Твери, а также гости из региона. Старицкому творческому объединению «СТИХИЯ» также поступило приглашение, которое мы с удовольствием приняли и не пожалели об этом! «Верхневолжские чтения» — замечательный повод поделиться поэтическими находками, повидать давних друзей, услышать новые имена, открыть для себя новые таланты.

Участников и гостей чтений приветствовали депутат Законодательного Собрания Тверской области Олег Лебедев, главный специалист отдела профессионального образования министерства образования области Глеб Сафонов, директор

справедливо назвали одной из самых позитивных тверских групп.

В этом году, официально носящем звание Года литературы, на конкурс принимались стихотворения на тему поэзии и поэта, вдохновения, литературы в целом, таинства творчества. Конкурс прошел достойно и открыл в поэзии Верхневолжья много запоминающихся страничек.

Ведущие – руководитель «Струн души» Диана Мун и доцент ТвГУ, ведущий тверской критик Александр Бойников представили зрителям заслуженных поэтов и зажгли новые, молодые звездочки на литературном небосклоне нашего региона. Замечательная поэзия органично сочеталась с музыкой – свои песни подарили нам молодежные группы и авторы-исполнители. Всех порадовали задорные «Калоши счастья», которых ведущие вполне

«СТИХИЯ» также вплела свою яркую нить в канву музыкально-литературной программы. Лучшие свои произведения припасли к празднику Венена Петровская, Ольга Дейнега, Александр Мешалкин и автор этих строк. Светлана Мурычева покорила слушателей песенной миниатюрой «Я видел сон», которую они создали совместно с Алексеем Кубраком, и любимым всеми «Старомодным романсом» на стихи безвременно ушедшего Евгения Сигарева.

Фото Александра Мешалкина.

Тепло принимали автора проникновенных песен Михаила Шарапова – он делает свои первые шаги на «большой сцене», но уже полюбился зрителям.

Общение продолжилось на живописном берегу реки Тьмы. Под сенью сосен состоялся поэтический мастер-класс от Александра Бойникова. Участники обменялись мнениями, поделились поэтическими и музыкальными открытиями, планами на будущее. Вкусным ужином у костра завершился насыщенный, яркий, солнечный день. Спасибо за гостеприимство, за стимул для творчества, за вдохновение!

Ольга ПРИХОДЬКО, руководитель творческого объединения «СТИХИЯ».

Тверские поэты в гостях у «Северо-Муйских огней»**«Схвачена истины нить...»**

Верхневолжье, откуда берёт исток великая русская река, давно считается краем поэзии и песен. И сегодня русская поэзия Твери жива, в её большой поток постоянно вливаются новые дарования.

Яркая примета тверского поэтического мира сегодня – молодёжное литературное объединение (лито) «Рассветная звонница», созданное в 1999 г. по инициативе замечательного русского поэта, в прошлом морского офицера, командира пограничного сторожевого корабля **Евгения Игнатьевича Сигарёва** (1928–2010). Неиссякаемая щедрость души и энергия созидательности побудили его собрать вокруг себя молодёжь, школьников и студентов, «людей с непричёсанными мыслями, которые пробуют писать стихи». Объединение стало хорошей творческой школой для более 200 молодых поэтов и прозаиков, и для многих из них – стартовой площадкой в литературу.

За минувшие 15 лет издано более 30 книг участников «Рассветной звонницы» (у некоторых вышло по два и даже по три авторских сборника). Увидела свет посмертная книга стихов Е. И. Сигарёва «Последняя вахта». В 2003 г. руководителями лито учреждена молодёжная литературная премия «Родник» (в настоящее время носит имя Е. И. Сигарёва) за первый поэтический сборник молодого (до 30 лет) автора, которой удостоились более 10 человек. По итогам общероссийского совещания молодых писателей в г. Гусь-Хрустальном (апрель 2009 г.) трое членов объединения были приняты в Союз писателей России.

Произведения поэтов «Рассветной звонницы» публикуются в региональной и столичной периодике, в литературных альманахах и сборниках, звучат по радио. В 2004 г. был выпущен диск «Рассветные голоса над Волгой» с записями их стихотворений, который по праву можно считать первой поэтической аудиокнигой в Тверской области. Песни на их стихи исполняют известные верхневолжские барды. Поэты «Рассветной звонницы» принимают активное участие в международных, общероссийских и областных литературных конкурсах и фестивалях, поддерживают все начинания культурной жизни родного края.

Сегодня объединение, которое возглавляет **Любовь Старшинова**, поэт, автор двух книг, член Союза писателей России, успешно продолжает свою деятельность. По её словам, «и молодые члены ЛИТО, и те, кто пришёл к нам не в «юном» возрасте, очень активны и готовы не только читать стихи, делиться своим творчеством с читателями, но, самое главное, готовы учиться, самообразовываться, постигать новое».

Перед вами, уважаемые читатели «Северо-Муйских огней», подборка стихотворений участников «Рассветной звонницы». Разные по творческим почеркам, по тематике и стилистике произведения, они отличаются друг от друга, по крылатому выражению Евгения Боратынского, «лица необщим выраженьем». Каждый из поэтов пристально всматривается в жизнь, стремясь запечатлеть в стихотворных строках и тревожные контрасты современности, и богатый мир лирических переживаний.

Александр БОЙНИКОВ,
литературный критик, член Союза писателей России.

Сергей ПОЛЕЖАЕВ

Родился 6 июля 1967 г. Автор книги стихов «Какаду» (2013). Публиковался во многих изданиях Твери и Москвы, а также в сборниках поэзии в Праге и Берлине. Дипломант 2-й степени Международного Пражского литературного фестиваля «Европа 2010», лауреат международного конкурса русскоязычной литературы «Новые писатели» (2012, 2013).

Ремонт

Весь храм в лесах. До старой колокольни
Готов к побелке, словно на парад.
И три таджика сказочно довольны:
Их радуют природа и подряд,

И волжский плёс, и бор. Их манит лето,
Их ждёт работа, не ворчит прораб.
И крест, как полумесяц минарета,
Не выше звёзд, но ближе, чем Куляб.

Запел таджик о родине, где мама.
Обводит кисть карнизы и углы.
Потомки Авиценны и Хайяма,
Как ангелы, от извести белы.

«Мы цель созданья, смысл его отменный...»^{*}
Хотелось бы так думать мне, так жить.
Но скоро вечер, окончанье смены.
Спускается с небес певец таджик.

^{*} Мы цель созданья, смысл его отменный,
Взор Божества и сущность зрящих глаз.
Окружность мира – перстень драгоценный,
А мы в том перстне – вправленный алмаз.

Омар Хайям (перевод К. Бальмонта)

Таллинн

Башни – стопка карандашей.
Шпили – кисти для акварелей.
Таллинн прочно хранит в душе
Город эстов и старый Ревель.

На границе добра и зла
Из камней, чугуна и стали
Крепостная стена росла:
Колывань и эстонский Таллинн...

К сердцу города от стены,
Словно кровь в варикозной вене,
Вновь гостями чужой страны
Вышли русские вдоль по Vene*.

И, устроившись в кабаках,
Славят местное средневековье
Дамы с перстнями на руках
И мужчины из Подмосковья.

Захмелевший в дождях январь,
Выпив с ними вина с корицей,
Рядит в киноарь и январь
Зданий крыши из черепицы.

Пнув язык из своей души,
Как потомок степных команчей,
Точит в школе карандаши
Бывший русский эстонский мальчик.

* Vene – название улицы в Таллинне, в переводе с эстонского Русская.

Ольга КОЧНОВА

Родилась 14 марта 1979 г. Автор книг стихов «Мне мешают крылья на земле» (2006) и «Танцуй на осколках» (2007). Член Союза писателей России, лауреат литературной премии им. Ю. П. Кузнецова журнала «Наш современник» в номинации «Молодые поэты» (2012) и IV Международного арт-фестиваля «Провинция у моря – 2014». Стихи публиковались в столичных журналах «Наш современник», «Юность», «Московский вестник», «Студенческий меридиан», в международном журнале «Форум» и др.

В половодье

Мы встретимся у моря. А пока
нас настигает рокот половодья.
И, кажется, должны пройти века,
и льдины, превращаясь в облака,
в небесном отразятся своде.

Мы встретимся. Ну, а пока вода
стоит в лугах, нахлынула на город.
В прибрежных ивах, словно в неводах,
она ревет, запутавшись, и... сходит.

Спадает. Постепенно, день за днём.
И вот уж ни следа от водополя.
А мы всё так же обречённо льнём
к задымленным громадам метрополий.

И лишь в прозрачных сумерках весны
мы понимаем – потеряли в главном.
А море, в наши проникая сны,
баюкает так бережно и плавно.

Здесь осенью такая тишина,
что можно ясно по ночам услышать,
как бледно-серебристая луна
слегка звенит над обветшалой крышей.

Шурша в саду среди опавших звёзд,
крадёт к молоку вчерашний ёжик.
Как много время провело борозд,
оставив дому след на тёмной коже.

Незряче шаря в облаках рукой,
скрипит натужно дерево-калека.
Из страха перед будущей зимой
зверьё подходит к дому человека.

...Такая тишина, что давит грудь –
как будто никого на свете близких.
Приходит ёж, лакает Млечный Путь
из старой, чуть потрескавшейся миски.

Екатерина БОЛЬШАКОВА

Родилась 4 октября 1988 г. Выпускница Тверской государственной медицинской академии. Участница нескольких поэтических конкурсов. Стихи публиковались в сборниках поэзии «Вышневолоцкие зори», «Голос свирели», «Бёрнская осень», «Каблуковская радуга», в «Тверском литературном альманахе».

На даче

Там сердцу спокойно и детство нетленно,
Там запахи мёда и мяты вокруг.
И нет уголка в бесконечной вселенной,
Как этот, где жизни смыкаются в круг.

Бывало, откроешь знакомые двери,
Уже на веранде пытит самовар.
А запах какой!.. Пироги подоспели,
От чая с лимоном вздымается пар!

В полуденный час и в часы на рассвете
Люблю наблюдать, как волшебю блестят
Пылинки, парящие в солнечном свете...
Я счастьем бесхитростным снова объята!

Наполовину

День уже испит до дна,
Весь иссушен диском бледным,
Как таблетка ото сна,
Таёт солнце в небе медном.

Серой кляксой тень ползёт
По налёту снежной пыли,
Вместо луж привычных – лёд.
Мысли – и они застыли...

Тише бег часов в груди –
Шарф печалей нежно душит
На снегу следы мои:
Их прохожий не нарушит...

Будто бы упала ниц,
Прямо в жёлтых дней трясины.
В небе крики сонных птиц...
Не живу...
Наполовину...

Лариса ЛОМИНА

Родилась 20 июля 1979 г. Является старостой лито «Рассветная звонница» с момента его основания. Автор книги стихов «Снежинок кормлю с руки» (2006). Печаталась в тверской периодике, в коллективных сборниках и альманахах поэзии, выступала по областному радио в передаче «Поэтическая тетрадь». На её стихи написано много песен, в том числе детских, которые сейчас входят в образовательную программу дошкольных учреждений г. Твери.

Шуба

Побывав в театре, парке, клубе,
Под дождём, в снегу и мишуре,
Приказали нутриевой шубе
Долго жить на мусорном дворе!

Разлеглась на солнце, королева!
Думая, что ограждение – трон!
И что подъезжают повседневно
К ней кареты. А в карете – ОН!

Всё не так!
Реальность веселее!
Чтоб в гнезде своём не простудиться,
Тёплые ворсинки подлиннее
Дёрпали находчивые птицы!

Памяти Г. А. Безруковой*

Не все расклеены афиши,
Не переписан черновик.
Светёлка, что под самой крышей
Осталась без хозяйки вмиг.
Впитает краска дым табачный,
Ремонт забелит желтизну,

И ситец пыльный и невзрачный
Не тронет тюля белизну.
Жильцы другие объявись,
Не зная, как жилось до них.
Потом восторженно дивились,
Услышав про «черешни» стих.
Она вернётся за вещами?
Нет, на светёлку посмотреть
Печально карими глазами
И наши души отогреть.
Не все расклеены афиши,
Не переписан черновик...

* Безрукова Галина Аркадьевна (1948–1999) – известный тверской поэт, автор книг «Расклеищица афиш», «Светёлка», вышедших при её жизни. Трагически погибла 29 апреля 1999 года.

Виктория ПАНИНА

Родилась 28 ноября 1983 г. Автор книг стихов «Мир на ладони» (2005) и «Песни северных ветров» (2008), член Союза писателей России. Публиковалась в тверских, общероссийских и украинских поэтических сборниках и альманахах. Лауреат конкурса литературного и художественного творчества «Отсюда Тверь берёт начало...» (2006), молодёжной литературной премии «Родник» (2007), победитель московского конкурса «Поэтическая аптека» (2011).

Селигерское

С летней лёгкостью поплавок,
Зацепившись незрими лесками,
Мысли реют в копне облаков
Над пейзажами селигерскими.

Зачарованный тонет взор
В зарисовке, июлем подаренной,
Где зеркальные блики озёр
Полирует рассветное марево.

Тишина всё вокруг обняла,
Стережет местный быт, умница!
Лишь в прибрежные зеркала
Сосны-сёстры глядятся, любятся.

Пара удочек. Взмахи легки.
Занырнули крючки за уловами.
Тут «с ладошку» снуют окуньки,
Чуть заметными дразнят поклёвами.

Лодка выдаст себя в камышах
Еле слышимым всплеском вёсельным...
Только здесь отдыхает душа,
Возвышаясь над гладкими плёсами.

Брызги вверх! Жаркий день, остудись!
Окунись в чистом озере с бликами!
Нашей доброй ухой угостись,
Чаем с мятой и куманикою.

Вечерком можжевелевый дым
Завивается зыбкими лентами...
Всё здесь кажется вроде простым,
Но мы живы такими моментами.

Вычёркиваю навсегда,
Кому я перестала верить,
Чьи обещания – вода
И боль в тиши моих истерик.

Выбрасываю из души
Ненужный, тяготящий мусор,
Как джинсы старые «клеши»
И как пластмассовые бусы.

Стираю фразы, имена,
Что ничего уже не значит.
Пускай отныне за меня
В общагах дряхлых краны плачут.

Пусть за спиной встают леса
На месте всех мостов сгоревших,
Чтоб лгущие мне голоса
Не оставляли в сердце трещин.

Любовь СТАРШИНОВА

Родилась 30 июля 1976 г. Руководитель литературного объединения «Рассветная звонница» с 2009 г. Автор книг стихов «Моя двадцатая весна» (2002) и «Стоит жить» (2010), член Союза писателей России. Публиковалась в общероссийской и тверской периодике, во многих поэтических сборниках и альманахах. Лауреат и дипломант нескольких литературных конкурсов.

Мама вяжет коврик разноцветный
Из весёлых ярких лоскутков.
Исчезает вечер незаметно,
И в глазах рябит костёр шелков.

Ряд за рядом вырастает чудо,
Будет веселить, играть узор:
То колышет синью незабудок,
То в траве лесной утонет взор.

Руки терпеливы и проворны.
За работой – вялый разговор.
Мать берёт клубок последний, чёрный,
Словно завершает красок спор.

Отнесёт потом ковёр на рынок
И продаст его за горсть монет.
Под следами грязными ботинок
Незабудок синь сойдёт на нет...

Прелюдия

Тихая вязь акварели,
Матовый лик полотна.
В жизнь из другой параллели
Утром сочится весна.

Спящие ивы, скамейки
Дождик помыл между дел.
Голуби ходят семейкой.
В храме светлеет придел.

Долгие тени причалов
Словно в воде облака.
Лодка отчалит устало:
Снова утихнет река.

Лучше не знаю прелюдий.
Схвачена истины нить.
Но просыпаются люди
И...
начинают жить.

Поэзия «Лукоморья»

Наши авторы – люди с огромным жизненным опытом, умудрённые и восторженные, скромные лирики и горячие ораторы, любящие литературу. Произведения, созданные ими, помогают глубже заглянуть в души людей, понять и вернее оценить суть происходящих событий.

Руководитель лито «Лукоморье» Ирина Швец, г. Темрюк, Краснодарский край

Галина БРАГИНА

Мы

Мы пройдем по земле, словно дождик весенний,
Чтобы жажду корней хоть на миг утолить,
И исчезнем в тени молодых поколений,
Что успели уже о себе заявить.

Мы пройдем по земле, повториться не смея,
Ветер память рассеет, как зыбкий туман.
Мир без нас обойтись непременно сумеет,
Только чем-то обязан он будет и нам.

Михаил БРАГИН

Ласточка

Слепила ласточка гнездо под крышей над окном,
И вместе с ласточкой весна
пришла в наш отчий дом.
И скоро в гнёздышке у нас появятся птенцы.
Спасибо, ласточка, тебе, что к нам вернулась ты,
Что радость снова принесла
в наш добрый, тихий дом,
Порхая, весело резвясь под солнцем за окном...

Станислав БУРДЕЕВ

Просто о сложном

Всё сущее во все прошедшие века
Творила Всемогущего рука
И к роднику, к началу возвращала,
И жизни лёгкой нам не обещала.
Разумный человек понять однажды должен:
Вселенная, она разумна тоже!

Владимир КУКСИН

Уходит май

Букетом отцветающей сирени
Нам машет уходящий светлый май,
Стыдливо прячут голые колени
Берёзоньки в зелёный малахай.

В лесах, увитых молодой листвою,
Где птицы неумолчны дотемна,
Весёлый май с кудрявой головою
Нам шепчет дорогие имена.

А в небе так безоблачно и чисто,
Так далеко до самых близких звёзд...
И смотрит в небо луг цветистым ситцем,
И шепчется со стайкою берёз.

Уходит май, теснимый знойным летом,
Отцвёл благоуханный первоцвет,
И тридцать дней черёмуховым цветом
В копилку лягут уходящих лет.

Нина МАКСИМЕНКО

Праздник в Атамани

Светило солнце с высоты,
Лилось лучами золотыми,
Рождая светлые мечты,
Сливаясь с песнями земными.

В высоком небе облака
Отсвечивали перламутром.
От малыша до старика –
Все наслаждались дивным утром.

Взмывали в небо голоса
И расстилались по пригоркам...
Благословляли небеса
Тот праздник до вечерней зорьки.

Казалось, души казаков
Витали здесь, над куренями,
Пришедшие с былых веков
Повеселиться вместе с нами.

Ольга ДАВЫДОВА

Дагомыс

Ночь светла,
сединою туман на вершинах повис.
Сотни ярких огней,
словно звёзды, нам путь освещают.
Ты красив,
дивный берег морской, Дагомыс!
Может быть, это Рай,
о котором так люди мечтают.

Свежий запах лесов
В окаймленье извилистых гор –
Что ещё в жизни страннику
в мире волнующем нужно?
Только сердцем принять
наш кубанский бескрайний простор
да успеть ухватить полной грудью
наш ветер, просолено-южный.

Нина МЕЛЬКУМОВА

Бабье лето

Любуюсь я осеннею картиною:
Какая благодать! Тепло, уют...
И облака, как перья лебединые,
По озеру небесному плывут.

А ветерок, лаская листик сказочный,
Поднял его и мне вручил, шурша.
И мы, легко порхая, словно бабочки,
Взлетели в небо, с осенью кружа!

И в чувствах встрепенулось вдохновение,
Соловухой воркует да поёт!
Так в бабье лето стих в одно мгновение
Сложился и направился в полёт.

Светлана ВЛАДИМИРЦЕВА

Я не скажу

Я не скажу, что кровь во мне остыла,
Я не скажу, что жизнь уже прошла.
И о любви сказать, что это было,
Я не могу... Она во мне жива.

Жива во взгляде моего ребёнка,
Жива в объятьях милых, нежных рук
И в жалобном мяуканье котёнка...
Жива... в большом количестве подруг.

Максим АНИСИМОВ

Трамвай желаний

Под стук колёс волшебного трамвая,
Летящего в ночи, словно звезда,
Ты главную мне тайну открываешь,
Что будешь ты моею. Навсегда!

Ко мне красивым телом прижимаясь,
Ты шепчешь мне безумные слова...
А я в ответ сказать тебе пытаюсь,
Что от любви кружится голова.

Трамвай стучит колёсами, стучит...
Снежинки за окошком тают, тают...
И светлой музыкой в душе моей звучит
Любовь, что нас с тобою окрыляет.

Елена ЖУЕВА

Басня

В чемодан жена примерная
Уложила всё заранее,
Провожала благоверного
И сказала на прощание:
«Поправляйся в доме отдыха,
Позабудь заботы, тяготы,
Больше будь на свежем воздухе,
По грибы ходи, по ягоды!»

Наступило воскресенье,
Душу жжёт тоской неведомой...
От тоски одно спасение, –
Дай-ка, я его проведу.
Вот идёт дорогой длинною,
На окрестности любитесь,
Видит, милый под рябиною
С незнакомкою целуется.

У жены походка грозная,
Муж вокруг лисой-пронирую:
«Ты не думай, что серьёзно я,
Я с ней сценку репетирую».

Яков ЖУРАВЕЛЬ

Страна мечты

Приду в страну, где не бывает зла,
Недобрых лиц, иронии жестокой.
Сегодня мне надежду жизнь дала,
Мечтою обласкав меня далёкой.

Истомой грудь наполнилась моя:
В стране народ улыбчив и спокоен.
И дружен он, и, как одна семья,
Глубокого признания достоин.

Ни ссор, ни драк... Жестокого упрёка
За лень и ложь не слышно никогда.
Здесь чистота от светлого истока,
От песен вольных, честного труда.

Смотрю вокруг – возделанное поле,
Ни сорных трав, ни застит его мгла.
Страна любви – великое раздолье –
В мечтах моих безоблачно-светла.

Геннадий КОНАКОВ

Кинула на плечи ивушка прелестной
Ночка росы чистым серебром.
Снова с мамой вместе запеваем песню,
Души наполняются теплом.

Так же кот мурлычет на моих коленях,
За окном младая спит луна.
С вишнями в обнимку там гуляют тени.
Мне и маме – праздник, не до сна.

Кучугуры... дом наш... синие рассветы,
Мамино варенье и пирог.
Сладостному детству шлём свои приветы.
Мама нынче рядом – нет тревог.

И пускай давно мы все большими стали.
Часто под родительским крылом
Милое, родное сердце согревает.
Тем теплом и дышим, и живём.

Наиля МИЛОВА

Зима на Кубань заглянула,
Услышав про сказочный край.
Легла на траву и уснула...
Ей снится заснеженный рай.

Застыли лиманы и речки,
И море молчит подо льдом.
Стоят тополя, словно свечки,
Покрытые все серебром.

Метели, морозы крепчают.
Зима, просыпайся скорей!
Деревья в саду замерзают...
Кубань не студи, пожалей.

Пора уже почкам проснуться,
И травке зелёной взойти.
Тебе же – на север вернуться,
Весна со скворцами в пути.

Наталья МИЛЬЧЕНКО

Отплыла золотая осень

Жемчугом в поля рассыпав росы,
Клином журавлиным пролетев,
Отплыла золотая осень,
Отзвенел чарующий напев.

Мы уже не сможем вечерами
Приходить в зелёный храм берёз.
Небо, что любило вместе с нами,
Не рассыплет пригоршнями звёзд.

Инеем посеребрив тропинки,
Незаметно к нам пришла зима.
Первая воздушная снежинка
Мягко на твою ладонь легла.

И стоят берёзки, как святые,
В непорочной белизне земли.
Только не забыть мне золотые,
Осенью расцветенные дни.

Нина МОГИЛЬНАЯ

Маме

Пустым стал дом, наш отчий кров,
И речка часом обмелела.
Я не сказала тёплых слов,
Не зная боли той предела.

Дела, заботы понемногу...
Неплохо бы купить пальто...
А мать выходит на дорогу
И смотрит, не идёт ли кто?

Роняют жёлтый лист берёзы,
Шумят, как будто бы вина,
И ветер сеет, сеет слёзы...
Простишь ли, мама, ты меня?

Людмила НАЦЕВИЧ

Матери Отчизны

Но что бы делала Отчизна
Без кротких наших матерей,
Без скатерти, крахмально-чистой,
Да с солью-хлебушком на ней?!

Никто нас так не приголубит.
Солёно-горький вкус знаком...
И, если любит – то уж любит
Свою кровинушку нутром.

И, если дом, то – полной чашей,
С лампадкой, образком в углу...
По-русски, преданно, по-нашему,
С душой, открытой на юру!

Алексей СКОРОДУМОВ

Картошка

Эх, картошечка, картошка,
Да, с селёдкой, с огурцом,
На закусочку под водку,
Как невеста под венцом.

Сколько жизней ты спасала
И на фронте, и в тылу,
Чугунок мать доставала
И звала семью к столу.

Как тянулись жадно руки,
Ты плясала, жгла ладонь,
На тебя дышали губы,
Песни пели под гармонь.

Эх, картошка, мать-кормилица!
Вечно русская еда,
Ты румянила нам лица,
Без тебя мы – никауда!

Александр УТКИН

На родине

Я брожу здесь чёрной ночью
По станице в час дождливый
И, разорванную в клочья,
Душу стать прошу счастливой.

Я её прошу не плакать,
Не грустить в намокшем снеге...
В светлом знаке Зодиака
Быть ей лучше – в новом веке.

Галина ЧЕНЧИК

Всё не так плохо...

Что ты, милая, грустишь, на глазах слезинки,
Или это от дождя брызнули росинки?
Вот и носик покраснел, задрожали губки,
Да и мысли в голове, словно в мясорубке.

Вспоминаешь ерунду, мозг свой засоряешь,
И из мухи ты слона явно раздуваешь.
Оглянись: вокруг тебя всё не так уж плохо!
Надо лучшее вбирать, даже пусть по крохам.

Ну? Поплакала? Взгляни ты на мир иначе,
И поймёшь сама потом, что напрасно плачешь.

Александр ШВЕЦ

Притча

У Насреддина, у Ходжи, был другом Абдулла,
И хаджем в Мекку тот решил поправить все дела.
Но недоверием к жене молоденькой грешил,
От всяких происков извне застраховать решил.

Он ограждать её решил от страшных мук вины.
И... пояса верности надел на стройный стан жены.
Но только как же быть с ключом? Куда его девать?
Знак недоверия к жене с собой в дорогу взять?

Тогда он будет лишь мешать, напоминать о том...
И постоянно отвлекать от мыслей о святом.
Припомнил друга Абдулла, таков он был один,
На ветер не бросал слова почтенный Насреддин.

Под стать годам, как ни крути, сто лет без одного,
Во всей округе не найти воздержанней его.

– Ты чтил воздержанность во всём,
безбрачие вкусил,
Всегда считал большим грехом пустую трату сил.

Твои суждения верны, ты для меня, что брат.

Я ключ от пояса жены тебе доверить рад.

– Ну что ж, спасибо, Абдулла,

что всё сказал как есть!
Мне по душе твоя хвала, помочь почту за честь!

Ходжи ответные слова вдохнули счастье в грудь,
И с лёгким сердцем Абдулла

пустился в дальний путь.

Он шёл, молясь... Легко шагать –

с тобою рядом Бог!

Но тут ему пришлось прервать к Аллаху монолог.

Когда, минув аул родной, он вышел за арык,
То вдруг услышал за спиной зовущий чей-то крик.

На ишаке, в клубках пыли, как из кувшина джин,
Перед паломником возник пыхтящий Насреддин.

Совсем без сил он простонал, с лица стирая пот:

– Ну и растяпа, Абдулла! Ты ключ мне дал не тот!

Анна ШЕВЧЕНКО

В дозоре

В тумане склоны гор сереют.
На море штиль стоит с утра.
В дозоре парень не робеет,
Согрет словами из письма.

Мальчишка юн, ещё безусый,
Лицом доверчив и умён.
Сегодня он защитник русский,
В Россию, в жизнь свою влюблён.

От слов письма душа зарделась.
Он зорьке ранней подмигнул.
Как хорошо... письмо в шинели
Он взял с собою в караул.

Сергей ЧЕПРОВ

Петька

В фуражке клетчатой, с лопаткою под мышкой,
Вышагивая, будто генерал,
Сосед мой, Петька, маленький мальчишка,
За ручку с мамой по двору гулял.
И вдруг при взгляде на детей счастливых,
У них ведь папы – всё им нипочём! –
Он как-то не по-детски сиротливо
В карман пальтишка сунул кулачок.

Кто в этом виноват – поймёт не скоро.
Вот что незащищён – скорей поймёт.
А эта самая «защита и опора»
Совсем другою улицей идёт.

Идёт и вдруг увидит: кто-то нежно
Хранит тепло мальчишеской руки...
И так же сиротливо и поспешно
В карманы брюк засунет кулаки.

Лариса ЧУЛАКОВА

У Божьего храма

Молился старец, на коленях стоя,
У храма и могучего ствола.
Не приходилось видеть мне такое,
Картина удивительной была!

На фото я тот миг запечатлела,
Когда с надеждою старик смотрел на храм.
В глазах его слезиночка блестела,
И на лице глубокий вился шрам.

Неистово крестился, бил поклоны,
Склоняя голову седую до земли.
Под звон колоколов и перезвоны
Шептал молитвы тайные свои.

Быть может, он за нас за всех молился?
За здоровье, за мир и за покой?
И белый голубь ангелом кружился
Над седовласой мудрой головой.

Ирина ШАРАПОВА

Я люблю

Я люблю птиц весёлые споры,
Я люблю этот ласковый свет.
Беспредельны Кубани просторы,
Мне любимее Родины нет!

Покоришь ты величьем Тамани,
Успокоишь сильнее всех утех,
Я люблю тебя, чудо Кубани –
Ты, станица моя, лучше всех!

Как младенца румянец – закаты,
Как дитя – непослушна трава.
Я люблю гроз весенних раскаты,
Мне едино – трава, полова...

Мы – потомки казачьего братства.
Песни их до чего ж хороши!
Сохраним, приумножив богатство,
Силу вольной, казачьей души.

Я люблю птиц весёлые споры,
Я люблю этот ласковый свет!
Беспредельны Кубани просторы,
Мне любимее Родины нет!

Варвара ШЕСТАКОВА

Гамаюновы песни

Гамаюн, поведай, птица,
Как века назад
Отворяла Заряница
Блеск хрустальных врат,

Постилала Заряница
Самоцветный плат,
И золотая колесница
Убегала в сад.

Да как в Ирийских колосьях
Силу всей Земли,
Силу достославных россов
Предки сберегли.

Полог синего раздолья
Дымкою увит,
Там лучиста и превольна
Матерь-Сва летит.

А когда меж звезд рогами
Месяц заиграл,
Спит в печи Сварожич-пламя,
Солнца образ мал.

Но не гаснет светоч нежный,
Пусть шумят ветра,
В сердце русском, как и прежде,
Слиты три костра.

Ирина ГУЩА

Моя Кубань

Кубань – бескрайние просторы
И золотистые поля.
Здесь берег ласкового моря
И благодатная земля.

Тугие гроздья винограда
Под солнцем жарким налиты,
А по весне, для глаз отрада,
Все в белом кружеве сады.

И вдоль станиц, больших и малых,
Бежит, спешит Кубань-река.
И отражаются в лиманах
Синь неба, птицы, облака.

А рыбаки, закинув сети,
На байдах бороздят Азов.
Здесь радостно смеются дети,
Здесь уважают стариков.

Ты хорошеешь год от года
Трудом людей, что здесь живут.
Преодолеть тебе невзгоды
Помог их бескорыстный труд.

День завтрашний и день вчерашний,
Туманы в утреннюю рань...
Ты – уголок России нашей,
Моя любовь, моя Кубань!

Байкало-Амурские страницы

*Стук колёс ж/д состава
Ночь пробудит, и волна
До вершин хребтов достанет, –
Содрогнётся тишина.*

*Эхом горы отзовутся,
И в ответ раскаты нам –
Песней юности вернутся
Про дорогу – БАМ.*

В. Кузнецов

Арнольд ХАРИТОНОВ

г. Иркутск

Член Союза российских писателей, Союза журналистов России. Заслуженный работник культуры РФ.
Член литературно-экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

Первая встреча, последняя встреча...

По улице моей который год
звучат шаги – мои друзья уходят.
Друзей моих медлительный уход
той темноте за окнами угоден.

Белла Ахмадулина

Эти строки двадцатилетняя девочка написала вовсе не о том роковом уходе, который навсегда... Мудрое сердце поэта подсказало многое с ранней юности, но жизнь ещё не испытала её трагическими потерями, оставляющими шрамы в душе. Однако и тогда, не понимая до конца, что именно прозрела, она сказала многое и за нас, людей, которые вплотную подошли к финишной черте и полной чашей испили страданий, горестных прощаний и уходов туда, откуда не возвращаются... Куда ушла Любовь Сухаревская, наша Любочка... (От редакции: Любовь Сухаревская скончалась 27 сентября 2013 года.)

БАМ, у каждого свой

Бросаю скучные занятия,
Мой тихий город, Бог с тобой,
Я к вам, ребята, принимайте,
Не за туманом – за судьбой.

Байкало-Амурская магистраль... БАМ, сначала воспетый, потом изруганный... Он начался, чтобы испытать тысячи молодых людей своей трудной работой, суровым бытом, да ещё и неразберихой грандиозной советской стройки – со всеми её родовыми болезнями. Это была трасса для крепких мужиков, но уж никак не для хрупких женщин.

Не помню точно, когда и где я впервые встретил Любу Сухаревскую, но что это было в какой-то бамовской командировке – уверен. Встреча была мимолётной, помню только, подумалось – что этой блондинке, этому эфирному созданию делать среди грубых мужиков и тяжёлых машин? К тому же поэт (это я знал), ей бы витать в каких-нибудь райских кущах, среди утончённых дам и куртуазных кавалеров, среди муз, слева Эрато, справа Каллиопа. А тут тебе – никаких изысканных речей, одна грубость, густо приправленная матом, железо, грохот, весенняя распутица, летняя пыль, жара с мошарой и комарами, осенняя слякоть, зимой – морозы за тридцать, а то и под сорок и ниже. Нет в помине гостиниц, ночуй где придётся – в заежке, все удобства на улице, в насквозь прокуренной общаге, среди мужичья, не всегда трезвого, в балке... Подумалось – недолго это нежное существо здесь выдержит. Плохо я знал Любу, точнее, совсем не знал. Вся её последующая жизнь показала – она была куда сильнее характером многих и многих мужчин.

Более подробно помню следующую нашу встречу. Она тоже была связана с БАМом, хотя и случилась далеко от него – в Улан-Удэ, где проходил первый слёт ударных комсомольских отрядов и куда мы приехали от «Молодёжки» вместе с Борисом Ротенфельдом.

Как всегда, когда собираются вместе множество молодых людей, получивших передышку от тяжёлой работы, было суматошно, шумно и пьяно. Торжественные речи (их говорили Герои Соцтруда, работники ЦК комсомола и даже один космонавт) воспринимались как досадное отвлечение от сплошного праздника жизни. Мы с Борисом не были исключением, хотя молодыми нас можно было назвать с большой натяжкой – под сороковник подкатило, далеко не мальчишки...

В этой кутерьме Люба выделялась спокойствием, несуетностью, отстранённостью от галдящей толпы. Мы с Борей сделали попытку потолковать, познакомиться поближе с привлекательной коллегой. Поговорили,

но как-то формально, особого контакта не возникло, нам даже показалось, что она несколько высокомерна – всё-таки поэт, не то что какие-то газетчики. Как мы ошибались! На самом деле, как я понял позже, всё было ровно наоборот – Люба, которой тогда не было и тридцати, смущалась в разговоре со взрослыми дядьками, к тому же с журналистами областной газеты, которые ей, «районщице», видимо, казались птицами высокого полёта (чего мы, в нашей демократичной «Молодёжке», никогда не ощущали). Так и получилось, что мы тогда друг друга не поняли – мы в то время уже были людьми довольно циничными, а Люба умела смущаться и, кажется, даже краснеть – в отличие от большинства наших коллег женского пола.

Что же касается БАМа, то и тут между нами было одно, но существенное отличие, причём в пользу Любы – хотя мы там знали многих и даже имели настоящих друзей, бывали часто и подолгу, но всё же наездами. Она же не побоялась оставить свой «тихий город» и уехать на Лену, в Усть-Кут, чтобы с головой погрузиться в будни магистрали. Знаю, многие хотели бы повторить этот её поступок, да не многие решились. Потому что мало кто осознал, как это сделала Люба, что бросить насиженное место и ехать в неуют стройки надо в первую очередь не за длинным рублём и не за гитарной романтикой:

Я к вам, ребята, принимайте,
Не за туманом – за судьбой.

Вслед за ней, а может – раньше или позже, неважно – на другом конце магистрали Володя Гузий, собрат Любы по перу, откликнется:

Лучшую дорогу в нашей жизни
Мы с тобою вовремя нашли...

Тогда на магистраль рвались все, редкий из наших сослуживцев хоть раз не побывал там. Но только Люба могла сказать:

Здесь мой друг.
Здесь мой след.
Здесь мой дом.

Когда я открыл тоненькую книжку её стихов под названием «Послушай сердце», стало хоть немного понятно, что она нашла, а что, возможно, и потеряла на этой шумной стройке. Стихи в этой книжке, может, и не верх совершенства, но у них есть, как минимум, два неоспоримых достоинства – они предельно искренни и, во-вторых, совершенно лишены пафоса, которым в те годы захлёбывались куда более именитые и опытные поэты. Помните: «Это время гудит – БАМ, на просторах крутых БАМ! И большая тайга покоряется нам!»? Эти колокольные строки можно написать сидя где угодно, хоть в Москве, хоть на черноморском курорте.

А вот это в городской квартире не напишется:

Труден путь, но иного не хочется,
Хоть и ломит под ношей плечо.
Друг надёжен, и порох не кончился,
Дома помнят. Чего же ещё?

Иного, может, и не хочется, но всё-таки для меня здесь ключевые слова – «Дома помнят». Потому что по себе знаю – как бы хорошо ни было в чужих краях, как бы ни была полна твоя жизнь нужной и даже любимой работой – всё равно она, болезнь эта, ностальгия, найдёт щелочку, минутку, хоть во сне, хоть в шумной компании, и окликнет памятью о старом доме, тополе под окном, маминым морщинкам, нежным детским ладошкам... А вот и свидетельство, что она и Любу не обошла стороной:

Мне снится город по ночам.
Такой родной, такой далёкий,
Многообразный, многоокий,
Что так присуще городам,
И всё такой же молодой,
И всё не может догадаться,
Как трудно было мне расстаться
С его весёлой суетой.

Да и бамовское общение у Любы было несколько другое, чем у нас – мы больше дружили с мужиками, которых знала вся трасса – с Лакомовым, Казаковым, Бондарем... Ничего не скажу, всё они люди достойные, БАМу вообще везло на героев, звёзды падали правильно... Это вовсе не значит, что мы не замечали или избегали рядовых строителей, но они всё же чаще оставались на периферии нашего общения.

В Любиных же стихах я не нашёл ни одного громкого имени, разве что Анзора Варламовича Двалишвили, да и то в связи со знаменитым грузинским гостеприимством, а вовсе не в парадных строках. Но зато девушку-бакинку в мелькающем по зимнику газике глаз поэта не мог не заметить:

На этой трассе, на лежнёвых
Нетореных дорогах новых
Меж разномарочных машин
Мелькает газик, как песчинка,
А за рулём сидит бакинка –
Косынка. Чёлка. Апельсин.

Дорогая «Молодёжка»

Друзья поймут, а для других –
 Спокойный взгляд, улыбка, смелость,
 И, слава Богу, нет им дела
 До тайных бурь и слёз твоих.

Она появилась в нашей редакции как-то негромко, не очень поначалу заметно, как, впрочем, делала в этой жизни всё – жила, работала, писала стихи, мыкала нелёгкую женскую долю – хорошим людям редко везёт в жизни. Как причастные к большой стройке, мы сразу стали не чужими друг другу, но говорили об этом мало, если вообще говорили, что-то не припоминается. Да и о чём особенно говорить, если у каждого из нас был на БАМе свой опыт, свой круг общения, свои пышки и свои шишки? К тому же этот период жизни Любы остался с нею навсегда, но всё-таки в прошлом, а тогда начался совершенно другой, который длился до последних дней, который, если его обозначить официальным названием, будет звучать так: «Любовь Сухаревская и иркутская культура». Но Люба ни в какой официальный контекст не вписывается, всё, что она делала – это работа, прежде всего её души и, конечно, ума.

Именно в «Советской молодёжи» она обрела тему, которой осталась верной до конца. Если собрать вместе все её публикации об иркутской культуре, получится замечательное исследование вопроса – с конца 70-х годов до начала второго десятилетия XXI века. Правда, случались перерывы, но об этом ниже...

Её любимым детищем стал «Привал», литературно-публицистическое приложение к газете. Раньше на «Привале» хозяйничали многие образованные литературные дамы, но... одна больше любила себя, чем работу, другая не понимала, зачем надо отвечать на письма читателей, третья не имела достаточного терпения, чтобы говорить с авторами. А ведь в отдел, в который пришла Люба, писем слали едва ли не больше, чем в любой другой, и посетители тоже скучать не давали. Посетители и авторы этих посланий известны какие – всё больше люди творческие или считающие себя такими, а то и попросту графоманы (их во все времена было, да, наверное, есть и будет ломиться в двери печатных изданий гораздо больше, чем людей действительно способных) – всех их объединяет одно: народ этот ужасно ранимый. С ними надо быть очень внимательным и выдержанным человеком – любой, кто пишет хоть стихи, хоть прозу, считает себя как минимум талантом, если не гением, и разубеждать его бесполезно. К тому же среди графоманов встречаются, и нередко, люди... как бы сказать помягче – не совсем нормальные, что ли... А если такой творец находится в стадии сезонного обострения, тут уж вообще ничего не докажешь. Такие люди, как правило, не удовлетворяются объяснением женщины, будь она хоть Анной Ахматовой, им подавай редактора или, на худой конец, его заместителя. Признаться, мы с редактором устали от них отбиваться.

Но с приходом Любы заметили, что их поток в наши кабинеты стал иссякать, а потом и вовсе сошёл на нет. Не сразу, но поняли, что произошло – в редакцию пришла женщина не только знающая, но и терпеливая, и ровная в обращении. Словом, человек, которого мы, сами того до конца не осознавая, ждали давно. Отбиваться от графоманов – занятие не только пустое, но и порой опасное. Ко мне выяснять отношения однажды приходил некто с огромным сенбернармом, он просто не знал, что я собак не боюсь.

А тут – как обрезало, не идут, не стучат кулаком по столу, не грозят жаловаться ни властям, ни даже в партийную газету (почему-то эти люди считали, что наши коллеги, сидевшие этажом ниже – начальники над нами). Из маленького кабинета (он был как раз напротив приёмной редактора и зама) тоже не доносилось никаких звуков скандала и даже разговора на повышенных тонах.

Наконец, мне стало интересно, что же там происходит, как этой негромкой женщине удаётся усмирить самых напористых «творцов». Попросил Любу сообщить мне, когда придёт один из них и разрешить тихонько посидеть в уголке. Пришёл, посидел, послушал... Вроде ничего особенного не увидел и не услышал. Но, подумав, понял – этот негромкий, терпеливый разговор, этот ровный, спокойный голос, это уважительное отношение к человеку, которого, казалось бы, и уважать не за что, и к его беспомощным виршам – на самом деле и есть понимание собрата по творчеству, как бы слаб он ни был. Понимание того, что свои хилые строчки он выносил, выходил и, наконец, доверил бумаге, а потом захотел показать людям. Не его вина, что Бог не дал ему таланта, а судьба – приличного образования для того, чтобы осмыслить глубину пропасти, которая пролегла между его творениями – и Поэзией. Муки, в которых он рождает свои примитивно рифмованные строки, ничуть не меньше, чем бдения над чистым листом Пушкина, Есенина, Бродского... А может быть, ещё и потяжелее – многие великие писали легко (стоит только взглянуть на почти не тронутые исправлениями черновики Есенина). Конечно, речь не идёт о тех графоманах, которые пишут километрами – и тоже без единой помарки. Но и с ними Люба умела говорить спокойно.

Но самое главное, чего тогда достигла Люба и её «Привал» – благодаря ей он стал тем, чем и должен быть: пристанищем для способных молодых людей, для тех, кто только отправился в дорогу и нуждался в ориентирах. Да просто в том, чтобы их стихи увидели – опубликоваться поэту без имени тогда было архисложно (впрочем, и сейчас не легче, если нет денег, а где вы видели богатого поэта?). И они потянулись на тёплый свет «Привала», который был ровным светом Любы. В разное время пришли поэты, которые теперь давно состоялись в том или ином качестве, но не потерялись в пёстром литературном мире Иркутска и Сибири. Так, каждый в своё время, здесь нашли уют и ласку люди, чьи имена сегодня известны, одни больше, другие меньше, но каждый из них был и остаётся личностью в поэзии – со своим почерком, со своим видением мира. Это Олег Кузминский, Алексей Шманов, Сергей Эпов, Николай Вяткин, Сергей Корбут, Александр Лекомцев, Оксана Пыткина, Зоя Горенко... этот список можно продолжать. Тут кстати заметить, что «Молодёжка» всегда открывала дорогу талантам, практически все писатели Иркутска начинали в ней. Но такой плотной группы, как та, которая отправилась в дорогу с Любиного «Привала», пожалуй, не было никогда. И пускай среди них не было таланта уровня Александра Вампилова, Валентина Распутина, Анатолия Преловского – такие литераторы не каждый год и даже не каждое десятилетие рождаются. Но и вышедшие из «Привала», каждый по-своему, тоже достойны места в многоцветной палитре истории литературного Иркутска. Почти все они живут и работают в Иркутске, у каждого – несколько книг, у некоторых – не только

поэтических. Алексей Шманов, например, пишет и прозу, и пьесы, и детские стихи. Печатаются в Москве, в Санкт-Петербурге. А вот Александр Лекомцев живёт в городе на Неве, продолжает писать стихи, но написал несколько романов, повестей, пьес.

Первые шаги все они делали с лёгкой и заботливой руки Любви Сухаревской, в скромной иркутской «Молодёжке», в её гостеприимном «Привале».

Не знаю, может быть, Александр Сокольников обидится на меня, но я считаю, что его, своеобразного поэта и человека, открыла именно Любовь Сухаревская. Дело в том, что этого оригинального, эпатажного публику даже своим внешним богемным видом литератора многие представители нашей литературной элиты не признавали и не признают, а его верлибры считают чуть ли не шарлатанством. Но Люба поняла и высоко оценила талант Александра, первые его верлибры были опубликованы в «Привале». Насколько глубоко она прочувствовала его дарование, сегодня, когда Любы нет, мы можем понять по её стихотворению, обращённому к Александру Сокольникову, которое и написано в стилистике верлибра.

Я ругала тебя:	Что ты так и живёшь
Твои стихи трудно читать	Шевеля губами
Потому что можно читать	Пробуя на ощупь
Без конца	На вкус и цвет
Не зная где поставить точку	Каждое слово
Где перевести дыхание	Словно яблоко
Или потряхнуть головой	Хорошо чтобы оно поспело
Чтобы сбросить наваждение	Но и горьковато-кислая
Глупая	Оскомина
Не понимала	Только оттеняет сладость
Что точка будет там	Каждого
Где остановится твой пульс	Глотка жизни

Да, образный строй Сокольникова причудлив, порой странен, этот поэт не для широкой публики. Но когда один настоящий поэт аукнет, другой обязательно откликнется.

Время песен

Итак, урок. Полёт и пенье.
Берись, доказывай себе,
Что есть ещё чуть-чуть терпенья –
Забыв дождя нравоученья,
И душный плач, и слёз кипенье,
Учиться пенью и волшебю
В природе – в собственной судьбе.

Что-то пишутся мне эти строки с трудом, даже мучительно... Может быть, потому, что вспоминается многое, воспоминания подталкивают друг друга, а мне их даже оценить трудно – что-то кажется мелким, не достойным внимания, что-то – слишком личным. Или не оставляет ещё – и, наверное, долго не оставит – тяжесть потери, которая была вроде бы ожидаемой (из этой болезни редко выбирают), но всё же свалилась на голову неожиданно, как сугроб с крыши.

Перечитал написанное, и оно мне не очень понравилось. Почему? Понять не могу. Вроде бы всё правильно, всё про неё, но чего-то очень важного не хватает. Может быть, того ровного света, которым лучилась Любочка, её живого голоса, её мягкой улыбки... Но, скорее всего, я просто не могу описать наше долгое общение, которое длилось последние двадцать с лишним лет, когда мы, как льдины в весенней реке, то отдалялись друг от друга, то вновь приближались... Странно, но больше всего вспоминаются наши разговоры в вечерних маршрутках, когда снова и снова возвращались в Солнечный (мы были соседями) со спектакля или ещё с какого-нибудь действия. Только с нею я мог делиться свежими впечатлениями – очень не люблю скороспелых обсуждений: они ещё не отстоялись, не выпали в осадок, как песок во взбаламученной воде, и показывать их другому человеку я, пожалуй, даже опасуюсь. Но только не Любе. За годы общения я привык доверять ей свои ещё не очень оформленные в слова мысли, и она, пожалуй, тоже. Чаще всего наши первые впечатления совпадали. Помнится такой случай – мы вместе смотрели спектакль по современной пьесе, которая стала почти классикой, но режиссёрское решение и игра актёров не очень соответствовали этому статусу. Мы сидели на одном ряду, но не рядом. В антракте мы двинулись навстречу друг другу и почти в один голос сказали: «А пьеса-то неважная!» Потом долго смеялись, понимая, что дело вовсе не в пьесе...

Однажды мы вместе с Любой пошли на творческий вечер одного поэта (я извиняюсь за слово «поэт»), цену которому хорошо знали. Интересовали нас не творец и не его вирши, а больше аудитория, её облик и реакции, так сказать, некий социальный срез потребителей культуры. Зал был переполнен, букеты герой вечера просто скирдовал на сцене – ни одному, самому талантливому иркутскому поэту такая аудитория не снилась. Да, пожалуй, и столичному, разве только Евгению Евтушенко. Восторг едва не переходил в экстаз, аплодисменты то и дело оборачивались овацией. Мы с Любой негромко веселились, опасаясь, как бы не вызвать гнев окружающих. Но когда Люба вспомнила очень кстати народную поговорку и сказала: «Ну что же, каков поп, таков и приход», я рассмеялся неприлично громко – уж больно бойкий человек на сцене походил – и в то же время не походил – на попа. Сидящая впереди дама с башней из волос на голове обернулась и ненавидяще прошептала: «Идите домой!» Люба очень правдиво сделала физиономию проштрафившейся школьницы и, потупив глаза, попросила: «А можно, мы ещё немножко посидим?» На этом

диалог кончился, фактически не начавшись. Домой мы возвращались почти счастливые, во всяком случае, весёлые. Хотя радоваться-то, в сущности, было нечему.

Но у нас была наша «Молодёжка», в которой мы жили вольно, освободившись от цензуры и партийных надзирателей, занимались любимым делом. Иногда что-нибудь праздновали, и было это задушевно, как-то семейно... Да мы и ощущали себя одной семьёй – не забывали дней рождения, поздравляли молодых коллег со свадьбой, с рождением детей. И пели. Пожалуй, никогда мы так много не пели, как в то счастливое время. И всегда голос Любы был звонче всех. Однажды мы, немного выпив, решили продолжить наше пиршество дома у Любы. Петь мы начали ещё в редакции. Так случилось, что в этот вечер в нашей компании оказался только один молодой наш сослуживец Андрей Пономаренко (про дам я не говорю, они всегда молоды). Ему так понравились наши песни (преимущественно ретро), что он стал умолять взять его с собой – почему-то решил, что у нас «общество закрытого типа». Мы, конечно, милостиво разрешили. Наш корректор и замечательная хозяйка Галя Горшкова (сколько хороших людей живёт в Солнечном!) забежала домой за соленьями и маринадами, Ефим Вольфус захватил гитару, и... мы не столько ели и пили, сколько пели до глубокой ночи, вспомнив такие песни, которые, кажется, кроме нас, уже никто не помнит. Наш юноша был поражён: «Как же вы всё это помните?» А мы, войдя в раж, вытаскивали из глубин памяти всё новые мелодии – солировала, конечно, Люба, в песнях ей не было равных, гитара Ефима в этот вечер звучала особенно задушевно...

Если уж речь зашла о песнях, то... В 1994 году мы отмечали 70-летие нашей газеты. Отмечали широко (кто же мог предположить, что через три года её не станет?) Гостей понаехало, да ещё каких! Елена Камбурова, группа «Алиса» с лидером Костей Кинчевым, Василий Лановой, и, конечно, наш замечательный земляк Евгений Евтушенко. Вот на его-то вечере и произошёл тот случай...

Дело в том, что с ним, с этим вечером, как-то не заладилось. Наверное, мы что-то не доделали как организаторы, но просторный зал музыкального театра был, мягко говоря, не совсем полон. Евгений Александрович к такому не привык, он был очень недоволен, если не сказать – разгневан. Больше всего достало ведущему Толе Кобенкову, который, вообще-то говоря, не был причастен к распространению билетов.

Поэт вышел к зрителям не в настроении, что с ним редко бывает. Но стихи читал в своей обычной манере – яростно, ярко, так, как не прочтёт ни один актёр. Когда же дело дошло до песен, на сцену неожиданно взошла Люба. Это была чистая импровизация, я бы сказал, отважный поступок. Когда она, высокая, светлая, как бы светящаяся изнутри, встала рядом с Женей и запела – высоко, чисто, звеняще «Бежит река, в тумане тает...», голоса их слились, поэт вроде зажёгся от её света, от его раздражения не осталось и следа. Когда песня смолкла, зал долго аплодировал стоя.

И последний в этом очерке эпизод с песней. Начну, пусть это вам не покажется нескромным, с себя. Я люблю петь – дома, в тесной компании. Но для людей, публично, не пел никогда. А запел на седьмом десятке лет. И только потому, что рядом были две замечательных женщины – Любовь Сухаревская и Лина Иоффе. И один мужчина, который всегда со мной, лет где-то с двадцати – это Булат Окуджава. Дело в том, что в Иркутском ТЮЗе открылся поэтический клуб «Элегия», и открыть его Лина решила вечером памяти Булата Шалвовича. А так я был заражён этой прекрасной болезнью – влюблённостью в его стихи, с младых ногтей, к тому же имел счастье с ним встретиться и беседовать, значит, не мог отказаться от участия. Но и при этом я вряд ли решился бы петь, если бы в этой же компании не было моих замечательных друзей – кинооператора Жени Корзуна и, конечно, Любви Сухаревской. Что я говорил и пел – это сейчас никому не интересно... Но Люба – в этот вечер она была прекрасна, как всегда, и даже более, чем всегда – она ведь тоже знала и любила стихи Булата Шалвовича. Ах, какой искренней мольбой звучал её голос, каким чистым хрусталём он звенел!

Не оставляйте стараний, маэстро,
Не убирайте ладони со лба!

И как горестно он переливался, как грустный валдайский колокольчик исчезающей вдали тройки, как изысканный звук печальной скрипки Страдивари:

Коротки наши лета молодые,
Миг, и развеются, как на кострах,
Красный камзол, башмаки золотые,
Белый парик, рукава в кружевах...

Думаю, уверен – дай Бог ей другую судьбу, и мы слушали бы прекрасную певицу, или аплодировали бы замечательной актрисе.

А песни, которые ей выпало петь – что ж, в них она выпевала и свою судьбу. «Не оставляйте стараний, маэстро...» – это ведь вполне о ней, о её жизни, о её работе – она никогда не оставляла стараний, до самого конца... «...Но нет любви хорошей у меня» – это тоже о ней: её любили все, кто её знал, но мужчины, которые были в её жизни, как бы умны и талантливы ни были, не дотягивались до её высоты – это была высота неба, на котором поют ангелы. Как бы жизнь ни была к ней жестока, она оставалась чистой и высокой – мыслями, отношением к тем, кого любила, к работе, которую «никогда не переделаешь всю, даже если окажешься безработным».

«...и утро на закат похоже»

В этом мире, огромном и вечном
Вы не вечны, простые дела,
Но без вас как уйду я в свой вечер,
Как скажу я земле: «Я была!»?

Так мы жили в «Молодёжке» – крепко дружили, работали как черти, пели песни, иногда бражничали. Так было до 1997 года, когда нашей любимой газеты, главного дела в жизни, не стало. Виноваты ли в этом мы? Не знаю, может быть, даже наверное, виноваты в том, что не смогли понять, что пришло другое время, оно потребовало от нас других умений, которыми мы, увы, не обладали.

Люба долго не могла найти себя в этой новой действительности. Чем только она не занималась! Писала за гроши очерки в заказные книги... помогала кому-то избраться в какие-нибудь депутаты... редактировала многотиражку в Шелехове... Одно время даже делала техническую работу – адаптировала на местное время программу телепередач. В общем, наверное, это было кому-то нужно – точным, тонким прибором заколачивать гвозди. А что она могла сделать? Надо было учить, одевать и кормить двух любимых дочерей.

Во всех этих разнообразных делах наши судьбы снова, как льдины в весеннее половодье, то расходились, то смыкались. Я тоже писал очерки в те же книжки (помню, как мы вместе с Любой ездили в Бирюсинск, на умирающий гидролизный завод), иногда вдвоём агитировали за мало известного нам, но успешного предпринимателя. И даже в Шелехов я поездил вместе с ней, а потом и вслед за нею.

И что вы думаете, в это тяжёлое время Люба хныкала, жаловалась на горькую судьбину, ходила повесив нос? Да ничего подобного! Этого не было никогда.

Наконец, Люба нашла работу, достойную её способностей, привязанностей и трудолюбия. Это её дело известно всем, оно разворачивалось на виду у всего культурного сообщества Иркутска – её поистине подвижническая работа в «Байкальских вестях». Земной поклон людям, тем, что дали ей возможность полностью насытиться работой, которую она любила. Не было ни одного сколько-нибудь заметного события в культурной жизни Иркутска, которое бы прошло мимо внимания Любви Сухаревской. Казалось, что она, как в своё время Марк Сергеев, разгуливает по городу в нескольких экземплярах. Её материалы – в каждом номере газеты, да не какие-нибудь информашки, а полоса, две, а то и три. Её видели не только на вернисажах, но и мастерских художников, не только на премьерах, но и на репетиционных площадках... На презентациях новых книг и в беседах с их авторами. Не знаю, не подсчитывал, успела ли она рассказать о всех заметных мастерах иркутской культуры, но если и не успела, то только потому, что не хватало времени. Время вышло...

Болезнь настигла её, как ночной разбойник из-за угла, выскочив неожиданно и страшно. Но вот что поразительно – узнав, что у неё за болезнь на самом деле, она продолжала жить и работать, как будто ничего не случилось. Во всяком случае, внешне это роковое знание никак не проявилось. А что с нею было по ночам, наедине с самыми близкими людьми, нам это знать не дано, да и не надо – пусть она для нас, её друзей, так и останется тем стойким оловянным солдатиком, которого судьба сломала, но победить не смогла. Те, кто был с нею до последнего мгновения, говорят, что она выстояла до конца.

Выходя из скорбной больницы после тяжких, изматывающих процедур, она снова шла на встречу с каким-то интересным человеком, на какое-то событие... И таяла, таяла, как пронизанная весенним солнцем хрустальная сосулька. Но даже в болезни она была прекрасна – тоненькая как девочка, в мальчишеском паричке, как будто в эти закатные дни вернулась в своё юное утро. Голос её был так же ровен и звонок, как прежде, и потому я до конца верил, что она победит... И уже когда её жизненное пространство сузилось до больничной кровати, а страдания стали невыносимы даже ей, её воле и её тающим силам, тогда и надежда стала покидать меня.

Когда-то я, как заклинание, повторял строки Дмитрия Кедрина:

Ах, если б смерть – лихую гостью –
Мне так же встретить повезло,
Как Архимед, чертивший тростью
В минуту гибели — число!

Но Архимед – это так давно, да и правда ли?! Их ведь много, мифов Древней Греции... А тут рядом, почти у сердца, не дрогнув, смотрела в лицо «лихой гостье» всего-то хрупкая женщина, тонкий стебелёк, травинка вселенной... Не знаю, можно ли научиться смерти, но если можно – вот вам урок, сильные мужчины, ведь никто из нас не вечен...

Она ушла, оставив нам светлую память и скорбь. Двоих дочерей. Три тонких книжки хороших стихов. Их, стихов, могло быть больше, куда больше... Но Люба на этой земле сделала столько, успела ободрить в пути столько творцов, заметить их душевную работу, что на стихи осталось мало времени, А жаль... Впрочем, не станем жалеть – дай Бог каждому из нас оставить на земле столько душевной доброты, сколько оставила Любовь Сухаревская! Нет, не смерти учит пример иркутского журналиста, поэта, матери, женщины с Богом данным ей именем Любовь. Не смерти, а жизни, многоводной как река, полной плодов, как сад в августе, сияющей звёздами, как безоблачное небо морозной ночью...

Пока живу я на земле,
Стелитесь, травы, под ногою,
Танцуйте, бабочки, во мгле
Передвечернего покоя.
И золотая пыль в луче,
И лопухов большие уши,
И жук зелёный на плече –
Всё, что живёт, волнует душу.

И столько будет слов и слёз,
Дождей и ожиданья снега,
Что вдруг покажется всерьёз,
Что вечно все, как вечно небо.
Но звёзды падают в траву,
И утро на закат похоже...
Живите все, пока живу.
Когда умру – живите тоже.

Так будем жить! И помнить, что была на земле, жила рядом с нами прекрасная женщина, имя которой – ЛЮБОВЬ!

В деревне

Всех я в доме замучила,
все зовут вечерять –
мне б сидеть до полуночи
да стихи сочинять.

Бродит где-то за озером
сонный крик дергача,
но уж чудится прозелень
в черноте кедрача.

И заря свои волосы –
золотую кудель –
сквозь рассветные полосы
принесла на постель.

И усну я под окнами
глубоко-глубоко,
и приснится в подоинике,
как туман, молоко.

На магистраль

Сомненьем каждый день отмечен;
Живу с собою не в ладу:
Ведь путь отмеренный не вечен,
И тем ли я путём иду?

Но незнакомый ветер дунет
И всё в душе перевернёт,
От душных комнатных раздумий
До романтических тенёт.

Бросаю скучные занятия,
Мой тихий город, Бог с тобой,
Я к вам, ребята, принимайте,
Не за туманом – за судьбой.

Я с вашим адом, с вашим раем
И в светлый день, и в чёрный час,
...Не мы дороги выбираем –
Дороги выбирают нас.

Монолог строителя

Разве можно сейчас – о другом,
Когда сосны в тайге застонали
И пунктиры моей магистрали
Прорастают, как стебли, кругом?

Разве можно сейчас – о другом?
Я забыл в комариной истоме
Свои тёплые думы о доме.
Здесь мой друг.
Здесь мой след.
Здесь мой дом.

Над палаткой моей, над трудом
Злое солнце повисло в зените
Горячо, как мозоль... Извините,
Я сейчас не могу – о другом.

Вот когда отступим топором,
Да проложим шершавые рельсы,
Да отправимся в первые рейсы –
Обо всём потолкуем. Потом.

Посёлок Звёздный

Нас приютила дикая земля,
Не знавшая ни дыма, ни жилища,
Промёрзшая насквозь, как будто днище
Зимующего в бухте корабля.

Утрами в соснах – ветер-вертопрах,
Классические сопки силуэты,
Туман, однообразные рассветы,
Да эхо отдалённое в горах,

Поспешное смешенье серебра
Двух быстрых речек – Нии и Таюры,
Да хариуса всплеск, да берег бурый –
Вот всё, что нам запомнилось вчера.

Но минул год, как звоном топоров
Народ шумливый огласил окрестность,
Разрезал сопку и расчистил место
Для будущих палаток и костров.

Теперь с горы, содрав мерзлотный клин,
С горы, где на глазах посёлок вырос,
Спускается оранжевый «Магирус»,
Похожий на гавайский апельсин.

И жителя волнует неспроста
Вид новых крыш янтарного настила
И запах свежей краски и опилок –
Он счастлив, как художник у холста.

Он сможет всё, весёлый этот люд.
Он сложит песню и проложит трассу,
И, укрепив сыпучие террасы,
Построит город, не считая за труд.

Он вырастет на краешке земли
С характером и дерзким, и весёлым.
Не зря мы полюбили свой посёлок
И именем высоким нарекли.

Когда зима, печаль и холода,
И воля жить стояла под сомненьем,
Уже не я – вся плоть ждала, когда
Пошлёт весну природы добрый гений.

Но вот пора. И, кажется, пришла.
Являет снег картину разрушенья,
И с первого под крышами стекла
Летит капель на скорости крушенья.

Я встрепенулась, как от спячки – зверь.
И влажный ветер мне ласкает кожу,
И запах юга проникает в дверь,
И по ночам неведомое гложет.

Неужто я полмесяца назад
Вполне смирялась с участью своею,
Едва дышала и ходила в сад,
В лохматый мех укутывая шею?

Но по законам листьев и травы
Я с каждым мартом заново рождаюсь,
И не отягощают головы
Ни годы, ни сомнения, ни зависть.

Курт ГЕЙН

г. Бад-Вюнненберг, Германия

Член литературного общества «Немцы из России».

Курт Гейн родился в 1935 г. в Республике Немцев Поволжья. После семилетки, которую окончил в 1951 г. в селе Подсосново на Алтае, работал механизатором. После воинской службы (1956–1958) заочно окончил художественно-графический факультет Омского пединститута и до переезда в ФРГ (1992) преподавал в художественной школе родного села Подсосново.

Печатается в русскоязычных журналах и альманахах Германии. В России печатался в журнале «Дальний Восток», альманахе «Крещатики» и др. Автор книг малой прозы «Рассказы» и «Рикошеты пятого пункта», изданных на немецком и русском языках.

Степной оазис

Рассказ

Берёзовые рощи, колки, в засушливой Кулундинской степи растут там, где грунтовые воды близки к поверхности. От опушек к середине леска небольшой уклон – «блюдечко» получается. В центре этого «блюдечка» озерко. Чистое, прохладное. Дно песчаное, гладкое, твёрдое. По берегам рогоз и лебединая гречиха. Дальше камыш, потом кочкарник, заросший лозняком. Затем идёт кольцо тёмного гулко осинника с костяникой понизу и, наконец, обруч светлых берёз с редким подлеском из акаций и шиповника. Роскошные поляны и опушки. Цветы ковром! Земляники прорва, и запах от неё такой, что собирать не надо – духом сыт. Порхающие бабочки вперемежку с искорками стрекозиных крылышек делают игру солнечных зайчиков ещё волшебней и ослепительней. Гудят шмели, и неумолчно стрекохот кузнечики, заглушая щебет птиц. Только короткая серебряная рулада иволги из мрачного осинника прерывает на миг этот непрерывный звон. Но всё это было давно, много лет назад, в волшебную пору послевоенного детства.

Потом люди почти везде угробили эту красоту. Рубили, корчевали, выкашивали, «веточный корм» заготовливали. Грузди граблями гребли, цветы охалками выдирали, земляничные поляны, и роднички скот затоптал. Ушла красота, пропал медовый аромат. Смолкли флейта иволги в чаще и стрекот кузнечиков на опушках. Духота, чахлость. Покой остался. Мёртвый...

Стоп! Назад, в сладкую память о детстве! Взрослые редко забирались в середину леса – топко, комарье. Только мы, вездесущие мальчишки, пробирались иногда небольшой ватажкой до середины степного оазиса. И в одиночку я любил в жаркий полдень наведаться к озерку. Страшновато в глухом сумеречном осиннике! В кочкарнике топко и липко, в лозняке и камышах тесно. Комары, встревоженные вторжением, лезут в глаза, рот и нос. Скорей, скорей из тёмного, липкого, топкого! И вдруг, как в громадный радужный мыльный пузырь влетел – полусфера неоглядного неба с ослепительным солнцем не только над головой, но и под ногами в сказочном озерке дрожит, переливается! Стрекозы мельтешат над водой и чалют к торчащим из воды стебелькам, сверкая ёлочными игрушками. Ласточки на лету макают клювики в голубое бездонное озерко-небо. Кажется, что рогоз растёт и вверх и вниз, настолько чётко и ясно отражение. На его шоколадном початке сидит крохотная пичуга и безбоязненно смотрит на пришельца. Вдоль кромки растительности плывёт водяная курочка. Головка налево – толчок, головка направо – толчок. Замерла. Увидела чужака, сказала: «Кек» и... исчезла.

Здесь, на солнце, комаров нет. Снимаю рубашку и штаны, кладу на густой кустик и вхожу в озерцо. Ух! Пупок испугался прохлады, втянулся. Иду аккуратно, чтобы воду не взбаламутить. Чем ближе к середине, тем твёрже дно. Песочек, как частым ситом просеянный. Середина. Вода до подмышек. Делаю глубокий вдох, ложусь животом на воду и поджимаю колени. «Поплавок» сделал. Открываю глаза и оглядываю дно. Ага! Вот он, родничок. Прямо подо мной крутится спиралька песка. Делаю несколько глотков сладкой холодной воды и встаю на ноги. Вода прозрачна, как только что вымытое окно. Солнечные блики дрожат на золотом дне. Иду поближе к берегу, там интересней. Мошки-толкунцы над водой столбиком пританцовывают. Водомерки без аварий газуют во всех направлениях. Паучок выткал тончайшую узорную сеть между двумя стебельками, а самого не видно, спрятался. Маленький зелёный лягушонок загорает, распластавшись на воде. Здесь мелко и вода теплее.

Погружаю лицо в воду и разглядываю подводный мир. Игра света в зарослях ещё прихотливей и фантастичней. Травинка облеплена пузырьками воздуха, а в каждом пузырьке жучок-паучок живёт. По чёрной мёртвой ветке ползёт страшное многоногое, глазастое страшилище. Караковый жук-плавунец гребёт прямо в открытое море. Всё. Пора расставаться с волшебным миром. Выбираюсь на опушку. Тётя и кузины, подремав в тени, уже тяпают картошку. Присоединяюсь.

Январь 2002 года

Елена ДУМРАУФ-ШРЕЙДЕР

г. Гезеке, Германия

Член литературного общества «Немцы из России». Дипломант Международного литературного конкурса им В. Шнитке (2012), лауреат Международного литературного конкурса им. Р. Вебера (2013), дипломант международного конкурса «Лучшая книга года – 2014» (Берлин). Редактор и оформитель тематического сборника стихов и рассказов «Строки, навеянные осенью...».

Карл и Ларк

Сказка

В парке на скамеечке, рядом со своей бабушкой, сидел и скучал мальчик по имени Карл. У него было плохое настроение: только что прошла мимо Лилька-одноклассница и ехидно сказала: «Кар-лик! Тебя бабушка выгуливает?» – и гордо зашагала дальше.

Это имя ему не нравилось: Карлик, потому что он был в классе меньше всех ростом, а дома – Карлуша, как та ворона из телепередачи «Спокойной ночи, малыши».

– Карлуша, погуляй. Движение тебе полезно. Только далеко не уходи, – сказала бабушка, не отрывая глаз от книги.

Карл оглянулся и увидел маленькую собачонку, лающую на куст розы. Он встал, но бабушка его предупредила:

– Осторожней! Она хоть и маленькая, но всё-таки собака!

Вокруг никого не было, и, когда Карл подошёл к ней, собачонка, испугавшись, убежала.

И тут он увидел на самом конце колючей ветки зелёного кузнечика.

«Спасибо большое!» – услышал Карл и посмотрел по сторонам. – «Я вздремнул немного и чуть не поплатился жизнью». Карл понял, что это маленький пучеглазый кузнечик благодарит его за спасение от собачьих зубов. Он присел, протянул руку, и длинноногий попрыгунчик, с вывернутыми назад коленками, опустил ему на ладонь.

– Разрешите представиться, Ларк. Просто Ларк.

– Карл, просто Карл, – печальным голосом ответил ему мальчик.

– Какое красивое имя! Почти как моё!

– А мне так не кажется, – и опустил голову.

– Зря! В твоём имени чувствуется сила и мощь! Мне хочется тебя отблагодарить за своё спасение.

– А ты кто? – недоумевая, спросил Карл.

– Я житель волшебной страны Зенция из созвездия Близнецов. У нас там всё двойное, как отражение в зеркале. Даже все дети рождаются близнецами. У меня тоже есть брат-близнец по имени Ралк. Он на две минуты старше меня. Но никогда не нарушает устава страны и не покидает её пределы. Я люблю пошалить и если что – всегда могу позвать брата, который спасёт меня. А как у вас на счёт «пошалить»?

– Вообще-то у нас тоже есть свои правила и порядки: нельзя шуметь, драться, кричать, обливаться водою, дразнить собак и девочек, бегать по газонам, не слушаться взрослых, обижать младших и многое другое.

– У-у-у, так у вас тут сплошное «нельзя»? – удивился Ларк. – А как же я тебя отблагодарю?

– Да ладно, обойдёмся без благодарностей!

– А чем мы займёмся?

– Не знаю. Убегать тоже нельзя, видишь, бабушка... – и он кивнул в её сторону.

– А я умею исполнять желания, – и Ларк расправил маленькие крылышки. Они состояли из тончайших переливающихся иглочек, а на конце каждой был малюсенький цветной шарик.

– Вот это да! – воскликнул Карл.

– Мои крылья ещё маленькие, но пошалить – силёнок хватит, – и Ларк радостно сел Карлу на плечо. – Но учти, на желание, загаданное для себя, волшебные силы тратятся, а для другого – прибавляются. Не оставляй меня одного, мои крылья теряют волшебную силу, мне всегда нужна поддержка брата-близнеца. Ну, на короткое время и ты за него сойдёшь. Понял?

Карл только успевал слушать, кивать и смотреть в сторону бабушки: как она отреагирует на такое знакомство?

– Ну что, загадывай первое желание, – воскликнул Ларк, готовясь к новым приключениям.

– А бабушка?

– Же-лание! Не могу же я загадывать и исполнять? Загадай, пока нас не будет, она пусть поспит.

Карл ещё не верил в чудо, но попробовать хотел, и подумал: «Бабуля, ты устала. Поспи, пока меня не будет», – и её голова тут же склонилась. Подойдя и увидев, что бабушка спит, он воскликнул:

– Получилось! Ты колдун?!

– Тише, разбудишь! – прошептал Ларк. – Бежим! – и Карл вприпрыжку побежал по аллее, а рядом порхали крылышки друга-волшебника.

– Ларк, а если я захочу пепси – сбудется? – и в тот же момент он держал в руке дозу напитка.

– Спасибо! И мороженое можешь? – и тотчас же появилось эскимо на палочке. – Ну, если это так просто – заполни нашу морозилку мороженым, – развеселился Карл. Взмах крылышек, блеск маленьких шариков и ...

– Готово! – радовался Ларк, желая угодить своему спасителю.

На обочине аллеи лежал кусочек хлеба, а возле него прыгали воробей и ворона. Воробышек был смел, но ворона – сильнее. Она отогнала малыша от лакомого кусочка. – Ларк, а ты можешь воробья сделать больше вороны? – и снова: блеск шариков – и желание исполнено! Посмеявшись вдоволь над вороной, друзья двинулись дальше. Вдруг Карл резко остановился: впереди шла Лилька и вела на поводке маленького пуделя.

– Ларк, сделай меня невидимкой, а Лилькиного пуделя бульдогом.

Кто-то неожиданно дёрнул Лилю за косы. Она обернулась и увидела на поводке большого бульдога, который рычал, разинув огромную пасть. Испугавшись, девочка бросилась бежать, но столкнулась со старушкой, которая попятилась назад и опрокинула мусорное ведро дворника. Все были в полном недоумении, а где-то рядом раздавался смех невидимых сорванцов. Довольные своей проказой и оставшись без наказания, они ринулись дальше. Пока Карл оставался невидимым, он подошёл к книжному лотку и стал одну за другой поднимать вверх книги, напугав тем самым старого букиниста. Его портфель с рукописями вдруг поднялся и вытряхнул всё содержимое вокруг книжного лотка. Старичок стал креститься и отмахиваться от него, как от нечистой силы, а рядом раздавался детский хохот.

– А давай зайдём в магазин невидимками. Вот будет весело!

– Нет! Ты забыл про условие: я теряю силы.

– Ну, тогда превращай меня обратно...

Они двигались вдоль аллеи, и Карл пытался придумать желание для другого человека, но оказалось это не так-то просто. Он подходил к прохожим, просил загадать желание, но все улыбались и, не веря ему, проходили мимо. Одна женщина на вопрос Карла: «Что бы вы сейчас хотели?» – сказала:

– Я так устала. Хочу в отпуск.

– А куда вы хотите? – спросил Карл, обрадованный первой удачей.

– Да хоть на Северный полюс! – пошутила она, и её не стало.

– Ты что, и вправду отправил её на Северный полюс?

– Желание – для меня закон. А что такое Северный полюс?

– Ларк, верни её обратно. Там, даже летом очень холодно, а она без пальто.

– Предупреждать надо, – и тут же возвратившаяся женщина как ни в чём не бывало пошла дальше. – Срочно надо желание для другого, – потребовал Ларк.

– Ну, верни Лильке пуделя и собери рукописи.

– Хорошо, но это работа над ошибками.

– Вот, придумал! Пусть папа купит складничок с ножнами.

– А кому?

– Ну-у, у него же один уже есть, – промямлил Карл.

– Нет, надо для другого... Скорей!

– Да потерпи! Я, я, думаю. Вот! У тёти Маши в саду ветер сломал гладиолусы. Хочу, чтобы они снова цвели! – и он увидел, как появилось тусклое свечение в шариках.

– Ну, давай ещё!

– Хочу, хочу, – и он увидел идущего им навстречу парнишку с перевязанной щекой.

– Хочу, чтобы у него не болел зуб! – и в следующее мгновение мальчик, улыбнувшись, снял повязку. Довольный Ларк тоже заулыбался.

– Карл, ещё одно такое желание – и я буду в полном порядке.

– Ты живёшь за счёт других?

– Нет! Только если кто-то пожелает для другого.

– А если пожелание плохое, ты его исполнишь?

– Я же отправил женщину на Северный полюс.

– Ах, так! Думать: хорошо это или плохо, должен тот, кто загадывает? А ты, как машина-робот, да?

– Нет! Мы изучаем в школе различные виды волшебства. Теперь я понял, буду стараться учиться лучше.

– Вот здорово! У вас волшебству можно научиться?

На скамейке сидели три подростка и по очереди учились играть на гитаре, споря, кто следующий играет.

– Ларк, а можешь каждому подарить гитару? Чтоб не ссорились.

И снова взмах крылышками, затем свечение в шариках – и всё исполнено.

– Здорово! Вот бы нам с тобой на какой-нибудь праздник: там можно было бы всех удивить. И тут же они оказались в большом спортзале, на школьных соревнованиях по прыжкам в мешках. Карл вспомнил, что тогда он пришёл к финишу последним, и поспешил шепнуть своему другу:

– Ларк, всем жвачку! А я – победитель! – и тут же его окружили одноклассники.

«Ура! Карлик выиграл! Качай его, ребята!» – закричали все вокруг и потащили в центр зала.

Отброшенный в угол, Ларк с трудом пришёл в себя и спрятался под стул, чтобы его не затоптали. Время шло, но Карл, наслаждаясь почестями и похвалой, не возвращался к другу, оставленному в одиночестве. Ему стало так плохо, что в пору уже было звать на помощь брата-близнеца. Из своего укрытия он наблюдал, как Карл стоит на пьедестале и директор школы вручает ему Почётную грамоту. Крылышки Ларка обмякли, шарики потускнели, дыхание нарушилось, а он всё думал, как Карл выберется из этого положения без его помощи.

– Какой зелёный! – услышал он уже знакомый голос Лили.

Она посадила кузнечика на ладошку, но его головка склонилась. Лиля подула на него, и он смог открыть глаза и произнести:

– Пожалуйста, повторите: «Хочу, чтобы прилетел старший брат Ларка – Ралк», – и закрыл глаза.

Лиля от удивления не сразу пришла в себя, но всё-таки шёпотом повторила его слова, а потом громко закричала:

– Ребята, говорящий умирающий кузнечик! – и прикрыла его ладошкой.

Услышав эти слова, Карл вспомнил о нём. Подбежав к Лиле, он увидел на её плече Ларка и протянул к нему руку. Но кузнечик взмахнул крылышками, и руку Карла пронзили острые иголки.

– Ларк, ты что? Это я – Карл!

– Где мой брат Ларк? – прозвучал твёрдый детский голос. Карл понял, что с Ларком случилась беда, и он вызвал старшего брата. Лиля убрала руку, Ралк стремглав опустился на её ладонь и коснулся брата-близнеца, но он не двигался. В крылышках Ралка огнём засверкало множество иголок и засияли шарики:

– Загадай желание, – потребовал он. – Ну, скорей же!

– Хочу, хочу, чтобы Ларк жил, – прошептал Карл и увидел, как медленно открылись его глаза.

– Я исполню последнее твоё желание, – сказал старший брат. – Поторопись!

– Хочу, чтобы всё вернулось на свои места. Ларк, прости меня, пожалуйста.

В следующее мгновение он снова сидел в парке на скамеечке и дремал.

Бабушка, закрыв книжку, спросила:

– Карл, не пора ли нам домой? – и пошла по аллее.

«И что только не приснится», – подумал мальчик.

Войдя в дом, он услышал из кухни мамин возглас:

– Вот это да! И кто это купил столько мороженого? – и Карл замер от удивления.

18.02.2013

Надежда КАЛИНИЧЕНКО

г. Усть-Кут, Иркутская обл.

Главный библиограф городской межпоселенческой библиотеки. Автор книг «Легенда об Обероне, короле эльфов» и «Слеза Дракона».

Байкал

Рассказ (четвёртый рассказ про Марту Амвросиевну)

Марта Амвросиевна всегда мечтала увидеть Байкал. И хоть жила она не так уж далеко от Великого озера, мелкие каверзы жизни до сих пор мешали ей осуществить свою мечту. Но однажды вечером Марта Амвросиевна решила: «Всё. Хватит. Надо хоть раз взять и выполнить свой каприз. Хочу – и поеду!»

Такая своя бескомпромиссная решительность Марте Амвросиевне неожиданно понравилась, она её взбудоражила до румянца на бледных, сухих щеках. Как будто пытаюсь доказать всем (хотя кому?! Никто и не знал ни о её мечтах, ни о её замыслах), что слов на ветер не бросает, Марта Амвросиевна во время очередной прогулки решительно направилась в единственное известное ей турагентство, яркую вывеску которого она видела из окна маршрутки. Нельзя сказать, что Марта Амвросиевна чувствовала себя при этом совершенно уверенно – она немножечко боялась. Нет, не того она боялась, что изменит своё решение. Ибо, если человек колеблется, значит, он всего лишь ПРЕДПОЛОЖИЛ определённый исход событий, оставив при этом для себя возможность его отменить. А если уж принято РЕШЕНИЕ – настоящее, созревшее и единственно верное, – то колебаниям места нет ни в душе, ни в сердце. Такое решение изменить невозможно, потому как время пришло быть ему исполненным. Марта Амвросиевна побаивалась одного: что её сбережений не хватит на оплату задуманного и ей придётся с позором ретироваться. А потом, дома, записывая цифры столбиком, высчитывать процент необходимой экономии ближайших пенсионных выплат, чтобы оптимально быстро, но без вреда для здоровья, накопить недостающую сумму.

Ну, зря Марта Амвросиевна изводила себя такими унижительными мыслями. Путёвка оказалась ей вполне по карману (не беда, на уход ещё накопим!). Улыбчивая сероглазая девушка выдала Марте Амвросиевне билеты и бумажку с пошаговой инструкцией, распечатанной, по просьбе клиентки, крупным шрифтом. Эту инструкцию Марта Амвросиевна изучала, пока добиралась до Иркутска поездом. Видимо, это оказалось довольно увлекательным чтивом, иначе как объяснить, что дорожные сутки, представлявшиеся путешественнице невероятно тяжёлыми, пролетели быстро, как юность. Тем не менее, времени Марте Амвросиевне вполне хватило, чтобы изучить, куда пойти, где свернуть и в какой автобус сесть, чтобы добраться до гостиницы.

Уже разместившись в своём номере и глаза в телевизор, Марта Амвросиевна думала, что, возможно, в какой-то из своих прошлых жизней она немало путешествовала. Только это, по её мнению, было причиной невероятного чувства удовольствия, которое сопровождало её с момента принятия того самого решения. Марта Амвросиевна самодовольно улыбнулась, вспомнив, как легко и естественно совершала она доселе незнакомые действия. О да, обращение «милочка» к той худющей девице на рецепт... ресеше... тьфу, ре-сеп-ше-не (ой-ёй, бесовское слово!), так вот, «милочка» прозвучало вполне себе элегантно, в лифт Марта Амвросиевна вошла достойно, а то, как она плебейски любопытствовала, разглядывая гостиничный номер и щупая полотенца в душе, – так этого же никто не видел.

В назначенное время Марте Амвросиевне позвонили и сообщили о прибытии экскурсионного автобуса. Марта Амвросиевна уже была абсолютно готова, поэтому быстро спустилась и вышла из гостиницы. Она успела занять последнее свободное у окна место. Через пару минут, когда кучкой набегали последние пассажиры, свободных мест в автобусе не осталось совсем и водитель, наконец повёз Марту Амвросиевну к её мечте.

Когда реализация мечты постоянно откладывается, когда воплощению сокровенных желаний долгое время что-то мешает, предмет мечтаний обрастает вдохновенными эмоциями, и кажется, в конце концов, что нет ничего желаннее и прекраснее, что стоит только увидеть свою мечту, и познаешь райское блаженство. Марта Амвросиевна совсем не слушала экскурсовода, она просто не слышала его. И слова усталой женщины с микрофоном, и тихий гул голосов общающихся между собой пассажиров казались ей далёким шумом прибоя. Вся она уже была там, на заветном байкальском берегу. И когда из окна автобуса уже можно было разглядеть блестящую водную гладь, сердце Марты Амвросиевны забило от предвкушения. Ещё чуть-чуть, ещё совсем немного, и всё сбудется, всё ощутится: запах, мягкость воды, блеск волны на солнце и её шёпот, ласкающий прибрежную гальку. Правдой оказалось всё, что слышала Марта Амвросиевна о Байкале. Воздух необычайно свеж и сладок, вода так прозрачна, что почти невидима. К тому же с погодой повезло, день стоял солнечный и яркий. Только в такие дни можно увидеть противоположный берег Сибирского моря, до которого, говорят, целых 40 километров. И вот, пожалуйста, как на ладони – острые, покрытые снегом, как сединами, пики Хамар-Дабана, и облака, зацепившиеся за эти вершины. Это не облака низко летают, Это Хамар-Дабан перед небом не склоняется.

Разочарованная, Марта Амвросиевна застыла на берегу, наблюдая, как прозрачная вода набегаёт на её туфли и тут же откатывается прочь. Она стояла, опустив плечи, и плакала, потому что душа отказывалась петь. Не трепетала душа, не ныло в груди и счастье не душило её в своих объятиях. Вокруг была Красота, а ей хотелось Чуда.

Крик чайки, пронзительный и словно чем-то недовольный, вывел Марту Амвросиевну из тоскливого забытья. Этот, в общем-то неприятный, звук заставил её резко вскинуть голову. Чайка летела к берегу, похожая на летучую мышь, приближалась стремительно и неотвратимо. В нескольких сантиметрах от испуганного лица старушки, она вдруг свернула, миг – и их глаза соединились взглядом... и Марта Амвросиевна, разрезая широкими крыльями воздух, полетела от берега. Она летела всё дальше и выше, иногда вскрикивая (не восторг ли исторгал из её горла эти странные, скрипуче-звонкие звуки?), иногда пикируя вниз, чтобы затем мощным рывком вновь подняться ближе к небу. Отсюда, сверху, Марте Амвросиевне казалось, что летит она над каменной равниной – так чиста и прозрачна была байкальская вода. И каждый камешек на разноцветном дне озера блестел, словно драгоценный, в золотой оправе солнца.

Берег, забитый людьми, виднелся позади тонкой полоской. Марта Амвросиевна упрямо летела вперёд, правда, чуть сбавила скорость. Она была не только далеко от берега, она ещё была и очень высоко, так высоко, что солнце обжигало ей спину. Но, знала Марта Амвросиевна, лишь поднявшись выше своей высоты, можно заглянуть в глубинную глубину. А потому вперёд и ввысь, всё дальше и выше...

Крылья устали, они двигались медленно и трудно. Как долгий путь к мечте... Марта Амвросиевна уже давно молчала, птичий крик не рвался из её груди. Но утомлённые глаза всё вглядывались в глубину. И вот они заметили... Что? Непонятно... Надо ещё чуть-чуть выше... ещё чуть-чуть... Вот и случилась. Там, внизу, упираясь ногами в Шаман-камень, прислонившись спиной к подножию Хамар-Дабана, лежал Байкал. Его длинные седые космы укрывали горные пики, могучие руки старик сложил на груди. Нахмутив лоб и сжав губы, Байкал выводил тихую тоскливую мелодию, и Марта Амвросиевна, обездвигив крылья, медленно поплыла навстречу этой бессловесной песне, задыхаясь от счастья, словно внезапно прозревший слепой.

А люди на берегу насмешливо поглядывали на замершую у кромки воды старушку, которая, удивлённо открыв рот и подперев щеку, неотрывно смотрела в небо.

Вадим РОСС

г. Ашаффенбург, Германия

Вадим Евгеньевич Россик. Литературные псевдонимы Вадим Росс, Алексей Макеев. Родился 28 марта 1960 года в Челябинске. Победитель литературного конкурса «Чудеса рядом с нами» 2004 г. Финалист литературного фестиваля-конкурса «Русский Stil-2013» в ФРГ. Дипломант литературного фестиваля-конкурса «Русский Stil-2014».

Лауреат Международного фестиваля литературы и культуры «Славянские традиции-2013 в Праге». Участник 20-й Пекинской международной книжной выставки-ярмарки, 25-й и 27-й Московских международных книжных выставок-ярмарок. Автор нескольких романов и повестей, а также сборника детективных повестей «Репетитор» и сборника рассказов «Сапоги для Поднебесной».

К изданию в Берлине готовится роман на немецком языке «Кто рано встаёт, тот рано умрёт».

В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

Рассказы**Любовь?**

Бледное зимнее солнце давно спряталось. Тьма с редкими искрами звёзд заполнила улицы городка. До утра жизнь остановилась. Всякое движение прекратилось под снежным саваном. Снег, жёсткий, обжигающий, сверкал, отражая скупой свет ночного неба.

Она налила горячий чай в пузатую чашку. Это была Её любимая чашка, с глупыми красными маками на тонких стенках. Бросила пару ложек сахара. Помешала. Бесконечно долгий морозный день остался за стенами маленькой комнаты.

В сером полумраке едва различимы углы. Жёлтый круг света на столе. Жарко натоплено. Тихо. Только тиканье старых бабушкиных ходиков...

Она сделала несколько осторожных глотков. Сойдёт... Вдруг с улицы в Её покойный тёплый мирок, замкнутый кирпичными границами, проник посторонний звук. Она вздрогнула. Самолёт. Самолёты часто режут небо над домом. Она ненавидит этот гул, потому, что он не даёт Ей забыть о Нём.

Она зачем-то подошла к окну, покрытому ледяными узорами. Как пронзительно скрипнули половицы! Будто пожаловались на свою угнетённую жизнь. «Низы не могут...» Усмехнувшись, Она медленно провела пальцем по замёрзшему стеклу. «Он... Где Он сейчас? С кем? Ладо мой...» Она вздохнула. Уже полгода прошло, как лёгкие серебристые крылья унесли Его далеко-далеко...

Он называл Её Лана, Ланочка. Когда злился – Ланка-хулиганка. Она грустно улыбнулась. И почему «хулиганка»? Она так старалась, чтобы Ему было с Ней хорошо и просто. Хотела, чтобы Он был всегда рядом... Она вспомнила родинку у Него на шее, к которой часто нежно прикасалась губами. Лёгкий запах ландышей. Его запах...

«Полгода... Это так много». Задумавшись, Она продолжала машинально царапать ногтем ледок на стекле. От окна тянуло холодом, но Она этого не замечала. Ночь. Тёмный полукруг луны. На столе остывший чай. Одна... Отчаяние куснуло сердце. Стало зябко. «Хватит! Никакого депрессняка! Я самая красивая и самая счастливая!» – произнесла Она про себя привычную формулу. Снова вздохнула. «Пора спать».

Она вылила чай в раковину, помыла чашку и оставила её, доньшком вверх, сохнуть. Разделась. Аккуратно сложила одежду на стул. Потушила свет. Легла. Закрыла глаза. Замерла.

А на застывшем инее окна осталось жить тёплое слово «ЛЮБЛЮ»...

Как неизбежно стать великим писателем

(Бесплатное пособие для начинающих гениев)

Часть первая

Поставив последнюю точку в своём первом произведении, каждый настоящий писатель задумывается над проблемой всемирного признания. Как донести свой шедевр до читателей? Как стать известным и богатым литератором? Это ведь только графоманы получают удовлетворение от самого процесса. Нормальным людям нужны слава, деньги и женщины. Или мужчины, в зависимости от вкуса.

Если вас не пугает перспектива ежедневной писанины и, может быть, даже ранней смерти на дуэли у Чёрной речки, впрочем, там место уже занято, тогда закрывайте глаза, широко улыбнитесь и бросайтесь в пасть оглушительного успеха. Он подкарауливает вас прямо за углом. Вас ждут почёт, уважение, позеленевший медный памятник в столичном скверике, небольшая мемориальная доска на барачке, где вы выросли... Пардон, пусть не на барачке. К этому обязательному набору обычно прилагаются такие бонусы как бешеные деньги и бешеная зависть бесталанных коллег по цеху. Кроме того, отсутствие полноценной личной жизни – лишь необременительные интрижки с кинозвездами, топ-моделями и юными представительницами древнейшей... о, нет, конечно, нет! представительницами лучших европейских монархических домов. Гений – это труд! Если вы согласны, тогда читайте дальше.

Итак, снова перечитав за двенадцать секунд свой шедевр и убедившись, что его великолепие никуда не делось (если не обращать внимания на пять ошибок в слове «истчо»), вы с тревогой вспоминаете, что сегодня на Земле живёт уже семь миллиардов человек. Завтра их будет ещё больше.

Читательская аудитория растёт в арифметической прогрессии. Значит, нужно торопиться! И конкуренция! В каждом уголке нашего тесного мира есть любители местной словесности. Пусть даже вся словесность состоит всего из трёх десятков слов. Всегда найдётся желающий придвинуть к себе клавиатуру, или окунуть перо в чернила, или, на худой конец, испачкать прутик в золе костра и водить им, водить... по стене пещеры. Везде орудуют свои сервантесы, шолоховы, агаты кристи и донцовы.

Вы, конечно, собираетесь послать гениальное произведение во все крупные издательства? Ради счастья человечества вы готовы потратить на это целый день своей драгоценной жизни? Ну и совершенно напрасно. Ведь редакторы крупных издательств ничего не читают. И не потому, что они не умеют читать. Просто им некогда. Они завалены горой графоманской макулатуры, в которой потеряется и ваш нетленный шедевр. Заставить редактора прочитать гениальное творение нового Достоевского можно лишь слегка прижав к его шее лазерный меч из «Звёздных войн» или хорошо заплатив.

Для того чтобы истерзанный графоманами редактор обратил внимание на ваш талант, сначала нужно тщательно подготовиться. Пока наш литературный король ещё голый. Его необходимо одеть в виртуальное платье из грамот и дипломов с длинными фалдами из восторженных откликов читателей.

Открою секрет. Для подготовки завоевания вершин мировой литературы существуют литературные конкурсы. Вообще-то, один бог знает, для чего они существуют. Возможно, чтобы графоманы не бросались на людей на улицах. Отвлекают, знаете ли. Но вы можете использовать конкурсы в своих мирных целях. Упорно посылаете своё шедевральное произведение на все конкурсы, какие можете найти. От газеты «Гудок» до какого-нибудь непонятного союза неизвестных писателей. Запаситесь терпением. Пройдёт не менее года, прежде чем вы начнёте получать результаты своих усилий. Денег там нет, зато, там, где не дают денег, легко дают красивые дипломы. Вуаля! Что и требовалось доказать! Теперь у вас есть восемь внушительных бумажек за участие в конкурсах, а значит, вы готовы к штурму издательств.

Совет бывалого: параллельно с участием в конкурсах мама и друг гения размещают от своего имени везде, где можно и нельзя, составленные гением восхищённые читательские отклики. У больших мальчиков вместо мамы, не менее эффективно, может действовать жена.

Сначала вы работаете на отклики, потом отклики работают на вас. Закон сообщающихся сосудов: из одного бассейна выливается, в другой бассейн вливается. Физику нужно знать!

Следующий шаг: написание своей творческой биографии. Именно она – ваша верительная грамота в мир слов, рукописаний и денежных знаков. После грамотной подготовки творческая биография приобретает необходимую длину: «участник конкурса... диплом за... диплом от... грамота... грамота... грамота...»

Теперь, получив ваш даровитый опус, редактор может призадуматься. Ведь редакторы тоже люди. Парадокс человеческой логики. «Не могут же люди в трезвом уме и твёрдой памяти ошибаться восемь раз! Наверное, это я тупой», – огорчается редактор, лихорадочно ища в вашем тексте признаки конгениальности. Зря, конечно, огорчается, но вам так и надо.

Люди по своей природе конформисты. Они доверяют мнению незнакомых людей больше, чем мнению знакомых или даже своему собственному. Психология!

В конце концов, вы получаете долгожданное сообщение по электронной почте: «Ваш рассказ нам понравился. Мы хотели бы его напечатать... Условия... Нет ли у вас чего-нибудь ещё?» Поверьте, соблюдая вышеуказанные правила захвата литературной вселенной, вы обязательно получите такое сообщение. Это так же неизбежно, как визит судебного пристава к неплатёжеспособному заемщику.

Ну, вот! Дело сделано. Доказательство того, что вы уже писатель и денюжки получены. «Мама правильно говорила! Материнское сердце – оно вешее».

Однако, получив первое предложение от издательства, вы сделали всего один шаг к вершине. Лишь приоткрыли тугую дверь в мир великих писателей и великих денег. Только просунули туда голову. Что делать, чтобы дверь не захлопнулась, оставив вас без головы? Как продолжить победоносный марш?

Об этом в следующей части. Но она уже за деньги. Ведь вы же немножко заработали?

Святой

Скажу – обидится.
Промолчу – рассердится.
Спрошу – рассердится.
Не спрошу – обидится.
Замечу – обидится.
Не замечу – рассердится.
Трудно тебе со мной, солнышко моё...

© Vadim Rossik

Ольга ГОЛОВИЗИНА

г. Липецк

Поэт. Член творческого совета журнала «Северо-Муйские огни».

Поход на Фролиху

Рассказ (из цикла «Байкал»)

На Байкале совершенно невозможно предсказывать погоду. Вот ночью сияли звёзды и всё говорило о солнечном утре и прекрасном дне... Но не тут-то было... Наутро небо затянулось серой паволокой. Стало прохладно. Но в походе это даже хорошо, не так утомительно.

После завтрака, взяв с собой «сухой паёк», мы собрались на пристани. Компания подобралась замечательная – от пятидесяти пяти до семидесяти лет! Самая путешествующая публика!

В нашей лодке, кроме меня с Кларой, ещё одна бурятка Лена и командир лодки Сергей Николаевич Моисеев. Выезжаем в десять утра.

На север Байкала к бухте Аяя добрались без приключений, шли вдоль берега, любуясь красотами величественного озера.

В бухте нас высадили, показали направление, куда идти... и моторки удалились. Мы остались в некотором недоумении: шесть женщин и один мужчина на берегу бухты, впереди тайга, знаем только то, что озеро Фролиха находится вверху, в тайге, и до него примерно восемь километров...

Пройдя в указанном Моисеевым направлении вдоль берега, нашли указатель «На Фролиху». Ну вот и хорошо! Идём верно!

Тропинка ухоженная, её, оказывается, недавно группа «зелёных» волонтеров прочистила. Наш единственный мужчина оказался очень информированным человеком. Он много рассказывал о растениях, встречающихся на нашем пути... Идём всё время вверх, через ручейки и болотца.

Тут надо бы сделать небольшое отступление. Перед поездкой на Байкал я уже несколько лет в силу своего состояния здоровья не ходила на дальние расстояния с рюкзаком, да и не планировала. Так что, собираясь в поездку, я долго выбирала, какие кроссовки взять – покрепче или полегче. Муж убедил взять тряпичные, проявил заботу о моём здоровье, так сказать... Я, как послушная жена, согласилась... И теперь мне это вышло боком! Уже километров примерно через пять по воде, подошва от правой кроссовки отлетела. Мне помогли чем могли – дали бинт, которым я привязала сначала подошву, а затем просто кроссовку к ноге. Хорошо, что ещё носки толстые были. Все, конечно сочувствовали мне, даже предложили идти первой, чтобы под мой темп ходьбы подстроиться, чтобы я не отставала. Вот здесь они маху дали! Ноги у меня теперь уравнились – одна сломанная, другая без подошвы, то есть, только в носке и полиэтиленовом пакете – и я такую скорость развила, что все далеко сзади остались!

Наконец-то пришли! Вид и в самом деле восхитительный! На берегу озера большой палаточный лагерь, оборудованное костровое место – и ни одной души! Начался дождь, довольно сильный. Не теряя времени, под навесом стали разводить костёр. Приготовили вполне добротный обед, из того, что принесли с собой. К обеду подоспел охранник этого туристического лагеря – тринадцатилетний Ваня, приехавший на резиновой лодке с огромной щукой. Её подстрелили подводным ружьём москвичи, которые расположились на «Еврейском пляже» озера, и подарили нашему хозяину, Ване. Мы, конечно же, все сфотографировались с трофеем! Затем прокатились на лодке до стоянки туристов. Фотографировались. Виды незабываемые! Дождик временами прекращался, так что кадры получились хорошие.

Но время поджигает и приходит пора возвращаться. К семи часам вечера за нами должны подъехать лодки на берег бухты Аяя. Обратная дорога всегда кажется короче! Пришли даже немного раньше и, чтобы скоротать время, попели народные песни – компания собралась голосистая!

Время прошло, а лодок за нами что-то всё нет и нет. Мы уже и волноваться стали. Сюда по воде сорок минут ходу на лодке, а вот по берегу далековато будет...

Вот, наконец, и наши лодки! Не объясняя причину опоздания, Сергей Николаевич попросил скорее садиться на наши места и отчалил от берега.

Только выйдя из спокойной бухты на открытую воду озера, мы всё поняли! Байкал превратился в море! Начался шторм! Мы сидели спиной... Оглянувшись, я пришла в ужас... Нос лодки поднимается на волне под углом тридцать градусов! Мы трое, сидевшие на доске-сороковке, успели только раз несколько подпрыгнуть на волне, и доска под нами сломалась!!! Моисеев успел крикнуть: «Быстрее в нос!».

В тот момент вспоминала, как Христос по воде шёл и говорил, что надо верить.

Берегов не видно, другую лодку тоже, только огромные волны и завывание ветра!

Как мы дошли, одному Богу известно! И только благодаря спокойствию и грамотным действиям Сергея Николаевича Моисеева мы ступили на пристань в Хакусах. Встречала нас вся администрация и Алевтина с Еленой, конечно. Наше состояние было невозможно описать словами – мы словно с Того Света вернулись! Как будто заново родились.

На завтра у нас с Кларой была намечена поездка на моторке в южном направлении по Байкалу к пещере Шамана, всего-то двадцать минут по воде... Но об этом нам даже и думать не хотелось!..

11.08.2010

Павел ПОДЗОРОВ

г. Бобруйск, Республика Беларусь

Родился 16 июля 1975 года в г. Бобруйск. Образование высшее.

Дипломант конкурса «ЭкоФэнтези-2014». Лауреат литературного конкурса «Стилисты добра» (Челябинск, 2015). Призёр конкурса «Древняя обитель – моё вдохновение» БПЦ (Кобрин, 2015). Дипломант Международного литературного форума «Славянская Лира-2015» (Полоцк). Победитель конкурса короткого рассказа «Открытие» (Дзержинск, 2015).

В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

Счастье – в космосе

Рассказ

Ему было очень тяжело.

Сверху практически монолитная скала. Приходится искать, нащупывать едва заметные трещинки. На попытки расширить их уходят все силы. Да, силёнок бы побольше. Вода есть. Не много, но пока хватает. Потом выпадет роса. Часть, конечно, испарится, но хоть малая доля её пробьётся, проникнет сквозь толщу грунта и камня.

А вот света нет. А без света – нет силы. Пробиваться... Пробиваться к свету, несмотря ни на что. Свет это – сила. Свет – жизнь!

Уже немного, осталось чуть-чуть. Последние усилия. Он нащупал трещину достаточной толщины и устремился туда. Осталась последняя преграда в виде плотного грунта. Только бы добраться до поверхности. Свет поможет окрепнуть. Дать новые крепкие корни, из них – новые сильные побеги. Тогда и вода будет проникать беспрепятственно, досыта насыщая влагой.

Как удачно! Узкая щель между двух непробиваемых плит. Вот и свет впереди. Свет!

Блеклый слабый Росток устремился туда.

На космодроме было многолюдно. Посреди серой безжизненной равнины стояли провожающие. Звездолёт был готов к взлёту, и стоящий на площадке перед люком экипаж слушал последние напутствия.

Если бы Росток мог понимать человеческую речь, то он бы услышал:

– Братья! Много лет мы жили, не думая о судьбе планеты. Мы черпали её природные ресурсы, не задумываясь о будущем. Но час расплаты наступил. На всей планете не осталось и одного растения. Ни одного! Как радовались бы мы, увидев самое неказистое деревце. Да что там деревце – листок! Травинку!..

Выступающий помолчал. Смахнув скупую мужскую слезу, он продолжил:

– К сожалению, процесс необратим. Чтобы не погибнуть, мы вынуждены посылать наши корабли к иным звёздам. Одних – в слабой надежде найти новый мир, готовый принять нас. Других – доставить хотя бы какие-то растения, способные выжить и оживить планету. Удачи вам, братья! Как бы это высокопарно ни звучало, но именно вам искать наше счастье в далёком космосе!..

Космонавты вошли в звездолёт. Люк закрылся.

Ничего этого Росток не знал. Увидев долгожданный свет, он изо всех сил рванулся и... пробился на поверхность...

Именно в этот момент из дюз звездолёта, располагавшихся прямо над ним, вырвалось всепожирающее пламя...

Ростка не стало...

Люди отправились искать своё счастье в космосе...

**Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в водах лонных.
Я хотел бы затеряться
В зеленях твоих стозвонных.**

Сергей Есенин

П О Э З И Я

Поэзия принадлежит к народному воспитанию.

Василий Андреевич Жуковский

Анатолий ГОРБУНОВ

г. Иркутск

Член Союза писателей России. Лауреат Всесоюзного литературного конкурса им. Н. Островского с вручением медали (за книгу стихов «Чудница», 1975), Всероссийского конкурса, посвящённого 200-летию со дня рождения Г.-Х. Андерсена (грамота Королевского посольства Дании и Фонда «НСА-2005»), премии Международного конкурса детской и юношеской книги им. А. Н. Толстого. Награждён Знаком Министерства культуры РФ «За достижения в культуре», дважды лауреат премии журнала СП России «Сибирь».

«Стрекочет пернатый июнь...»

Соболиная глушь

Грустно кружится пух иван-чая
Над янтарными лунами пней.
Бурый калтус, рогами качая,
Исподлобья глядит на гостей.
Обложили его интервенты,
Порезвятся до чёртиков тут:
По отсыпанной гравием ленте
День и ночь лесовозы идут...
С петель сорваны двери избушки
Застеклённой осколком зари.
Кроме ветра да мышки-норушки,
Ничего не осталось внутри.

Соловьи

В диких зарослях смородины
Счастье свили соловьи,
Косарили, огородили,
Песни сеяли свои.
Города хлебами радуя,
На заре будили высь...
Тишину дробя прикладами,
В дом пришельцы ворвались.
Плачут в травы росы тихие;
Никого не встретишь тут,
Лишь от хохота антихриста
Дыбом волосы встают.
Кто пытал-казнил играючи,
Кто подшиб Россию влёт,
В небоскрёбах припеваючи
Безнаказанно живёт.
Не простит греха вселенная...
Вот разверзнется земля –
И восстанет убиенная
Соловьиная семья!

Ночное

Лишь во тьме иногда
Всхлипнет раненый лес,
Тихо ойкнет звезда
И сорвётся с небес.

Не поймать её влёт,
Не подставить ладонь...
Спутан, жалобно ржёт
Изработанный конь.

Заря

В потоке дней летящих, где
Всплеснулась утренняя рыбка,
Скользнула грустно по воде
Природы мудрая улыбка.
Прядёт Вилкой туманы лет,
По гальке катятся клубочки...
Заворожённо смотрит вслед
Девчонка в огненном платочке:
Как будто это не река,
А сам Господь ей улыбнулся,
Росистой веткой тальника
К судьбе грядущей прикоснулся!

На байкальских сорах

Стрекочет пернатый июнь.
С ондатровой хатки
Лениво поднявшийся лунь
Наводит порядки.
Крылами взмахнёт и замрёт
На пропасть мира.
Трепещут обрывки тенёт
На стеблях аира.
Туманный от горестных дум,
У паводи синей
Мерещится поп Аввакум –
Страдалец России.
Сбылось, что предсказывал он,
Мятежный раскольник.
Мерещится в мареве звон
Пустых колоколен.
Посолье. Без маковки храм.
И берег безлесый.
Страну по рукам и ногам
Опутали бесы.
Лишь вольный катается лунь
По горкам воздушным.
Стрекочет пернатый июнь.
От испари душно.

Александр ШЕРСТЮК

г. Москва (Зеленоград)

Член Союза писателей России, Международного сообщества писательских союзов и Союза журналистов России.

Редактор, автор переводов, статей, вступлений к книгам, рецензий. Автор 7 книг стихов.

Заведующий отделом публицистики журнала «Северо-Муйские огни».

Из давнего

Аист

Поэма средневековья

Боль моя, боль, терплю, хороню.
Кружится птица аист.
Вяз под гнездом засох на корню.
Молча терплю. И срываюсь.

Крикну – и тут же больней огорчусь.
Звук застывает жутко.
Нет, не расколота туча чувств,
вспыхнула – молния куртки.

Вязнет мой крик на подходе ко рту,
гаснет на подступах к яви.
Что-то мешает ему за версту,
будто заслонку ставит.

О, сколько знаем того, что могло б
яростнеть менее часто!
Но ведь тогда нас из банки в сугроб
вряд ли несло б качаться.

Пыл краснаяры и снежная пыль,
духу поддать, остудиться –
вот и былина наша, и быть,
это в крови.
Наша кровь не водица.

Это как тайная сладость живёт
в наших костях желтоватых,
душу томит, ищет выхода, жжёт –
ядом, отравой, отрадой.

Редкая щедрость – голов не считать,
дров наломать из оглобель.
Позже, как Грозный, со свечкой стоять,
в небо глядеть исподлобья.

Нет, ни щепоткою кроткой перстов,
ни воздаяньем сторицей,
памятной массой надгробных крестов –
сделано – не откреститься.

Это наследство у нас не изъять
самым всевластным мандатом.
Русская участь – не буква «ять»,
плавить её чревато.

Буквицу плавить – и то стерегись,
жгучи свинцовые крошки.
Опустошённость отстрелянных гильз
глаз пустотой стать может.

Больше ожжёшь – злей пробудится зверь,
когти свирепо напомнят:
мы, в большинстве, лишь вчера из пещер
вышли, не выстроив дома.

Вот положеньице! В толще веков,
меж первобытьем и чаемой новью,

быть посредине – большевиком
вечного средневековья.

Ветер истории бьёт в паруса,
в наши, мы верим отваге.
А парусов наших высь и краса –
кровью набухшие флаги.

Страсть без пристрастья – без пламени дым.
Гнём свою линию чётко.
На перегибах этих стоим.
Гибельно. Безотчётно.

Сын, добрый молодец, против отца.
Брат супротив своих братьев.
И ведь не красного ради словца –
нет, всегда *высшего* ради.

Русский один – анекдотный дурак,
два – означает драку.
Вот ведь в присловьях закручено как,
нам придавая смаку.

С этим расстаться – кишка тонка.
Нам чем лютей, тем блаженней.
Свергнуть мы и не пытались пока
междоусобиц княженье.

Издравле дань мы ему отдаём
не кунным блестящим мехом –
шкурой своей и потом вороньём,
злым кикиморьим смехом.

Странная братская эта вражда!
С ней мы одной едины.
В каждом из нас Золотая Орда –
нет золотой середины.

Крайностей удаль с нами всегда.
Это какое-то иго!
Лихо нам что? Горе нам не беда,
лишь бы рубиться лихо.

Так, что налево один всего
взмах – переулочек в массах.
Если ж направо направим его –
целая улица сразу.

Эти проспекты в ударе творя,
так мы уже размахнулись,
что, поглядишь, ни кола ни двора –
буйный бурьян вдоль улиц.

Тройкой летим, на гнедых, вороных –
посторонись! – обгоняем.
То, что почти не осталось их,
только потом замечаем.

Многое мы замечаем – потом!
Задним умом – в два ока.
Будто нарочно прощенья ждём –
хоть бы за давностью срока.

Только ошибки не все пустяк.
Есть – бинт вначале чистый,
позже – телец кровавых сквозняк
через века сочится.

В каждой из пор он пронзительно есть.
Но... да не в том ли счастье,
что не иссяк до конца ещё весь
он в нашей дикой страсти.

Так пропитаться не многим дано –
горько, солёно, больно.
Мы протрухлявели б, видно, давно,
если б без боли и соли.

Мы ведь не просто живём да жуём.
В том вся загвоздка наша,
что если даже жуём живьём,
то – чтобы жизнь была краше.

Общая жизнь. Там, где всем хорошо.
Наша мечта такая!
Мы и себя сотрём в порошок,
коль станем жить не веками,

а лишь сегодняшним гладким днём.
Глаже нам быть – на орбите!
Родина, родина... С нею вдвоём
нам ли застрять в обиде?

Не разойтись, даже если зайтись,
ожесточась на жестокость.
Нет, даже столбикам на пути
свойственна некая стойкость.

Тем, что топорщатся что ни верста,
будто для неба сваи.
Мы мимо них пролетаем, свистя,
их и друг друга сбиваем.

Короток век наш. Но Родины век
всё же и нашим мерим,
так же как далее её разбег –
холмиков тихим метром.

Ляжем и мы. Но одно б успеть –
слиться с таким унисоном,
многоголосье такое бы спеть,
что не споёт никто нам.

В хоре таком стоять на своём
можно с тем большей пользой,
что мы и так стоим на одном
шарике – камешке скользком...

Пусть же летит к моему очагу
вновь на круги свои аист.
Я его криком больным не спугну.
Крика я сам пугаюсь.

1977

Лето (из поэмы этюдов «Времена года»)

Пока сады любили и качали
пузатых деток на густых руках,
играли рыбы, зрели помидоры,
как жареные луны на зубах,
вникали лошади ноздрями и нутрами
в курчавость дыма и в крылатый лай;

пока
кошачьи язычки хлестали
могучую тягучесть молока,
кастет цеховой, грохот китобойный
лупил полулюдей, полубогов,
давились рельсы каторжным составом,
в проглот летели уханье и свист;

пока
елозилась русалка с чародеем,
дубящим был для чешуи износ,
в пыли галдели непонятные цыгане,
лечила цыпки жаркая моча,
травились смогом горы монументов,
мельчая, сыпался неистовый гранит;

пока
потели масляными пятнами
консервы в цирках оловянных стен,
плыл и дрожал за собственное место
в чужой тарелке бедный холодец,
просили лапками убитые лягушки
обвала неподвижным облакам, –

всё это разукрашенное время,
всё это карнавальнейшее время
висел я над землёю в центре света,
висел я невесомо, поднебесно,
замедленно, тихонько, постепенно
всходил загар зарёй на мои веки,

топор пожарный, красный, обгаренный
был занесён над лозунгом «НЕ СМЕТЬ!».

1965

Возлюбил я Христа, да Иуда расцвёл.
Кто тот первый – кто первый взял лейку
и, приметив ничтожный вначале росток,
кто жестяность осоки взлелеял?

Узнаю тебя, травка вольтеровых губ!
Вроде б нет в кислоте твоей гнева,
но протравливаешь и дырявишь вглубь,
как смешок – орлеанскую деву.

Нет проклятья грызущей способности той –
между лбом и затылком скрытой.
Чем всеяднее внешне кислый настой,
тем он внутренне ядовитей.

Это всё же болотный смердящий харч!
Имя им легион – кто ретиво
сочно чавкает и чей харк
возрастает акселеративно.

Ты пробудишься ль, явь равнодобрых уст?
Что мне сделать, какое чудо,
чтоб навек опротивел победный хруст,
сила б скинула путы блуда?

Чтобы дух невесомость познал до того,
как получит жильё на небе.
Чтоб не зол, не лукав был глагол его
и назойлив чтоб тоже не был.

И Христа возлюбить не за то, что, как кровь,
запеклись Его охры повсюду,
а что, видя баранью осанку голгоф,
смог Он ноги помыть Иуде.

1975

Александр КОБЕЛЕВ

Новокукутск, Иркутская обл.

Член Иркутского городского отделения Союза писателей России. Заведующий отделом поэзии журнала «Северо-Муйские огни».

«Начертаю слова:

край родной, спасибо...»

Детская мечта

Заполню в сердце пустоту.
Возьму с собой краюху хлеба,
Исполню детскую мечту
Залезть на утреннее небо.

Через холмы, через леса
Пойду, дорог не разбирая,
Туда, где только небеса
И поле без конца и края.

Туда, где горизонт вдали
Яснее будет выделяться.
И я пойду на край земли,
А он всё будет удаляться.

Дойти до края не смогу.
Ну сколько может это длиться?!
Я быстро-быстро побегу,
Чтоб не успел он удалиться.

Схвачу за край небесный зонт
На стыке перспективных линий,
Потом шагну за горизонт
И заберусь на купол синий.

И с той небесной высоты
Увижу я такие дали!
Поверьте, этой красоты
Вы отродясь не видали.

Журавлик

Не нужна мне в ладонях синица,
Я журавлика жду по весне.
Прилетай, моя добрая птица,
Надо мной покружи в вышине.

Ты, как символ духовной свободы,
Сквозь пространство и время лети,
Улетай в мои лучшие годы
И с собою меня захвати.

Деревенские песни

Как светлы и как красивы,
Словно майский ясный день,
Эти русские мотивы
На просторах деревень.

Помню, сидя за работой
Тихо женщины поют.
Я сижу, рисую что-то,
И в душе моей – уют.

Мелодичные преданья
Как извечности звучат.
Помню грустные Странья
В исполнении девчат.

Или праздник, на котором
Соберутся всем селом
И раздольно сводным хором
Грянут песню за столом.

Для меня неповторимы
Эти песни давних лет.
Мной всегда они любимы –
Нелюбимых песен нет.

Даже песни-нескладушки
Мне отрада для души,
Даже смачные частушки,
Что горланят алкаши.

Жив пока, я всё приемлю:
Всю простую красоту.
А умру, зарытый в землю
Тихой песней прорасту.

Срок у жизни очень строгий.
Я к концу своей дороги
Стану дряхлым и убогим,
По ночам хандрить начну.
И, не справившись с тоскою,
Я (с фамилией такою)
Выйду в поле за рекою
Да завою на луну.

Две сестрички-ольхи
ветками колышут.
Я присяду в тени,
огляжусь вокруг.
В лёгком шуме лесном
я стихи услышу,
Я услышу стихи
в щебете пичуг.

Дятел вставит в строку
все тире и точки.
И на крыльях ветров
в синеве небес
Поплывут облаков
белые листочки.
Что на них написать
мне подскажет лес.

И растает в душе
ледяная глыба,
И на облаке я
веточкой ольхи
Начертаю слова:
край родной, спасибо,
Что мне хочется жить
и писать стихи.

Бахыт КЕНЖЕЕВ

г. Монреаль, Канада

Родился 2 августа 1950 г. в Казахстане. Дебютировал как поэт в коллективном сборнике «Ленинские горы: Стихи поэтов МГУ» (М., 1977). С 1982 г. живёт в Канаде. Член Русского ПЕН-клуба. Публиковался в переводах на казахский, английский, французский, немецкий и шведский языки. Автор 9 книг стихов, 4 романов. Лауреат премии журнала «Октябрь» (1992), премии Союза молодёжи Казахстана (1996), премии «Антибукер» (2000) за книгу стихов «Снятая под утро», Большой премии «Москва-транзит» (2003). Лауреат «Русской премии» (2008) за книгу стихотворений «Крепостной остывающих мест».

«Бледнеет Марс, молчит Гомер...»

Ну и что с того, что дышать отвык,
что чужим останусь в родной стране?
Посмотри, как корчится черновик,
полая в чёрном, в ночном огне.

То ли буквы – искрами в высоту?
То ли стенам тесно от сонных звёзд?
Ах, не всё-то масленица коту,
настает ему и великий пост,

настает расплата за светлый грех –
усмехнись в ответ и смолчать сумеи.
Может, в жизни главное – трепет век,
перелёт зрачка, разворот бровей.

И за эту плоть, за тепло, за смерть
расплатиться буйною головой,
чтобы много пить, чтобы мало петь,
захлебнувшись радугой кочевой...

Куда как крутое место, уют окрестной
шпаны. На краю стакана щепотка соли,
да всласть громыкает румбой лихой оркестрик
и чем-то ещё из поздних тридцатых, что ли.

На старости лет, вероятно, смутишься вряд ли
испаринной голых спин или криком скрипки,
но льётся ещё прерывистый свет по капле
из звёзд похудевших,
тонких сквозь воздух зыбкий.

И, голову остужая холодной водкой,
вдруг вспомнишь,
что слово дышит своим порядком,
что жизнь остаётся долгой, а смерть – короткой,
как глина бывает длинной, а камень – кратким.

Каждому веку нужен родной язык,
каждому сердцу, дереву и ношу
нужен родной язык чистой слезы –
так я скажу и слово своё сдержу.

Так я скажу, и молча, босой, пройду
неплодородной, облачную страной
чтобы вменить в вину своему труду
ставший громоздким камнем язык родной.

С улицы инвалид ухом к стеклу приник,
всякому горлу больно, всякий слезится глаз,
если ветшает век, и его родник
пересыхает, не утешая нас.

Камни сотрут подошву, молодость отберут,
чтоб из воды поющий тростник возрос,
чтобы под старость мог оправдать свой труд
неутолимим кружевом камнетёс.

Что ж – отдирая корку со сжатых губ,
превозмогая ложь и в ушах нарыв,
каждому небу – если уж век не люб –
проговорись, забытое повторив

на языке родном, потому что вновь
в каждом живом предутренний сон глубок,
чтобы сливались ненависть и любовь
в узком твоём зрачке в золотой клубок.

Где серебром вплетён в городской разброд
голос замёрзшей флейты, и затяжной
лёд на губах в несладкий полон берёт
месяц за годом – поговори со мной.

Пусть под студёным ветром играет весть
труб петербургских тёмным декабрьским днём,
пусть в дневнике сожжённом страниц не счесть,
не переспорить, не пожалеть о нём –

сердце в груди гнездится, а речь – извне
к свету стремится птица, огонь – к луне,
завороженный, тёмный костёр ночной,
вздогни, откликнись, поговори со мной,

пусть золотистый звук в переключке уст
дымом уходит к пасмурным небесам –
пусть полыхнёт в пустыне невзрачный куст –
и Моисей не верит своим глазам.

Бледнеет Марс, молчит Гомер,
лишь слышится окрест:
я не флейтист небесных сфер,
я ворон здешних мест,

ладья в пучине давних вод, лепечущих о том,
что всё, как водится, пройдёт рекою под мостом.

А где иные голоса? Кто ныне учит нрав
ступенчатого колеса в обрывках скользких трав,

сих выщербленных жерновов,
заржавленной оси?
Крутись, скрипи, бывай здоров,
пощады не проси –

мели о свете за рекой, Емеля, друг-простак,
посыпав пыльной мукой
свой шутовской колпак...

Алексей БОРЫЧЕВ

г. Москва

Член Союза писателей России.

Кандидат технических наук. Лауреат литературной премии Арсеньева (журнал «Литературный меридиан», номинация «Поэзия», 2013).

Награждён литературной медалью «А. С. Грибоедов», дипломом «За верное служение отечественной литературе» (СП РФ).

Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

Из новых стихов

Зачем вы, нежити болотные...

Зачем вы, нежити болотные,
Ко мне явились в поздний час.
Трясин дыхание холодное
Как будто оживляет вас,
И вы, забыв свои пристанища,
Какие ищите места ещё!

Вот вы стоите здесь, на острове,
Куда я шёл пятнадцать вёрст,
И взгляды тусклые, но острые,
Как жала пчёл, как иглы звёзд,
В меня, наивного, вонзаете,
И звёздно плачут небеса, и те

Деревья, хилые, увечные,
Что время тихо стерегут,
Пролив покой в просторы вечные,
Где навий распростёрт уют.
Чего хотите вы, нездешние,
От человека, злого, грешного!

Да, грешен я, и лишь поэтому
Вы бродите вокруг меня,
Могильным холодом согретые,
Лучами лунными звеня.
О, эти ваши полнолуния –
Страстей загробные безумия!

Вот ты, нелепое создание,
В лучах луны среди осин! –
Зачем рождаешь ожидание
И веру в то, что не один
В мирах забытых и потерянных
Живу я, злой и неуверенный

Ни в чём – ни даже в дальнем пламени
Иной мечты, иной тоски,
Ни в памяти истёртом хламе, ни
В потерях, чьи часы близки...
На что, на что вы все похожие –
Болот бесплотные прохожие?!..

Гляжу: мерцающая женщина,
Бела, как магний, нагота,
Холодной похотью увенчана!..
Свивает навья красота
Непостижимое пленение
Из нитей гаснущего тления.

Улыбка – влагой напоённая,
Теплом ирисовых долин,
Веками скорби утомлённая –
Во мне рождает страсть и сплин.
Но миг один... и тьмой безглазую
Она слита с туманом, связана...

А это кто? – корявый, маленький –
Из топи вылез и исчез –
Расцвел цветком горящим, аленьким
И озарил болотный лес,
Просторы серые, унылые
И кочки, схожие с могилами.

Меня прозрения лишившие,
Виденья медленно бредут.
Повсюду пятна, сны ожившие...
Как в лихорадке, как в бреде –
Я вижу в этом скорбном шествии
Тебя, Царицу Сумасшествия.

И вспоминаю годы давние
И чёрные твои дела.
За них в пределы злые, дальние –
В долину скорби, бед и зла
Перенесло тебя забвение,
И я забыл про вдохновение.

Хожу сюда по лесу лунному
Уже пятнадцать долгих лет:
Удастся ль мне, почти безумному,
Найти твой дух, найти твой след...

Но чем черней была ты ранее,
Тем ярче разочарование!..

Земные миры

Когда я тихо восходил
К осенним дням, к тоске востока,
Я нёс веселья ком в груди,
И забывал, сколь одиноко

Мне было в росных вечерах
Едва остывшего июля,
Когда в придуманных мирах
Миры земные все уснули.

Теперь, когда в тоске восток
И жёлтый воск разлит по свету,
Читаю прошлых дней листок,
В котором слов о счастье нету,

И снова, снова восхожу
К пустотам осени бессмертной,
К цветному листьям мятежу,
Ко временам, густым, инертным.

В них просыпаются миры,
И улыбаются в дремоте –
Земные скорбные дары
Из духа, чувства, крови, плоти!

Валентин СУХОВСКИЙ

г. Москва

Член Союза писателей России. Автор пятнадцати книг, в том числе «Русские устои», «Стезя любви», «Во дни тревог», «Во имя веры и любви», документальной повести о Герое Советского Союза Кротове «От Пинеги до Берлина», книги «Беседы о духовности с великими и выдающимися людьми эпохи». Лауреат литературных премий: им. Фадеева, им. Некрасова, им. Кедрина «Зодчий». Руководит литстудиями «Муза и лира» (ГЭЦКИ «Авангард») и «Златоуст» (ДК «Маяк»). Член-корреспондент Академии Российской словесности и Академии поэзии.

«В летний зной и в осеннем ненастье...»

Русским в рассеянии

Взывая к русским, к их сердцам,
Шумят в окраинах стихии
И возвращают вспять к России,
К бездумно брошенным полям.

А сотни тысяч деревень
Они оставили в России,
Могилы бросив дорогие.
И вот настал их судный день.

Не понимая свой народ,
Они другой народ не знают.
Родные песни умирают,
Страшён беспмятством исход.

Лесною стали целиной
Поля у сёл тысячелетних.
Мать трудится из сил последних;
Им хлеб чужой милей, чем свой.

И Родины надрывный стон
Коснётся ли глухого уха,
Когда родная мать-старуха
Их вспоминает у икон?

Годами не дойти вестям
В края Руси по бездорожью.
А мать творит с душевной дрожью
Помин окрестным деревням.

Притяженье родных побережий
С детства милой и близкой земли
Для меня вдруг восходом забрезжит
И сердечную грусть исцелит.

Как целебна вода ключевая
Для души да для тела вовек,
Так близка мне сторонка родная,
Без неё сирота человек.

Так молитва глубокая Богу,
Богородице Пресвятой
Помогает осилить дорожку
И повисить душевный настрой.

И до сладкой слезы умиления,
Утишения боли, обид
Голос первой любви из забвенья
Серебряной струной зазвучит,

Словно трель соловьиная в мае
Иль вечерняя песня скворца.
Словно оберег, жизнь сберегает
Отчий дом, шум берёз у крыльца.

И вечерняя зорька над Пежмой,
И душевный в гостях разговор
Вновь пробудят в душе моей нежность
Под гармошки живой перебор.

Песня о России

По белому свету раскинулась вольно,
Своей величавой красы не тая.
В лесах ты без края, в степях ты раздольна,
Родная, святая Россия моя.

И стелется шёлком лугов разнотравье,
И нивы хлебами густыми шумят.
С восторгом покою я, что нет тебе равных:
Богатства несметны, язык твой крылат.

Под звон колокольный над храмом-святыней
Невесты несут красоту под венец.
И славен веками характер былинный:
В нём вера и мужество, нежность сердец.

Я верю, что скоро расправишь ты плечи,
Вздохнёшь богатырски во всю свою грудь.
И станет свободней народу и легче;
Мы можем соборно всю славу вернуть.

Сметают преграды российские реки,
Могучею волей подобны морям.
Издrevле народы все вместе навеки
С тобою, святая Россия моя!

Надежда

В летний зной и в осеннем ненастье
Вновь влечёт меня вдаль среди полей.
Но ведь только надежда на счастье
Нас и держит на отчей земле.

Нас терзают тревоги да страсти,
Мы становимся к подлости злей.
Потому-то надежда на счастье
Нас и держит на отчей земле.

Верю я, что когда-то удастся
Мне лучом просиять и во мгле.
Потому что надежда на счастье
Всё же держит на отчей земле.

Дело нет ни богатым, ни власти
До добра, что всё гибнет во зле.
Но ведь только надежда на счастье
Нас и держит на отчей земле.

Одолею любые напасти,
Удержусь силой воли в седле
Потому, что надежда на счастье
Всё же держит на отчей земле.

Николай ТИМОХИН

г. Семипалатинск, Республика Казахстан

Член Союза писателей России. Председатель Казахстанского отделения Всемирной корпорации писателей.
Заведующий отделом международных литературных связей журнала «Северо-Муйские огни».

Переводы сонетов Шекспира

№ 128

Как часто слышу, Музыка моя,
Твои чарующие сердце звуки.
Они живут во мне, в ушах звеня,
И вижу пальцы я твои и руки.

Я клавишам завидую, подчас.
Они целуют нежные ладони.
И кажется, что в отраженьи глаз,
Красивая мелодия потонет.

Касалась если б ты меня вот так,
Счастливым бы считал себя всегда.
Но древесиной мне не стать никак,
И не хотел струной быть никогда.

Раз вся ты инструменту отдалась,
Почувствовать мне губ твоих бы сласть.

№ 129

Растрата духа в мире без стыда,
Средь пошлости и похоти – опасна.
Когда вокруг – обман и суета,
Такая жизнь становится напрасной.

Услада, что сменяется презреньем,
Всех манит, поначалу, за собой.
Но это лишь приманка, к сожаленью,
И сможет распознать её любой.

Оставит без ума легко утеха.
И вместо Рая попадёшь с ней в Ад.
И обретая жизнь без успеха,
Без уваженья, станешь ей не рад.

Всё это зная, многие грешат.
Утраченное – не вернуть назад.

№ 138

Когда она клянётся, что верна,
В её слова мне верится с трудом.
Считает молодым меня она,
Неопытным, неграмотным юнцом.

Я к этому не отношусь всерьёз,
Хоть понимаю – время быстротечно.
Неправду чей-то злой язык принёс,
Но истина живую будет вечно.

Так почему же врёт любовь сейчас?
Как ей сказать, что я уже старик?
О, многое сблизало раньше нас,
А годы пролетели – словно миг.

Поэтому и лживы мы с тобой,
Что недовольные своей судьбой.

№ 139

Не думай, что я оправдаю зло,
Живущее во всех твоих деяньях.
Оно лишь боль мне в сердце принесло,
А ты опять – холодное молчанье.

Скажи, что увлечение твоё
Дороже, может быть, всего на свете.
Душа твоя и плачет и поёт.
Ответь мне, стоит ли гордиться этим?

Дай время мне понять твой сложный нрав,
Ведь нежный взгляд враждебен мне порой.
В своих я подозрениях был прав –
Увлечена ты новою игрой.

Твоим я отношением убит.
И много затаил уже обид.

№ 141

Я, правда, не люблю тебя глазами,
Они одни пороки видят лишь.
Грехи не просто описать стихами,
И в сердце их совсем не утаишь.

Твой голос слышать нет уже желанья
И ощущать твои прикосновенья.
Утратила своё ты обаянье,
А с ним – и красоту всю, к сожаленью.

Не могут пять моих душевных сил,
В груди порывы страсти удержать.
Тебя одну всегда превозносил
И обликом твоим сражён опять.

Давно уже потерял мой покой,
Но не хочу расстаться я с тобой.

№ 146

Душа моя, ты как земля – грешна,
Из глубины её питаю силы.
И оттого покоя лишена
Внутри себя и всё тебе немило?

Скажи, зачем, живя короткий срок,
Ты платишь дорого за ветхий дом?
Чтоб червь наследство уничтожить мог,
Всё то, что берегла с большим трудом?

Так существуй во мне, за счёт меня.
И не хандри, не чахни – помни это.
А в тайнике своём любовь храня,
Всегда довольствуйся теплом и светом.

И сможешь Смерть преодолеть легко,
К тому же встреча с нею – далеко.

Никита БРАГИН

г. Москва

Член Союза писателей России. Автор нескольких книг стихов.

Доктор геолого-минералогических наук. Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

Из новых стихов

Кошачье золото

Кошачьим золотом блистая
по напомаженным рогам,
горит и плавится пустая
чересполосица реклам.

Её уже не замечаешь,
как на заборе воробья,
как вялый цвет спитого чая,
как нищенку среди тряпья.

Её стараешься не помнить,
как чужака угрюмый взгляд,
но, словно шприц, дурманом полный,
она в тебя вливает яд.

И начинаешь жить иначе,
иначе видеть Божий свет...
Ты сам не свой уже, и, значит,
тебя, былого, больше нет.

И не Москва перед тобою,
а просто уровень игры,
который ты проходишь с боем,
как мушка в рое мошкары.

И не язык тебе дарован,
а выдан социальный код
в наборе пёстрых упаковок,
рассчитанных на круглый год.

И чувствуешь – с такой дороги
по доброй воле не сойти,
и ждёшь – войдёт вершитель строгий
и вырвет вилку из сети!

Урок французского

Урок французского идёт вовсю –
здесь каждый уяснит, что он *je suis*
(подставьте нужное),
и мне приятно вспоминать *toujours*,
как говорят *je ne mange pas six jours*
дорогой вьюжною.

Ах, *cher ami*, мне, право, очень жаль,
что на дворе метель, а не мистраль,
но что поделаешь;
и как ни хочется *cherchez la femme*,
но получается «Левифан»
и ящик белого...

Пора проснуться на *Champs Elysees* –
parole d'honneur, в моей скупой слезе
тоска по Франции.
Ах, *sacre Dieu*, Россия – край земли,
здесь за рубли не продают *Charlie*
на каждой станции.

И, наконец, Париж, *Printemps*, бульвар...
Ну, *bon suare... pardon* – и акшамлар –
без тени мистики.
Обедать предпочту на *Place d'Alma*,
там, уверяют, чок гозель долма,
баклава фистикли...

Париж слывёт столицей *haute couture* –
под вывесками «Афро-куафюр»
йохимбе варится,
и думаешь, куда же ты попал –
в Гвинею, или, может, в Сенегал
кот д'ивуариться?

А где же ваша Оттырдам-джамы?
Le mosquee de Mariam? Поди пойми,
вся в пробках махалла.
Урок закончен, в сторону дела,
пора промолвить – иль хамдуль илла,
куллю тамам, халас.

Ассирия

Летят золотые павлины
из вечных висячих садов
над пыльной и пепельной глиной,
где нет ни примет, ни следов
ушедшего в полночь Ашшура,
крылатых богов и быков,
где степь, словно львиная шкура,
покрыла скелеты веков.

И видят небесные птицы
сквозь мёртвую пыльную твердь
жестокий полёт колесницы,
охоту, сражение, смерть;
регут исполинские звери,
мечи обнажают цари
над прахом погибших империй
в кровавых просветах зари.

И нет ни ракет-минаретов,
ни чёрных, ни пёстрых знамён,
не смотрит с казённых портретов
на нас воплощённый закон,
и нет ни европ, ни америк,
не пляшут ни доллар, ни *brent*,
и некому рейтинг измерить
и вычислить нужный процент.

Но есть непосильная слава,
немыслимая красота,
и львиная кровь, словно лава,
течёт, первородно чиста,
течёт обжигающе близко,
так близко, что дух опалён,
и падает смертная искра
в бессмертную бездну времён.

Анна ЦАЯК

г. Берлин, Германия

Член литературного объединения «Немцы из России» (Бонн), Международной ассоциации писателей и публицистов, Берлинского литературного общества Berliner Literaturbund, Международного сообщества писательских союзов.

Кандидат филологических наук, старший преподаватель МГУ и двух Скандинавских университетов. Редактор нескольких альманахов и сборников. Участница московского литературного «Салона всех муз». Автор книг «Лёгкое чтение» и «Синие цветы».

Из новых стихов

С окнами в сад

С окнами в сад и с твоей виноватой улыбкой,
С тем, что не можешь принять
и не можешь забыть,
С тем, что теперь оказалось
немыслимо зыбким!..
С тем, что осталось от тряски в жестоком пути...
С этим со всем – ты спокоен,
трагично спокоен!..
Даже не мыслишь бежать, потому что – куда?
В поле чужом ты давно и не бард и не воин...
Только не думай об этом –
Затянет. Опасно. Нельзя.

Обсуждение

Мы обсуждали маленький рассказ.
Но текст, практически, никто не замечал,
вокруг летали личные пристрастья,
далёкие от построенья фраз.

Никто, мне кажется, и не читал рассказ.

Отголоски зимней Москвы

Трамвай

Трамвай... какое там «Желание»*!..
Но мне желанен.
Тягучий ветер, без названия,
Как Бах печален.

...Всего лишь транспорт,
по ненастью во тьме скользкий...

И в круговерти снежной россыпи,
в окно стучащей,
скользят морозные мимозищи,
ненастоящие...

А настоящий – этот вечер,
и воля синяя,
зовущая и воздающая,
теряющая и чего-то ждущая,

как ты, Россия.

* аллюзия с названием пьесы Теннесси Уильямса «Трамвай Желание».

Маяк

Пролейся дождём, изойди поворотами,
оставь же, оставь же меня!

Побитая старыми, дряхлыми ботами,
за борт отступает земля.

И вот уж Маяк,
в слабом высвете бросовом,
пытается сушу продлить...

...В простых разговорах
и в звоне берёзовом

на свете так хочется жить!..

Январь, 2015 год, Берлин

Не по сезону дождь идёт...

Под частой сеткой зимнего дождя
оплавились кусты, исплакались деревья...
Каким-то

неправдоподобно древним
казался вид
с горбатого моста.

А в тех аллеях, где атели розы,
и где шиповник ягодой круглился,
хоть и прошли январские морозы,
морозный дух ещё не испарился.

Всегда, всему
бывает свой черёд.
Но дождь не знает,
и сейчас идёт.

Дверь на песке

И пусто и пустынно. Вдалеке
лишь виден контур одинокой башни.
Сюда, наверное, приходит день вчерашний
И оставляет след свой на песке.

Сюда под вечер прилетают птицы,
неведомой, нездешней красоты.
Здесь исчезают старые мечты,
чтоб в новые уже не возродиться...

Здесь странно и светло – и страннику, и зверю.
Здесь прямо на песке стоят большие двери,
хоть дома их и нет уже давно.

Сюда попасть не каждому дано.

Март, 2015 год, Берлин

Владимир МОНАХОВ

г. Братск, Иркутская обл.

Член редколлегии международного поэтического альманаха «45-я параллель» (Ставрополь, Россия). Автор более 10 книг стихов и прозы. Дипломант всероссийского конкурса русского хайку в 1998 году. В 1999 году награждён Пушкинской медалью Международного Пушкинского общества (Нью-Йорк). Лауреат премии имени Владимира Максимова (за серию лирико-философских эссе, опубликованных в журнале «Юность», 2006). В 2009 году за «Русскую сказку» вручена национальная премия «Серебряное перо».

На пёрышке души

Время думает, что вышел
Человечек на тот свет,
И скребётся в своей нише
Пандемия из побед.
Человечек же вздыхает,
Что его давно тут нет...
Тихо вечность убывает
В циферблате на стене...

Бабочка поэта

Как только рассеялось,
я обнаружил в долине
три длинные тени расстрелянных бабочек.
Юрий Кузнецов

сначала забирают на войну
бабочку поэта,
а вслед за ней призывают
самого стихотворца –
чтобы убить в нём только
важные и главные слова,
а потом всех остальных
становится легко
убивать: чик-чик, чик-чирик –
и готовы!

Время, разжиревшее на крови,
вкушает жадно смерти отраву.
Но лечит вечность любви,
настоянная на травах!

Николаю Михееву

Блудливая выгода бродит за нами,
В душе захватив свою нишу.
«Народы нельзя разлучать со стихами!» —
Вдруг голос поэта я слышу.

В миру торжествует политика хама,
И рифма в разоре стоит.
«Но русских нельзя разлучать со стихами!» —
Уверен бессмертный пиит.

Пропахло вокруг воровством и деньгами,
На взводе держу пистолет.
«Россию нельзя разлучить со стихами!» —
Упорно пророчит поэт.

Мне горло залили молчанием
Земли, что скорбит в тишине,

А вечность застыла в печали
От пуль на расстрельной стене.

Как сахар легкорастворимый
Смерть Бога свела на покой,
Но что-то знакомое в глине
Господь лепит слабой рукой!

Валерию Касищеву

Время жизнь сохраняет до последней черты,
Где мирские заботы сходят на нет.
Но во имя грядущих высот красоты
За душой у России спасётся поэт!

Жизнь наполняю собой.
В звёздное небо гляжу я.
Пока меня видит Бог —
Значит, я существую!

Жёг глаголом на пьяной пирушке,
Сам себе набивая цену,
Хоть и знал — на Руси после Пушкина
Все поэты второстепенны!

Аркадию Кутилову

Подпоили страну и споили народ,
а потом растрезвонили – пьяница!
Эх, Россия, – сплошной недород
и бредущая по миру странница...

– Ну что, поэт, тебе опять не спится,
Зачем сквозь страх на пустоту смотреть? –
Спросил дежурный врач второй больницы,
В который раз смахнув с кровати смерть!

Оле Бабаченко

Сколько будущему отпущено
В притяженье земном кружить!
С рождества Александра Пушкина
Обессмертилась русская жизнь!

Бог плакал и читал стихи по-русски,
томление в груди глаголом заглушив.
Ведь сердца боль – полоска жизни узкая,
спасает всё на пёрышке души.

Татьяна МИХАЙЛОВА

г. Тверь

Переводчик (немецкий язык), журналист, автор 9 книг.

Член жюри международного конкурса «Согласование времён» (Германия, 2012). Дипломант IV межрегионального фестиваля православной песни и поэзии «Серебряная псалтирь» (г. Дубна Московской обл., 2007 г.), шорт-листёр Второго поэтического конкурса им. А. Лосева (США, 2010), призёр конкурса «Посадская лира» (г. Сергиев Посад Московской обл., 2010: «За духовность», 2012 г.: «За яркость и образность поэтического слова»), лауреат международного конкурса «Предлог» (Кострома, 2010: 2-е место, 2013: 3-е место), лауреат фестиваля «Паруса надежды» (2011г., пос. Сонково Тверской обл., 3-е место), шорт-листёр Первого всероссийского конкурса имени Есенина (Москва, 2011: приглашение в Союз писателей и переводчиков России), победитель конкурса «Пастернаковское лето» (г. Сергиев Посад, Московская область, 2014), дипломант XV конкурса «Решетовские встречи» (Пермский край, 2015: диплом III степени), лонг-листёр конкурса «За возрождение Урала» (Челябинск, 2015).

Стихи Татьяны Михайловой переводились на польский язык (переводчик Александр Навроцкий).

«Строка Ваша саднящая чиста...»

Операция «Антитеррор»

Пассажирам междугородного автотранспорта
билеты в кассах «Тверьавтотранс» продаются
только именными, с паспортными данными.
Из новых правил пассажирских автоперевозок

Автовокзал. Здесь тишь да благодать,
И есть кому не дать тебя в обиду.
Но нам в район соседний инвалиду
Приспичило лекарство передать.

(Век двадцать первый: всё не так, как встарь.
Стремительны бензиновые кони.
Но разве чудо-тройку перегонит
Неторопливый нынешний почтарь.)

Водила предвкушает... Хитреца
В лице роднит с известным персонажем
(Что надувал клячонку на продажу)
Хозяина снующего лица.

«Посылок не берём: «Антитеррор».
И, уклоняясь от прямого взгляда
И бормоча про «надо – значит надо»,
Заламывает цену, крохобор.

Но, обобрав тебя или меня,
На первой – за вокзалом – остановке
Без всяких документов, по дешёвке
Троянцев впустит в своего коня.

Накачаные медные тела
Оценит взглядом юная плутовка...
Да, не одна ракетка ли, винтовка
В их сумках поместиться бы могла.

Мужской со мной не согласится хор –
Какой, мол, ум у женской у пехоты.
Так крутит вхолостую обороты
Столь дорогой для нас «Антитеррор».

Наставники

Глушков глушил моё живое слово,
Старательно «скандала» избегая,
И каждый знал, насколько всё не ново,
И видел, что сие и есть скандал.

А рядом бессловесные студенты
Сутулились, мучительно крепились...
Их юности прекрасные моменты
Глуша, наставники вгоняют в грязь.

А мы, *своим* благодаря, из местных
Глушковых не лепили лиц известных –
Мы Лотмана живьём послушать в тесных
Вагонах мчались им благодаря.

Теперь иных уж нет, а те – далече.
Далече иностранный город Тарту
(Там кепки у студентов голубые),
И спит в сырой земле Роман Гельгардт.

Зато за океаном всходит солнце
И восстаёт от сна Фоменко Игорь
Как раз тогда, когда я выбираю,
Что мне на сон грядущий почитать.

Филфак наш нынче – Редькин плюс Светлана
Да Лосева с дипломом инженерки!
И всем им несвятым своим семейством
С Глушковым вкупе Лосевым не стать.

Дмитрию Казарину

Мы с Вами клоны Кафки, дорогой.
Так в комнате, едва погаснет свет,
Чувствительному видится *другой*,
Которого в реальном мире нет.

Мы с Вами клоны Босха, милый друг,
И части наших – бывших шустрых – ног
Во рту своих «друзей» (и части рук)
Мы видим хорошо, как видит Бог.

А Достоевский нам совсем не клон.
За человеческое естество,
Что видел он, от нас ему поклон.
Но жрут же и – ислевшего – его.

Строка Ваша саднящая чиста.
Щадяще обработаны псалмы...
Но разве мы не знаем от Христа
И Оруэлла, что такое Мы?!

Максим ОРЛОВ

г. Братск, Иркутская обл.

Член Союза писателей России. Автор 4 книг стихов.

Лауреат Межрегионального литературного конкурса на соискание премии им. И. Д. Рождественского, 2015 г. (в номинации «Поэзия»).

Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

«О смысле бытия вопрос не прост...»

Самосуд

Душа и я... Мы ладили вначале,
без недомолвок жили и вранья.
Нас обходили многая печали,
и не кружили стаи воронья.

После прямой нас ждали повороты
и перекрестков множилось число.
Души моей ослабли укороты,
меня с прямой на бровку понесло.

Душа послушной падчерицей стала,
а я грубил как отчим: «Не перечь!»
Она была под тяжкой опалой,
а я не слушал праведную речь.

Вот так и жил: не человек, а кремень,
без сантиментов жизнь свою верша.
Но время шло, и вот настало время –
заголосила пленная душа.

Она кричала: «Человек, послушай,
живи, как знаешь, Бог простит тебя,
но неспроста людей терзают души,
людскую совесть вечно теребя.

Ты заблуждаешься, наивно полагая,
что без меня отмерить сможешь срок.
От искуса тебя оберегаю,
не выставляй бездумно за порог».

Я внял мольбам, мы снова, как вначале,
жить стали без лукавства и вранья.
Уже не обходили нас печали,
Немало стай кружило воронья.

Греха и святости, считай, наполовину,
но самосуд я над собой чиню:
за прегрешенья не виню судьбину
и обстоятельства, за всё себя виню.

Озноб

Устав от гнёта городских хвороб,
вхожу с моста в посёлок Постоянный,
и его облик, в целом – деревянный,
ввергает в неожиданный озноб.

Топчу трещиноватый тротуар,
о гачи бьются стебли иван-чая.
Знакомые приметы привечаю
и открываю старый портсигар.

С балясины подмигивает кот –
он служит понятию у лукоморья.
Преодолев посёлочное взгорье,
ищу полузабытый поворот.

Ещё чуть-чуть – и вот он, отчий дом...
Заменена на новую ограда...
А облик незабвенного фасада
такой же, как и в семьдесят шестом.

Транжира времени и юношества мот
не разорвал с двадцатым веком звенья:
реальным показалось наважденье –
к обеду меня матушка зовёт.

Хозяев нет. В дверях другой замок.
С берёзы мне чивикнула синица.
Былого перевёрнута страница,
заученная мною назубок.

Закат

Небесный Лувр свои смарагды звёзд
пришпиливает к синим ламбрекенам,
а Гончих Псов свисающая гроздь
декором служит тёмным мизансценам.

Ещё не ночь, покуда льёт чугун
Ярило из своей суфлёрской будки,
а полумесяц, словно Гамаюн,
вещает, что грядут другие сутки.

Течёт с востока сизый мельхиор,
переполняя неба окоёмы.
Пронзил рапирой дальний метеор
Млечь-путь бездонный, вечностью влекомый.

*** Пипл хавает в соавторстве с вождями.
В. Экспресс

Куда ни плюнь – кругом пассионарии...
Харизма – растуды её в качель!
У каждого – готовые сценарии,
как жизнь улучшить тутошних емель.

Но отчего ж, не трутни и не олухи,
меню не открывая телеблюд,
чего бы не сварили политологи,
всё схавают?

Всеяден русский люд!

А надо бы отдельное питание
кремлёвских рассекреченных диет...
Вокруг себя не вижу пуританина:
опять шмат сала с водкой на обед.

О смысле бытия вопрос не прост,
на этот счёт бытует много мнений...
Я так скажу: живущие – компост
для вслед идущих поколений.

Нет, я не циник, хоть и грубоват
ответ мой на вопросик философский.
Поверьте, граждане, что буду только рад
подкормкой стать для новых Маяковских.

Венки сонетов (впрочем, и я сам)
разложатся на микроэлементы...
Но мной зароненные в строчках словеса
в поэмы сложат новые Поэты.

Виктор ЦЕБЕРЯБОВ

г. Братск, Иркутская обл.

Художник. Член литературного клуба «У В.С.Сербского». Публиковался в местных поэтических сборниках, журналах, а также в альманахе «Скифия» (С-Пб.). Автор книги стихов «Точка невозврата» (в соавторстве с М. Орловым и П. Грызловым, г. Братск, 2010 г.).

«Ну а сегодня примем всё как есть...»

22 июня 1941 г.

Блюла природа установленные сроки,
закончив майскую торжественность июнем;
цветы шептали ароматами: «Притроньтесь –
и ваши души до ответа будут юны.

А ваши помыслы чисты и быстрокрылы,
началом лета устремлённые в полёты
за окончания-горизонты, что открылись
мечтой манящей, хоть несбыточно далёкой».

Но отлучён от идеалов человеке –
ему бы царствовать над ближним и над тучей;
лишь для него во тьме сияет раем вечность,
чужая боль чем позанозистей, тем лучше.

И убоявшись, что до времени остынет,
устроив ранний Апокалипсис уснувшим –
швыряла бомбы уязвлённая гордыня,
и падал в бездну мир, от ужаса качнувшись...

Свист

И я бы спал, когда уснули,
избиты сутолокой дня,
солдаты, выдохнув: «Да ну их! –
все эти слухи, что менять

друг друга трижды обернулись,
как мух гадливая возня.
Нам бы девчоночку одну лишь
во сне увидеть да обнять!».

И тишина, с лихвой вернув им
святой покой и Богу вняв,
плыла по берегу, по дну ли,
по кольцам дремлющего пня.

Лишь Буг – его не обманули –
он слышал свист, тревоге вняв,
из той войны летящей пули
и долетевшей до меня...

Вклинился день этот серый
в вешние дни маевой.
Верить тебе иль не верить –
всё прояснится потом.
Тех обещаний отравы
в сердце надеждой легла.
Правы мы были, неправы –
правда больней, чем игла.
Нам уж и небо с овчинку,
где-то лампада, что день...
Вытри досады слезинки,
вытри и туфли надень.
Выйдем – пусть тучи увидят
глаз твоих грустных укор
и, расступившись в обиде,
солнцу расчищают простор.

В мир опрокинется нежность,
может быть, выдержим мы,
что салютует подснежник
корчам проказы-зимы.

Бушующий пар

Накрыт тревогой шум вокзала,
пар, обезумевший в котлах,
готов давить куда попало,
весь свет собою застилать –

чтоб проскочить мимо июня,
мимо закатного числа,
когда восход оркестром струнным
готов был грянуть, ниспослав

всю благодать такого лета!
(ему оценщик лишь зима)...
Что? Где? Когда? – всё без ответа,
лишь свисту бомб вокзал внимал.

Земля Санникова

Несёт живущих вдаль намётом
над ожиданием Земли.
И многие уже вдали,
а если рядом, то лишь кто-то

из тех, что как-то, да смогли
принять прижизненное «просто»,
построив убеждений мостик,
как птицы свой извечный клин.

И так же, как в слепом полёте
своих исканий журавли –
так людям кто-то посулил,

что будет край – как назовёте –
его хранит нам добрый кто-то
зачем-то с неземной заботой...

Залог

Сей день – залог. За будущий просвет.
За то, что там всё может быть иначе...
И свет улыбки на лице не спрячет
пусть и мороз, коль станет всех правей.

И что мороз, когда душа в пожаре,
когда намёки вышли в результат;
и что взошла в конце концов не та,
а поросль нужная – её мы и сажали.

Тогда за всё ненужными словами
будет возможность просто отвечать
так, будто скоро догорит свеча,
и солнце снова примется дневалить.

Ну а сегодня примем всё как есть –
обиды злые камнем сердце давят...
Лишь приоткроем в нём те щели степен,
куда проникнет радостная весть.

Елена ПОПОВА

г. Усть-Кут, Иркутская обл.

Методист Детско-юношеского центра.

Автор 3 книг стихов: «Падает небо», «Серебряный дождь» (Ангарск, 2014) и «Через скорби благодать» (Ангарск, 2015).

Член творческого совета журнала «Северо-Муйские огни».

«Потрёпанная в клеточку тетрадь...»

В тёплом вешнем воздухе колдуя,
Месяц позолотой заиграл.
В эту сказку сине-голубую
Я пришла как Золушка на бал.

И, преобразившись вместе с миром,
С ним жила, дышала – в унисон.
И в краю, приветливом и милом,
Я стряхнула долгий зимний сон.

Белая берёзка мне кивала,
Разливалась всюду синева.
Глазки удивлённо открывала,
Щурилась спросонья сон-трава.

Кустики темнели в клейких почках,
Смолка застывала, как янтарь.
И сиял на туфельках, носочках
Воздуха искрящийся хрусталь...

Звёзды падали в бездну колодца –
Им прохладой весь мир напоить.
Небу – надвое вдруг расколотья
И чернила на землю пролить.

Накреньялась Вселенская чаша,
Синь стекала с бескрайних широт.
Уходила межзвёздная трасса
Прямо в пенистый водоворот.

Темень – вязкая, слишком густая,
Как наряд из тяжёлой парчи.
И блестели огни, в небе тая,
И терялись в воронке ночи.

Мир застывший был полон загадок,
И горела луна, как свеча.
И шуршание слышалось складок –
Спящих улиц касалась парча...

Как безмятежна эта рань!..
Над вылезшею травкою
С небес слегка свисает ткань,
Подколота булавками.

Раскрой фасона очень прост,
Без вырезов и вытачек.
Немного груб на ошупь холст –
Булавочки не вытащить.

Они пронзают полотно
Концами заострёнными...

По центру – светлое пятно,
Луною освещённое.

В булавках звёздами горят
Каменья самоцветные...
Заря небесный шьёт наряд,
Строчит тесьму рассветную.

Ветер тронул лист осоки,
Дунул в дудку, как пастух...
Вышел месяц белобокий –
Свет зари вдали потух.

Ну и звёзд скосили летом
И поставили стога!
Месяц с неба ясным светом
Освещал внизу луга.

Припадал к ручью в овражке...
Ночь струилась, как река.
В чёрной выси, как барашки,
Разбредались облака.

Посмотреть бы эту небыль,
Только это высоко...
И стекает с края неба
Звёздной ночи молоко.

Потрёпанная в клеточку тетрадь –
Моя подружка в дни невзгод нередких.
Я вновь пишу... О чём же мне писать
И красить в синий цвет пустые клетки?

Что снова день ненастный, как всегда,
Проходит в завыванье ветра грустном.
С тоской смотрю в прошедшие года,
Оставив часть души в давно минувшем...

И странен век, коль всё смешалось в нём,
А в мире нет порядка – только хаос.
И мы святое всё перевернём –
Уже недолго ждать того осталось.

Мой взгляд давно направлен в глубь времён,
Но нет в своём Отечестве пророка.
Не сыщешь здесь безгрешных днём с огнём,
Но в данном теле жить нам всем – до срока.

Песчинками в масштабе высоты,
В сравнении с далёким и глобальным...
Тетрадь моя... Её откроешь ты,
Себя сопоставляя с чем-то давним.

Евгения РОМАНОВА

г. Санкт-Петербург

Кандидат филологических наук, член Санкт-Петербургского городского отделения Союза писателей России. Член Международного союза творческих сил «Озарение» (Россия). Член творческого совета литературно-художественного журнала «Метаморфозы» (Беларусь). Заведующий отделом прозы журнала «Северо-Муйские огни», региональный представитель журнала «Мир животных» (Беларусь).

Стихи детям

Вот так змея

– Мама, мама! Там змея, –
говорит Аринка. –
Притаилась и шипит
в грядках на тропинке!

Серебрится чешуя,
бликами играет...
Я боюсь идти туда,
там змея большая!

Мама выслушала дочь,
развела руками:
– Что у нас там завелась
за змея такая?

Рассмеялась, посмотрев:
– Всё у нас в порядке!
Это просто шланг шипит,
Поливая грядки.

Спать пора

На часах двенадцать ночи,
Но Аринка спать не хочет:
Глазки трет и тихо плачет,
Что же эти слезы значат?
Целый день она играла,
К вечеру совсем устала,
Но не хочет лечь в кровать,
Хочет с куклами играть!

Ляг, Аринка, отдохни!
Глазки ручками не три!
Спать хотят мартышки,
Твой любимый мишка,
Кукла тоже хочет спать,
И тебе пора в кровать!

Сердитый ёж

Под большим кустом ракиты
Встретился мне ёж сердитый.

Он фырчит и злится очень,
И со мной дружить не хочет!

В шар свернулся, колет руки,
Что же делать с этим злюкой?

Чтоб с ежом сердитым сладить,
Я взялась упряма гладить –

Пусть иголки пальцы колют,
Дружба этой жертвы стоит!

Фырканье внезапно смолкло,
Опустил мой ёж иголки...

Шар колючий развернулся,
В руку носом мне уткнулся,

Мы с ежом с тех пор друзья,
Встретились мы с ним не зря!

Джинны

На Востоке много джинов,
Джинов жизнь непостижима –
Всем известно: каждый джинн
Может спрятаться в кувшин!

За пределам кувшинов
Очень рост большой у джинов.
Джинн, покинувший кувшин,
Вырастает в сто аршин!

Добрые и злые джинны
В жизни плохо различимы:
Может даже добрый джинн
Расшуметься без причин!

Все магические джинны
Часто крайне раздражимы.
Чем могущественней джинн,
Тем он больше раздражим!

Отпустив на волю джинна,
Будьте вежливы и чинны.
Осторожней надо джинов
Выпускать из их кувшинов!

Летняя гроза

Шумит листва перед грозой,
Шуршит и вьётся пыль,
И на просторах полевых
Качается ковыль...
Ударил первый робкий гром,
Сверкнули небеса,
И тёплый дождь коснулся трав
И жёлтого песка...
Он гладит нежную листву –
Луга, поля, сады
Полны чарующей красой
Сияющей росы...
Вот солнце выглянуло вновь,
Светлеют небеса,
И тихо шепчет дождь грибной:
Закончилась гроза!

Валерий РУМЯНЦЕВ

г. Сочи, Краснодарский край

Зорькин Борис Иванович (литературный псевдоним Валерий Румянцев) родился в 1951 году в Оренбургской области в семье судьи. Среднюю школу окончил с золотой медалью. Окончил филологический факультет Воронежского государственного педагогического института, работал учителем, завучем в одной из школ Чечено-Ингушской АССР. После окончания Высших курсов КГБ СССР на протяжении тридцати лет служил в органах госбезопасности. Полковник в отставке. Автор 10 книг стихов и прозы. В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

«Кинжал Поэзии»

На совесть сделан самолёт.
И лётчик-ас на службу принят.
Но отменяется полёт:
Растут на лётном поле дыни.
Хороший урожай грядёт,
Вот соберём его – и в небо.
И так уже не первый год,
А самолёт в полёте не был.

Мы живём в стремительное время.
Мы стремимся есть и спать досыта.
Мы несёмся вскачь, но рвётся стремя,
И летим в разбитое корыто.
Кляч истории загнав немало,
Льём над ними каиновы слёзы
И несёмся вновь куда попало,
Раструбя вокруг о новых грёзах.
Мы живём в стремительное время
И растим стремительное племя.
Но оно растёт чертополохом, –
Что нам остаётся, кроме вздохов,
Кроме слов, что такова эпоха,
И надежд, что всё не так уж плохо.
И плывут озоновые дыры,
И текут асфальтовые реки,
И шагают по дорогам мира,
Сбившись в толпы, недочеловеки.
Хоть об этом пишется в романах
И жуётся в телепередачах,
Новые разряды наркоманов
Создают всё новые задачи.
Что творится в этом мире сером,
До конца понять никто не может.
И ведь, вроде, каждый занят делом,
Только эта занятость тревожит.
Может, было б лучше бить баклуши,
Но все лезут покорять природу,
Вешают лапшу друзьям на уши
Об ужасных происках погоды.
Нет, не спиды миру угрожают,
Даже не земной коры разрывы –
Дефицит ума в мозгах рождает
К самоистреблению порывы.
И текут, куда не надо, реки;
Ну а там, где надо, исчезают.
И, теряя связь с землёй навеки,
Мчатся люди, а куда – не знают.

Я не знаю, не знал и ранее,
Есть ли польза от разных дум.
Знаю: главное достояние –

Наш недюжинный задний ум.
Задубевший, в боях проверенный,
Он всегда нам укажет путь.
Только жаль, что он сивым мерином
Нас, чуть что, норовит лягнуть.

Коль сойдёт с ума человек,
Отберут у него игрушки,
И пошлют доживать свой век
Под присмотром врачей в психушке.
Коль погода с ума сойдёт,
Мы снесём, хоть и трудно, это.
Пусть в июле пурга метёт,
А февраль станет жарким летом.
Поворчат и привыкнут люди,
Что с погодой кутерьма,
Но стократ тяжелее будет,
Если время сойдёт с ума.
И заплещут, как волны, горы,
И взлетят вверх кресты могил,
И родится в досужих спорах
Вместо истины лже-дебил.
И во власть пойдут толпы пьяных,
Высший орден введут «За грехи».
И все будут смотреть рекламу
И не станут читать стихи.

Кинжал

Казалось, никогда не засверкать
Ему в тумане пошлости, и всё же
Звездой в ночи сверкает он опять,
Как прежде, души чуткие тревожа.
Кинжал Поэзии! Тебя в столовый нож
Пытались превратить лукавые чинуши,
Чтоб паутиной оплетала ложь
Неспешно человеческие души;
Чтоб стадо человечества погнать
Назад в забитое ранневековье;
Чтобы могло безбедно жировать
И далее чиновное сословье.
Но не прельстить столовым серебром
Дух вольности и непокорной чести.
Кинжал Поэзии, украденный шутом,
Способен поразить того на месте.
Во все века, когда был близок крах,
И тьма уже победу предвкушала,
И люди привыкали жить впотьмах,
Тьму рассекал внезапно блеск кинжала.
И прозревали жалкие слепцы,
И разгоралась в душах тяга к свету.
И человечество поэзии жрецы
В который раз вели спасать планету.

Ми́ла МАШНОВА

г. Харьков, Украина

Юрист, член литературного клуба «АВАЛ» (заместитель руководителя), член международного женского клуба духовного общения «Лада», организационного комитета Международного ежегодного фестиваля поэзии «АВАЛГАРД» (2014г.)

Серебряный призёр интернет-конкурса «Город» (ноябрь 2013г.). Победитель конкурса «Осенний марафон» (2014), поэтического конкурса «Ода любви» (2015г.). Золотой призёр международного ежегодного литературного конкурса духовно-философской, гражданской поэзии и прозы «Человек. Судьба. Эпоха». (2015г.). Автор сборника стихотворений: «НеОна» (Харьков, 2013г.). В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

«Я хочу, чтоб закончился... ябрь...»

Харьков-Москва

Харьков тире Москва.
Пыль городов и серость.
Я без тебя – мертва,
просто живей, чем хотелось,
выгляжу.
Завтра зима.
Встречу её в экране
окон своих.
Взывать
выйду печаль.
А в кармане
пальцы искать начнут
прошлого.
Как нелепо!
Но бесполезен труд –
лишь мелочь звенит монетой.
В мудрость играть нет сил.
Я до единого помню,
кто от меня уходил,
но сердце не вырвал с корнем.
Скоро придёт рассвет...
«Красной» шаблон порвём?
Харьков-Москва – билет
куплен сегодня днём.

Всё, что осталось

Мои рифмы летят камнями,
Ударяясь о твой забор
Безразличия. Под ногтями
У меня не земля – позор.

У отчаянья громкий голос,
Я давно посадила свой...
Но характера мотыльковость
Оставляет лишь след золой

На паркете души. Пытаю
Ветром кожу. Так режет жгут.
Эта жизнь у меня – шестая.
Оборвётся на ней маршрут,

Не дойдя до конечной цели
Предначертанного числа.
Кто молчанье моё разделит?
Уж не ты ли, кем я жила?

Покрывалом упало небо,
Утонула Луна в вине.

Не писать от меня не требуй –
Это всё, что осталось мне.

Троя

Расплела свои мнимые косы,
Заглядевшись на нимб горизонта.
Вечер тлел, догорал папиросой,
Словно грешник у врат Ахеронта.

Солнце пряталось плавно в ладонях
Незнакомки загадочной – Ночи,
Восседающей гордо на троне,
Разрывающей сумерки в клочья.

М(не она) протянула подарок –
(Он для ночи был просто бесценный)
Догорающий уголь, огарок,
Что остался от солнца вселенной.

Растерев между пальцами пепел,
Я в горсти обнаружила звёзды,
Их слизал языком тихий ветер,
Свив на небе созвездия-гнёзда.

Был закат коронован Луною,
Август ей аплодировал стоя...
Этот вечер был ярок собою,
Как Гомером сожжённая Троя...

Ябрь

Когда солнце глаза свои щурит,
Сквозь задёрнутых штор полотно,
Когда небо вальяжное – курит,
Пробираясь туманом в окно,

Когда утро сонливо срывалось
С крючка месяца жёлтого вниз,
Я рукою смахнула усталость,
Сентября обнаружив эскиз.

Я шепчу: убери свои пряди.
Твои листья кружат в кутерьме.
Миновать твоих братьев, не глядя
Им в лицо, не получится мне.

Я хочу, чтоб закончился... ябрь,
И неважно – который из вас!
Пусть звучит лучше августа шлягер
Из душистой малины и астр.

Сергей ШИЛКИН

г. Салават, Республика Башкортостан

Шишкин Сергей Васильевич родился 29 марта 1954 года в городе Салават. Окончил Ленинградский технологический институт имени Ленсовета. Публиковался во множественных журналах и альманахах. Дипломант II международного конкурса переводов тюркоязычной поэзии «Ак Торна», обладатель специальной награды – «Диплома министерства культуры Казахстана» за перевод казахских поэтов, финалист VI Республиканского конкурса поэтического перевода 2014 (г. Уфа), лауреат премии литературного журнала «Сура» в номинации «Поэзия» за 2013, победитель конкурса «Лучшее стихотворение 2012 года», проводимого еженедельником «Истоки». В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

«...не без надежд восстать...»

Скит

Скошен луг, и уложено сено в скирду.
Прорывается зеленью озимь.
Здесь когда-то давно жил в дремучем скиту
В одиночестве праведник Зосим.

Он ушёл в эту глушь от людской толкотни,
От соблазнов и злых искушений.
И вплетались в канву бесконечности дни
Испытаний, трудов и лишений.

Но однажды, когда спал туман на реке –
Был тот день по-осеннему скверен, –
Сильный враг издали приехал налегке.
Он в победе своей был уверен.

И монах, не смыкая опухших очей –
Хоть считал, что пред Господом срамен, –
Бесконечную тысячу дней и ночей
Простоял, взгромоздившись на камень.

Он, как певчий, молитвенный чин не басил,
А стоял на холодном граните
И тихонько шептал: «Дайте Крест выше сил...
Только Русь от врагов сохраните!»

И услышан он был – одинокий старик.
Враг сбежал, бросив остовы ржавых квадриг.
Лет прошло от того семью-на-семь...
Наше время коварных и подлых интриг
Снова Русь опрокинуло наземь.

А сегодня мы здесь и с собой не в ладу,
Ноет дух и заплаканы лица.
На себя неуверенно крест я кладу,
Неумело пытаюсь молиться.

Возле камня, который укрыли впопай
Среди веток колючих кизилы,
Умолю Тебя: «Иисусе, подай
Благодатной молитвенной силы».

Хоть я юн и беспечен, и даже безус,
Чередую Твоих воздаяний –
Умоляю Тебя, Всемогущий Исус –
Дай мне силы для долгих стояний.

Дай мне сил по высокой небесной шкале
Для души сокровенных молений –
Чтобы смог я стоять на гранитной скале,
До костей раздирая колени.

Я не буду просить, как пройдоха и льстец,
У Тебя привилегий капризно.
Моё сердце с Тобою навеки, Отец,
И сегодня, и завтра, и присно.

Мне не нужны опоры – такой я чудак –
Под ногами твердынь пьедестала.
Я прошу Тебя только – ну сделай же так,
Чтобы Родина на ноги встала.

Заповедник

Застыл на веки вечные нирванно,
Внимая тишине, гранитный пест.
Сползают по шиханам тучи рвано,
Напоминая вымокший асбест.

Горят холмы – подобье древних скиний –
В лучах зари, как ангел-шестокрыл.
Осенним утром робко первый иней
Хрустальной крошкой всё вокруг покрыл.

Студёный ключ смывает прах в овраги.
Паук кусты укутал в свой виссон.
Сороки, облачённые во фраки,
Сидят на ветках, погружаясь в сон
Безудержным верхушек крон качаньем.

В тени дерев мышкует горностаи.
Безмолвье прерывается ячаньем
Летящих вслед за летом птичьих стай.

Клекочет первогодок-ястребёнок –
Просторов неба будущий колосс.
В зелёных иглах пихтовых гребёнок
Застрял туман, как пук седых волос.

Поганый гриб, страшась увидеть лося,
Присел в кустах – иначе шляпка с плеч.
Ползучий гад, в сухой листве елозя,
Спешит скорее на зиму залечь

В сырой земле, во мраке тьмы сурьмяной,
Зарыв себя в своей норе не без
Надежд восстать, когда весной духмяной
Взойдёт светило шанежкой румяной,
Сверкнув на гжели девственных небес.

Александр СУХИХ

г. Юбилейный, Московская обл.

Член Союза писателей России с 2006 г. В этом же году в «Московском Парнасе» вышла книга лирики «От души до ума». А также стихи публиковались в многочисленных поэтических сборниках и литературных журналах.

Из разных тетрадей

Силуэт

Попытка автопортрета

Я только приёмник –
не строю иллюзий.

Я только листочек –
пластинка для света.

Я вольный паломник
природных аллюзий.

Невольный росточек
короткого лета...

Из раскрытого окна

Середина лета –
желтизна в листе:
жизнекратность цвета
всё понятней мне.

Смигиваю миги –
блажь для единиц:
луч дробится в блики,
вьётся меж ресниц.

Ветер разнокрылый
выправит контраст...

Мимолётность силы.
Мимолётность глаз...

В августе

В нашем уставшем саду
тени от мельбы утрами
ту же имеют длину,
что и ранет вечерами.

Изредка – яблока стук.
Будто растянута время.
Шляпу заброшу на сук.
Ветер крылатое семя
кружит, возьмется росток
и разразится побегом.

Пусть это будет цветок
всем неизвестный и белый...

Осенняя бескрайняя...

В берёзовой аллее полудикой,
где летнее тепло себя хранит,
утрами старичок коляску в бликах
ведёт через лучи, на солнца вид...

Там веток колыханье малосильно,
а воздуха растительная снесь

так сгущена, что отликает синью:
не верите? – придите посмотреть!..

...Проснусь. Квартирка мамы. Отпуск длинен.
В распахнутом окне один сюжет:
Младенец на руках. Единство линий.
И купольный над ними вьётся Свет!

Кровиночка – в пелёнках белоснежных...

В наивной отрешённости Творца –
седой старик, распахнутый безбрежно!..
Жаль, он не видит своего лица:
в нём – чудо человеческого Начала,
в нём – райское блаженство Бытия!
Он что-то говорит, поёт, качает...

И, кажется, в пелёнках, – это я...

В собачьей шкуре

Забелило инеем траву.
Зов осенних псов, их гон-грызня
дополняет ночи тишину
и накат смиренного дня.

Победит недремлющий кобель –
и не сильный, может, и хромым.
И нутра зовущая капель
утолит низменной волной.

Будет день по-летнему живуч,
и увидит пёс людские сны,
и стряхнёт их, в луже выпьет луч,
восхвалив, – что мир его уныл.

В поклон к сердцу

К 50-ти годам сердце человека проделывает работу,
эквивалентную подъёму груза весом в 18 тонн
на высоту 227 км. / Результаты исследований /

Засыпаю на правом боку,
чтоб уменьшить нагрузку наивно.
В ритм покоя я сердце влеку –
это будет смиренно длинно.

Ведь привычка улавливать сны –
лишь на левом боку мне знакома.
Что там сон?.. Сколько в нас кривизны,
беспощадно бездумного гона!? –
чтоб ОНА удивилась слегка,
чтоб ОНИ засмеялись похвально...

Слышит пульс переменный рука,
и почти на поверхности – тайна...

Благодарность для сердца – не цель,
сквозь него отправляю Молитву.
Вот – замедлилось... или – капель?..
Я глаза незакрытые вытру...

Александр КОНОПЛЯ

п.г.т. Буды, Харьковская обл., Украина

Член Межрегионального союза писателей и Конгресса литераторов Украины. Член Международного клуба православных литераторов «Омилия». Автор 5 книг стихов. В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

Мы с Россией – единая Русь

Как нельзя разделить Пресвятую Троицу,
так нельзя разделить Россию, Украину
и Белоруссию – это вместе Святая Русь.

*Святой Преподобный Старец
Лаврентий Черниговский*

Постарел синеокий мой Киев.
Постарела уставшая Русь.
Знать, настали денёчки лихие
И явилась нежданная грусть.

Слёзно молят Печерские старцы,
Чтоб Господь ниспослал нам ума.
Снег кровавый на площади стоял,
Напиталась багрянцем зима.

Украина, мой край необъятный,
Работящий и добрый народ,
Ведь ползёт к нам гадюкою НАТО –
В наши души и в наш огород!

Не сужу суету и майданы
И учить никого не берусь.
Мне чужие заморские страны,
Мы с Россией – *единая* Русь!

Разрывают мою Украину,
Христианский, великий народ.
Укрывает нетающий иней
Полосу окаянных невзгод.

Мне родные до каждого вздоха
Мудрый Харьков и сказочный Львов.
Слышу сердцем, как Родине плохо
От незримых, кровавых оков.

Помолюсь я Небесной Царице.
Белоснежным умоюсь снежком...
Утонула в Майдане столица,
И беда постучалась в наш дом!

Утро

Зачем-то голубь мне воркует за окном.
И шум троллейбусный, взорвавшись, гаснет.
Окутан город посеревершим, чутким сном.
И сорок дней минуло после Пасхи.

Блуждают вяло мысли в комнате чужой.
Вновь нет любви в душе моей уставшей.
И бесконечною небесною тропой
Бежит мой взгляд сквозь птичьи стаи.

Война. И стонет православный мой народ.
Ликует нечисть, разжигая страсти.

Лишь голубь мне воркует, что пора придёт,
Когда мы сможем победить напасти.

Слышны раскаты жабьих песен,
В закатной краске мало звёзд,
И тёплый вечер стал мне тесен,
Как будто счастье кто увёз.

Знать, подменили Украину,
Не узнаю родной народ:
Как будто души кто-то вынул,
Вложив в сердца вселенский лёд.

И мы живём в плену у страха,
В болоте чуждых нам идей,
И сатана готовит плаху
Под бредни чёрных главарей.

Что-то шепчут мне деревья,
Водят травы хоровод,
Дуб задумчивый и древний
На пустой глядит завод.

Я молитву прочитаю –
Мира, Господи, прошу.
В небе облако растает –
Вслед ему рукой машу.

Воскресенье. Утро. Лето.
Неспокойно на душе.
И тревожит мысль поэта,
Что стоим мы на меже.

Раскололи страну, раскололи!
Одурманили злой болтовнёй!
Выйду утром я в светлое поле,
Чтоб угнаться за светлой строкой.

Только где ж ему, свету-то, взяться?!
Топчут власти родной мой народ.
Разучился я, лес, улыбаться,
Грустно глядя в седой небосвод.

Пусть поют те, кто жаждал Майдана!
Подпеваает им дьявола рать,
Что летит к нам из-за океана
Православный народ убивать!

Только гляну я в светлые очи
Украины несчастной моей
И пойду по заснеженным кочкам
Постаревших от боли полей!

Андрей ЛИННИК

г. Харьков, Украина

Выпускник Богословско-педагогических курсов. Член Межрегионального союза писателей, Союза русских писателей Восточного Крыма, Конгресса литераторов Украины. В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

Харьков. «Окаянные дни»

Неотвратимость

Народец наш Иудам верит
И власть вручает палачам.
И приближает царство Зверя,
Забыв слова: «И Аз воздам...».

6 марта 2012

6 июня 2013

Памятник Пушкину в Харькове.
Площадь Поэзии. Сквер.
Лета начало нежаркое.
Быстро шагаю – курьер.

Сумки в руках – с бандеролями
(Крест свой смиренно неси).
Город мой – малая Родина,
Малый осколок Руси.

Нынче Отчизна раздроблена.
В сердце – надрывная грусть.
Харьков мой – малая Родина,
Разве ты больше не Русь?

Разве не нужен нам Пушкина
Великорусский язык?
В играх Иуд быть игрушками
Разве народ мой привык?

Что ж так безрадостно, Боже мой?!.
Вдруг горьких мыслей покров
Сброшен: гляжу – у подножия
Много букетов цветов.

Розы, тюльпаны и лилии
У постамента лежат.
Значит, тебя не забыли мы,
Пушкин, наш солнечный брат.

Помним мы, хоть и немного нас,
Месяц июнь, день шестой.
Я поклонюсь. Тихий к Богу глас
Свой вознесу: «Упокой

Душу мятежную русскую
В грешной её чистоте».
Входят воротами узкими
В Царство Небесное те,

Кто перед смертью покаялся.
Верю я: Пушкин – спасён!
...Нужно идти. И, прощаясь, я
Молвил: «Молись обо всём...»

Там, в сонме Божьих угодников,
Вспомни в молитвах и нас.
Русь – Триединная Родина,
Чтоб в единении спаслась!»

Лета начало нежаркое.
Дальше спешу через сквер:
Что ж! Не поэт нужен Харькову –
Более нужен курьер.

6 июня, июль 2013

Ты борись, не сдавайся, мой Харьков,
Мой родной, поднимайся с колен!
В юной зелени старые парки,
Но беда вновь на нашей земле.

Разлучают нас с братской Россией,
Тащат в НАТО и в Евросоюз...
О себе, грешный, раньше просил я,
А теперь – за свой город молюсь.

Харьков, ты ли это?

Харьковщина, что же происходит?
Город мой, тебя не узнаю:
Правят бал моральные уроды,
Топчут наци Родину мою!

Сеют в душах ярость, спесь и злобу,
Учат ненавидеть Русский мир.
Юных в радикалы тащат, чтобы
Те переставали быть людьми.

Жёлто-голубая истерия,
Шовинизм – духовная болезнь.
Разжигают ненависть к России.
Харьков мой, да ты ли это есть?!

18 сентября 2014

Вновь пришли «окаянные дни»

Сонет

Не стремился я сделать карьеру,
Чужд мне с детства помпезности шум.
Вот работаю нынче курьером –
На горбу бандероли ношу.

Был рождён я в советскую эру.
Да, «цепляли на уши лапшу»...
А теперь весь «в лапше», словно шут.
В море лжи не утратить бы веру!

Бунин прав – «окаянные дни».
И сейчас вновь настали они!
Порожденья ехидны во власти.

Кто отец всякой лжи – знаю я.
Не сломаться бы лишь, устоять...
И Господь отведёт все напасти.

Февраль-март 2015

Константин БЫЛИНИН

г. Челябинск

Член областного литературного клуба «Светунец» им. Вячеслава Богданова при Союзе Писателей России. Член комитета литературных объединений Челябинской области «Литера Артель». Лауреат 2-й степени 13-х «Каслинских литературных чтений» (2014). Дипломант 8-го областного литературного конкурса «Прекрасен наш союз» (номинация «Поэзия молодых авторов», 2012). Дипломант 2-й степени Всероссийского литературного конкурса «Моя Родина» (номинация поэзия, 2014). Автор книги стихов «Нарисованный город без лиц», 2013 г. В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

Апрель 2015 года

За городом уральская природа
рассматривает в зеркале воды
своё лицо с румянцем небосвода
и пожелтые, ветвистые черты.

Как белый дым, меня уносит ветер
к берёзовым, зелёным берегам,
где звери забавляются, как дети,
где небо прижимается к губам,

где речь земли мне переводят травы
на тихий шелест неизвестных слов,
и только берег левый, а не правый, –
склоняет к речке головы кустов.

Беспризорник

По Кировке шагает беспризорник,
и шаркает душою в небеса,
но этого не видит даже дворник
летающий, как пёстрая оса.

Вот мальчик залезает на перила,
и поднимает мёртвые глаза
на крошки облаков. Слеза застыла
в созвездии весеннего Тельца.

Голодный выдох в сытое пространство
выходит из него, как из трубы.
Ложится ночь на городское царство,
оставив в небе корочку луны.

Время

Так время рассыпается дождём
иль опускается на землю снегопадом,
когда его, как правило, не ждём,
привыкшие к тому, что ходят рядом

настенные, наручные часы,
где жизни переплавлены в минуты,
и на секундах капельки росы
сливаются в загробные маршруты.

Так незаметно рвутся небеса
и часть земли проносится над гробом,
когда не закрываются глаза,
уже засвеченные космосом и Богом!

О сколько жизни в каждом слове
таится в русском языке!
О сколько в нём любви и боли
соединяется в строке!

О сколько смысла в птичьих нотах
пытались люди отыскать,
расшифровать их речь в высотах,
и никогда не умирать!

Подумай

Навряд ли любимая будет всегда,
как звезда, освещать космонавта,
что чернильная в озере будет вода
в рассвете купаться завтра.

Не думай, что будет сосновый лес
вечно завернут в тетрадки.
Не думай, что молнии красный порез,
разрежет небесные складки.

Подумай о том, что и мы не одни
простужены ветром вселенной,
и маленьких звёзд ледяные огни
не вечны под облачной пеной.

Так хочется оставить пыльный город
и прорасти травую у ручья,
и застегнуть земли воздушный ворот,
в котором растворяется заря.

И никогда не обмануться ветром
не разделённой на двоих любви.
Остаться непрочитанным поэтом,
прильнув к сердцебиению Земли.

О любви к...

Полюби эту стройную тишь
приголубленных ветром берёз
и, быть может, душою вскипишь,
принимая природу всерьёз.

Полюби узелки облаков
и развязанный дождь на полях,
и хрустальную жизнь родников
или краешек солнца в ветвях.

Полюби чёрный стан у земли,
перетянутый свежей травой.
Горизонт красной нитью вдали,
опоясал берёзовый строй.

Полюби эту звёздную дрожь
над хрущёвками серых домов
и, быть может, ещё доплывёшь
до небесных, крутых берегов.

ПОЭТИЧЕСКАЯ КОЛОНИКА

Михаил ФИСЕНКО

г. Уссурийск, Приморский край
Председатель Дальневосточного отделения Союза писателей XXI века.

Проболевшие войной,
Пахнувшие дымом,
Прорастаем тишиной
В милый край родимый,
Где растёт чертополох
И мужчины в «хаки»
Гонят коз на водопой
Через буераки...
Где живёт ещё война,
Пока жива память,
И крапивы времена
Очень больно ранят...

У буржуйки – ржавой, замызганной,
Со свечой, сквозь годов пелену
Разглядеть мы пытались изданный,
Новый мир, приходящий в страну...
И коптил нам свечи огарочек,
Звёзды мчались, клонясь ко дню.
Пять моих полусонных товарищей
Прижимались во тьме к огню...
Часто дверь открывали на улицу,
Я глядел через щёлочки век
И пытался, от дыма сощурившись,
Разглядеть двадцать первый век...

В этой роще берёзовой
По весне не поют соловьи.
И весенними грозами
Пахнут листья твои.
Налетая и радуясь,
Здесь ночами грохочут
Ветра.
И тихонечко, крадучись,
Я сюда приходил до утра.
Я сюда приходил
И лицо узнавал твоё, Русь,
И глазами весенними
Пил твою неизбывную грусть.
И на тихой поляночке,
Где вовсю распахнулись
Твои зелены,
Моя Русь, моя родина,
Открывалась весной для меня.

Иван ПОПОВ

г. Северобайкальск, Бурятия
Член творческого совета журнала «Северо-Муйские огни».

Щекочет душу разнотравье,
Деревья свежестью полны,
И лета нежного признание
Подарит нам воспоминанье,
Где мы в любовь вовлечены.
Рассвет украсит позолотой,
Всё одиночество Земли,
Природа-Мать своей работой,
Окружит светлую заботой,
Всё существо нашей любви...

Немного с грустью посмотрю в твой сад,
Моя родная Матушка-Природа,
С тобою жить в гармонии я рад,
Ты моя нежность, моё счастье и свобода.

Твои луга изяществом полны,
Просторы бесконечны и глубоки,
В тебя мы всей душой влюблены,
В тебе все наши светлые истоки...

О любви говорят очень много,
Кто-то ищет её в небесах,
Отзываются нежно и строго,
Признаются порою в слезах.

Она дарится, ей доверяют,
В ней свобода для сердца дана –
Никогда её не проверяют,
Но для каждого – суждена.

Порой бывает тяжело
И вера иссякает,
Но всё же всем ветрам назло
Любовь не затихает.

Она растёт цветами в нас
И учит тихо плакать.
Увидеть милость, и не раз
Дождём на землю капать.

И, подымаясь в вышину,
Подать руки запястье.
На лик Святой душой взглянуть,
Прочесть в глазах о счастье.

29.08.11.

Екатерина КАРГОПОЛЬЦЕВА

г. Кострома

Филолог. Член литературного объединения «Голос». Работает методистом в Костромском областном центре дополнительного образования детей «Одарённые школьники».

Автор книги стихов «Бессонница» (2011).

В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

Муза

Вчера ко мне пришла Она
И по-девичьему картинно
Уселась в кресло у окна
С какой-то книгою старинной.

И мне, поверившей едва
Своим глазам, Она устало
Весь вечер фразы и слова
Из этой книги диктовала.

По строчкам выцветших страниц
Манерно пальчиком водила,
И я – послушная – следила,
К ногам Её упавши ниц.

Но в тяжкой доле ремесла,
Уж если честно, Боже правый!
Какую чушь Она несла,
Желая почестей и славы...

Дача

Терпко пахнут стены мятой и тмином,
На столе рубинами – ягоды калины.

С кисло-сладким духом зреет на подносе
Крутобоких яблок розовая россыпь.

И плутает в доме с шорохом и смехом
Голосов недавних призрачное эхо –

Оголтело в окна бросится незряче
И, уйдя под крышу, тихо вдруг заплачет...

Ласточки

Кружась над сонною землёй
В вечернем небе,
Бьёт в окна звонкою волной
Весёлый щебет.

И этот радостный полёт
К закату станет
Крикливой сотней чёрных нот
На нотном стане.

Неровным всполохом пойдёт,
Случайным всплеском,
Влетит в мой дом, как дикий кот, –
По занавескам.

Умрёт в последней из октав
Легко, привычно,
В ночи безлунной потеряв
Свой ключ скрипичный.

Сергей ФИЛИПОВ

г. Москва

Родился 19 августа 1953 г. в Москве. В 1976 году окончил Московский институт химического машиностроения, инженер-механик. Член литературной студии «Вешняки». В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

Как пламя горю и не гасну,
Как мачта трещу, но не гнусь.
Неопытность – это прекрасно,
Отсутствие опыта – плюс.

«Возможно, но очень нескоро»,
«Достаточно, но не вполне».
Наличие опыта – фора,
Отсутствие – фора вдвойне.

Не сетуйте, если нарушу
Привычный порядок и ход,
Неопытность рвётся наружу
И трётся, как рыба об лёд.

И не принимает отсрочек,
И не объясняет причин.
И ищет свой собственный почерк,
Который не спутать ни с чьим.

Когда мечты, надежды, грёзы
В единую сольются нить
И человек обычной прозой
Уже не может говорить.

Восторженно и величаво
Всё то, чем ранена душа,
Стекает раскалённой лавой
По грифелю карандаша.

Стих вырывается наружу,
Он мечется среди людей
И ищет родственную душу
В надежде поселиться в ней.

«Блажен незлобивый поэт»,
Перед людьми и богом правый,
Ни в этом ли простой секрет
Не быстро проходящей славы.

Не в том ли соль, не в том ли суть,
Не в том ли смысл всего искусства,
Нести духовность, а отнюдь
Не зло и низменные чувства.

Поэзия оставит след
В сердцах и душах, и при этом
Лишь доброта её предмет
И в то же время главный метод.

Когда изнашивается одежда,
Когда закончится еда,
Когда последняя надежда
Тебя оставит, и тогда
Не стоит в злобе и обиде
Считать и на душу брать грех,
Что Бог не всё на свете видит
И думает не обо всех.

Анна АТРОЩЕНКО

г. Гомель, Республика Беларусь

Член Союза писателей Беларуси, Белорусского союза журналистов, Международного союза писателей и мастеров искусств.

Напоминание

Вы не смотрите свысока,
Вы будьте проще. И поймите:
Коль солнце нежится в зените –
Нежданная пора близка.

Она напомнит нам о том,
Что жизнь дана, словно награда!
Она, как будто серенада,
Озвучит вечер за окном.

За всё судьбу благодарите:
За слёзы, горечь, за любовь!
Пока течёт по жилам кровь –
Расстаться с жизнью не спешите.

Певице

О, сердце! Не стучи, уймись,
Прошу тебя об этом!
Мелодия, романс слились
В прекрасный звук над светом.

Волшебный голос – Божий дар,
В награду дан певице.
И восхищённый замер зал
И кланялся Царице.

Звучит вновь музыка. Душа
И плачет, и ликует,
А песня льётся не спеша,
Сердца наши врачует.

И унесёт под небеса
Нас дивное сопрано...
И потеплеют вдруг глаза,
А мир – светлее станет.

Лавровишня

Дождь беспощадно бьёт тебя,
Сгибает сильный ветер...
Растёшь, упорно мир любя,
Цветок любви твой светел.

И скромн южный твой наряд,
Листок вечнозелёный.
И каждый путник встрече рад,
Весёлый и влюблённый.

Ласкает взглядом он цветы
И пылко их целует.
Прижмёт к груди своей листы,
Воскликнет: «Аллилуйя!»

Да будет вечен этот миг,
Прекрасен, как Природа,
Чтоб помнить жизни каждый штрих!
И луч у небосвода.

Юлий СТОЦКИЙ

г. Москва

Член Союза журналистов Москвы, Международного сообщества писательских союзов. Заслуженный деятель теленкустов ток-шоу России, бронзовый призёр 2011 года Всеевропейского конкурса русской прозы.

Там, где любили меня и где ждали...

Там, где любили меня и где ждали –
Зори сверкали, выси сияли.
Там, где любили меня и где ждали –
Женщины жили, кошки рожали.

Те, кто любили меня и кто ждали –
Те сквозь контроли не пробежали!..

Там, где не любят меня и не ждут –
Пыльной пятою несправедный суд.
Там, где не любят меня и не ждут –
Холодно-пыльно царит неуют.

Проснись, Судьба!

Не простились, не расстались,
Только кануло всё в Лету.
Туча в небе разрасталась.
Нет нам в Прошлом билета.
И когда Судьба мелькает
В промежутках телесъёмки,
Шквал завесу не срывает,
И не вызывает ломки.
И когда меня бросали
На седьмую амбразуру,
Мне по-прежнему казалось:
Так Судьба и не проснулась...
А когда она проснётся –
Зимней ночью, летним утром,
Счастье вновь ко мне вернётся,
Справедливо, честно, мудро...

2011 год

Восход луны

Луна бессильно наблюдает
ночной бурлящий непокой.
И совесть наша не скрывает,
что мы боимся быть собой.

Уж навсегда отрыта Троя,
и черепки все разлетелись...
И вместо тихого покоя
всегда чего-то нам хотелось!

Мы все, наверное, хотели
чуть-чуть из строя,
чуть вперёд,
обратный невозможен ход...

И не увидать знаки света?
Лишь тень ложится на плечо.
Украдкой радует нас лето,
но не поставит нам зачёт.

...Мы все, наверное, хотели
и парк, и старые качели...

Инна МОЛЧАНОВА

хутор Каштак, Иркутская обл.

Член Союза журналистов России. Поэт-песенник творческого объединения «Солнечный ветер» (Москва – Ростов-на-Дону – Анадырь – Иркутск). Автор 5 книг стихов и малой прозы, автор-составитель публицистической подборки «Биография века, краеведческие записки» (Иркутск, 2010).

В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

Нострадамус

Я часами могу говорить на забытом языке только Бога и, может, жрецов, для которых все души на свете открыты, а моя заперта на засов, на засов.

А моя каравеллой идёт в подпространство неучтённых сокровищ и кладов из книг, и оттуда – из долгих заоблачных странствий – мне в сосудах несёт этот странный язык.

Здесь на нём говорят и цветы, и деревья, повторяют и птицы чудные слова... Но о чём ни сказал бы, – мне люди не верят, ведь у них не о том здесь болит голова.

На моём языке полуночной порою из межзвёздных глубин прилетят письмена, и тогда я секрет своим братьям по крови непременно открою, как ночь – имена.

И в растерзанный голос немеющей песни добавляя вину или вино, иногда, люди помощь греховную тут же окрестят, заставляя замолкнуть на все времена.

Доброта

Доброта – вещь, увы, неказистая: ни туда её ткнуть, ни сюда, потому и живёт она исстари, только там, где святая вода.

Только там, за грудными отсеками, где зародышем бьётся птенец, обитает, и то не у всех она – только там, где наличье сердец.

А пустым, потрошённым всё завидно – чернодырьё холодное жмёт. И орут, рот стирая до заиды, и клянут добродушный народ!

И купили бы, ведь не нищие: до фи́га и до чёрта жирка. Но сама доброта и не ищет их, и на злобу глядит свысока.

И, советуясь с белыми звонами, добродушным ссужает тепло. И плевать ей на деньги огромные – за которыми прячется зло!

Людмила НАДАХОВСКАЯ

г. Братск, Иркутская обл.

Родилась в 1952 году в Красноярском крае.

Пишет стихи с 15 лет. Публиковалась в местных СМИ, а также в альманахах МСПУ «Свой вариант» (Украина) и «Литкультпривет» (Красноярск).

Ливень

Летний ливень – восхищенье!
Молний бешеный салют.
Громыкает в изумленье
Громовержец там и тут!

Изумрудная трепещет –
И от счастья вся в слезах!
Зелень небу рукоплещет.
Прогоняя жуть и страх!

Тучи чёрные с лиловым
Обложили треть небес.
Под таинственным покровом
Затаился в страхе лес.

... Этот первый летний ливень
В юной страсти всё круша, –
И весны зигзаг и кривень
Исправляет не спеша!

Война, забытая война...
Она всё длится, длится, длится!
И проплывают имена...
И в памяти – родные лица!

Глаза любимые зовут...
Мы слышим этих душ молитвы,
Извечный адский ратный труд,
Добра и зла земные битвы!

А молох жизни раскалён...
К его подножью и величью,
Бросают юных миллионы...
Бросают молча, безразлично!

Там материнская слеза,
Там крик её, совсем не святы!
И бьётся памяти волна...
И в бой идут, идут солдаты...

Я Земная

Ты дал мне Зрячие глаза...
И боль умножил!
Ты дал мне Вещи слова...
Ошибки сложил!

Ты руку помощи даёшь,
К душе взывая!
По тропам совести ведёшь,
Но я Земная...

«Смотри, – сказал, – не ужасайся!»
«Молчи, – сказал, – не унижайся!»
«Лечи, – сказал, – не уставай!»
Но я устала... Я – Земная!

Сергей УТКИН

г. Шарья, Костромская обл.

Финалист Третьего молодёжного поэтического конкурса имени князя КР (второе место в номинации «Блистательный Петербург», С-Пб, 2013). Лауреат конкурса малой прозы «Белая скрижаль» (номинация «Хочу сказать», 2014). Лауреат премии «Козьма в Пустыньке» (номинация «Афоризмы», С-Пб, 2014). Финалист «Илья-премии 2014» (Москва).

В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

То, что я растворяю в строках
День за днём себя, так не ново:
Так умел Маяковский с Блоком
Отнимать себе в жизни слово,
Где Поэзию чтут пороком,
Объяснением в жизни for no one.

Товарищ филолог, отбрось падежи!
Склонять тщетно душу не надо.
Какого склоненья, мне явно скажи,
Оклад дорогого наряда?

Тебе за удалым старинным столом
Ронять мои строчки просто,
А я ими жил поделом, поделом
И с ними сверялся ростом.

Каждый окрашивал жизнь собой -
Сам был судьбы оттенком.
Я, говорят, рисовал тоской,
Мрака оставшись пленным.

Кто там грядет, не рисует так,
Выкрасит всё иначе.
Главное, окрась собой жизнь, как стяг,
Жизнь без себя невзрачна.

Вышел за околицу июня -
Лето разбредалось по двору,
Солнце колотило до полудня,
И дождём день рухнул ввечеру.

А потом из мокрых подворотен
Ночь привстала, хладна и черна,
Только свет её был бел и плотен
В чёрных подворотен времена...

Отрекаюсь от Северянина,
Присягаю порой Маяковскому:
В нём изломов нет одурманенных,
А излом настоящий, ноский.

Тот, в который одет был жизнью,
Тот, который легко не снять,
За который сорвался выстрелом,
Маяковского чтоб расстрелять.
Но Поэзию не унять -
Маяковский написан истово
И во многих стихах пожизненно
Для меня.

Ирина МАНИНА

г. Шарья, Костромская обл.

Член Союза журналистов России.

Работает корреспондентом районной газеты «Ветлужский край».

Участник городского литературного объединения «Голос».

В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

Привычным взглядом истолкован
Мой двор в прожилках древних луж.
Лишь для поэта станет новым -
Пришелец зорек, верен, чужд.
Иноплеменной крови - крохи,
Я, впрочем, вовсе не о том,
Что светлорусские дурёхи
Выходят замуж за кордон.
Душа стремится в иноверье,
В чужие замыслы и сны,
Как будто за дубовой дверью
Круглогодичный край весны.
Другое небо над тобою,
Но цвет его по-детски прост,
Не рыжее, а голубое,
С ночным набором тех же звёзд.
Похожи - дождь, седые тучи,
Деревьев корни точат склон.
Слова заморские певучи,
Произношения излом
Кривиться заставляет стены -
Акцент, как линза, перед ним -
Трубой подзорной колет вену
И сердца ускоряет ритм.

Опьянённая вечной влюблённостью,
Раскатаю по лузам шары -
По зелёному лону наклонности,
По беспечному полю игры.

Разноцветными слов букарашками
Дикий сон утрамбу в блокнот.
Кляксу веры своей промокашкой
Уберу. Это личное. Вот.

Сезонно-надменной летней депрессией
По эскалатору в душу вползёт
Бред Мураками от джазовой сессии -
В чашу колодца бесшумный полёт...
Если в метро уж читать, то Набокова,
С логикой справившись, выбрав из книг
Ту, где сон-бабочка света пологого
Шагом с карниза свернёт жизнь за миг...

Гора Фавор

Отцу

Не воспевая ни сентябрь, ни стужу,
Ни розовый рассвет на ветках мая.
Миндальный дым отряхивая в лужу
И отражение в ней разбивая...
О серость неба горный конус точит,
Как изумруд, земля тебе чужая,
Две тысячи и больше лет пророчит,
До срока этот мир преображая.

Валентина ОРЕХОВА

г. Липецк

Участник городской литературной студии «Звукопись».
Первая публикация – «Северо-Муйские огни» №3 (40) 2013 г.

Весна

По ковру душистой кашки
Васильков, цветов ромашки
Босиком бреду...
Подойду к берёзке тонкой,
Чувствую себя девчонкой,
В лес как в дом иду!

Ветки гибкие в серёжках,
Слёзки росные в морошке
Кланяются мне...
Возвращаться не желаю:
Я вчерашняя – другая,
Пусть грущу на пне...

Только споришь ты со мною
С затаённою тоскою:
«Детства давно нет!»
Что ж, пусть в облачном свеченье
Таёт времени течение...
Но в душе – рассвет!

Лето

Мой край живёт, цветёт, обильем дышит,
Играя, льётся речки серебро.
Весёлый ветер катится по крышам,
И хочется любить, дарить добро!

В речном тумане глухо затрепещет,
Встревожив уток, золотой сазан,
А солнце заиграет и заблещет,
Пронзая избы, пахоту и стан.

Вновь жаворонок песнею зальётся,
В росе рассветной зиждутся поля.
Малыш в коляске радостно смеётся,
И тихо шепчут что-то тополя...

Кленовый лист

Мороз стоял и – тишина,
Но падал лист последний с клёна.
Он был совсем ещё зелёный!
И не его была вина,
Что осень выстудила ночи
И небо спряталось в дожди.
Застыли дни и твои очи.
Кричало сердце: «Подожди!»
Но поселился холод прочно.
А лист доверчив – мне сродни!
Решил проверить крылья срочно,
Мечтал найти он лета дни.
Но, так случилось, я сумела
Прервать пугающий полёт,
В ладони спрятала, согрела.
Пусть он теперь в стихах живёт!

Надежда ОГАРКОВА

п. Магистральный, Иркутская обл.

Публиковалась в местных поэтических сборниках, а также в альманахе «Киренск литературный».

Лето красное

А берега река баюкает
И солнце на волнах несёт.
А лето красное аукает,
А лето красное поёт.

Утрами всполохи-зарницы,
И травы встали в полный рост –
Знать, наливаются пшеница,
Трубят начало сенокос.

Июль – кудрявый сенозарник
С косою на плече идёт.
А местный лекарь Марья-травник
Снопья травы домой несёт:

Кипрей, ромашку с чередою
И земляники туесок,
Чтоб было чем лечить зимою,
Всё запасает травник впрок.

Июль косою взмахнёт и ляжет
В валки пахучая трава.
Ещё черёмуха так вяжет –
Поспела-то едва-едва.

А берега река баюкает,
Конца и края не видать.
А лето красное аукает –
Вокруг такая благодать!

Летний вальс

Лето в зелёном платьице,
В пёстрой косынке цветов,
Катится оно, катится
Среди полей и лугов.

Лето моё нарядное,
Не уходи, постой.
Родиной ненаглядною
Будь ты всегда со мной.

Лета венки ромашковый
Тихо плывёт по реке.
Белою промокашкою
На голубом листке.

Ночи шатёр распахнутый
И мириады звёзд.
Голову вверх – и ахнешь ты!
Заворожит всерьёз.

Лето дождём умоется,
Высушит лики берёз.
И горизонт откроется
Из разноцветных грёз.

Радуги мостик радостный
Вспыхнет, лишь дождь пройдёт.
А на душе так благодно!
Летом душа поёт!

Вера МИШИНА

г. Усть-Кут, Иркутская обл.

Член городского литературно-поэтического клуба «Причал».
Пенсионер. Автор 5 книг стихов.
В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

Мы с бабулей

Мы с бабулей как подружки,
Веселушки-хохотушки.
Знает бабушка моя,
Всё, чего не знаю я.
Может сказку рассказать
И со мною поиграть,
Распевать мы можем песни,
Печь пирог на кухне вместе...
Нету ближе и родней
Милой бабушки моей!

Бабочка

Схожая с цветочками,
Часто не видна,
Выпила глоточками
Капельку до дна.

Крылышки у бабочки
Хрупки и нежны.
Ты любуйся бабочкой,
Но со стороны!

Со второго класса Лена
Рассказала Гале,
Что в Сибири речку Лену
В честь неё назвали.

И гордится Ленка наша,
Троечница, этим.
Лучше бы назвали «Маша»
Или «Дымов Петя»!

Все они – пример для школы,
Учатся отлично.
С этой просьбой выйдем скоро
К президенту лично!

Порадовали

Все собаки в мире – доги,
С ними пудели, бульдоги
И дворняги, лайки тоже
На людей всегда похожи.

Мне сестра сказала: «Вика,
Папа не похож на Дика.
Дик у нас лохмаче папы
И не носит чёрной шляпы».

Дику мы сказали строго:
– Посиди совсем немного!
Пеной голову смочили
И, как бороду, побрили.

И теперь сидит в прихожей
Дик, на папочку похожий:
У него очки и шляпа.
Вот обрадуется папа!

Александра КОЛОСОВА

г. Усть-Кут, Иркутская обл.

Член городского литературно-поэтического клуба «Причал».
Член судейской коллегии Интерактивного конкурс-форума на
«стихи.ру» www.stihi.ru/avtor/sc4competition.

Вечер тих! А на беззвёздном небе
Чуть заметен месяц на ущербе...
Ветерок размёл остатки зноя,
Навевая аромат левкоя.

Вечер тих! Но жидется тревога
И надежда помощи от Бога,
Чтоб унять предчувствие волненья,
Дать душе чуток отдохновенья.

Отчего ж душа моя томится,
Не решаешь слезами разразиться?
Оттого ль, что суетой помечен
День прошедший, лёг ярмом на плечи?

Осыпается яблони цвет...
Закружились легко лепестки,
Оседая в траву, будто снег,
Будят тайные мысли мои.

Лепестками покрылась трава...
Душу трогает лёгкая грусть,
Что ко мне не придёт никогда
Мой любимый, единственный друг.

Я душой, как и прежде, люблю,
А его на земле грешной нет!
Я с утратой невольно мирюсь:
Остывает любви нашей след.

Осыпается яблони цвет...
Без духовной любви мир мой пуст.
По прошествии множества лет
Душу трогает светлая грусть.

Написала одна поэтесса
«Гордым легче...», – а я им под стать, –
Но порою, признаюсь я честно,
Из-за гордости надо б рыдать...

Из-за гордости... (иль устыдилась?)
Не сумела признаться в любви,
Расставаясь с любимым, таила
И мечту, и желанья свои.

При прощанье – намеренно скором –
В душу тихо вползал холодок;
Слёзы скрыв, я держала свой норов,
Нервы туго связав в узелок...

Узелков понавязано разных
На моей горемычной судьбе,
Но поплакать над ними по-бабьи
Не могу я позволить себе.

Наталья ШЕМЕТКОВА

г. Гомель, Республика Беларусь
Член литературного объединения «Пралеска».

Когда...

Когда человек счастлив,
Стихи почему-то не пишутся.
Когда человек счастлив, он смотрит в небо
И там,
 где все замечают только тяжёлые облака,
Видит звёзды.

А счастье – светлячок просто.
Его в руки взять хочется,
Спрятать от посторонних глаз, так и сидеть,
Прижавшись щекой к ладоням. В них бьётся
Тёплое чудо.

Но только в первый момент –
Счастье слишком большое,
В руках не удержать. Не спрятать:
 все знают. Всем заметно!
И вдруг понимаешь:
 скрывать бессмысленно, им
Хочется поделиться.

Когда человек счастлив,
Всё кажется намного лучше,
Чем есть на самом деле.
 Не обращаешь внимания,
Что насквозь мокрая куртка,
 и простуда грозит –
Зонт остался дома.

Глупо улыбаешься
Попутчикам в транспорте и
Проходим на улице. Совсем не важно,
Что никто не улыбается в ответ, у добра порой
Замедленное действие.

Счастье не удержать
В руках. Так бы и крикнуть:
«Готов отдать, возьмите, мне – много!»
Идёшь и улыбаешься,
 мысленно посылая любовь
Недоверчивым встречным.

Когда человек счастлив,
Он не думает о прошлом,
Тем более – о будущем.
 Счастье слишком хрупкое,
Чтобы утяжелять его воспоминаниями
 или отпустить –
Ещё улетит!

Когда человек счастлив,
Он не видит грязи вокруг,
Замечая только экстравагантность
 неубранной постели
И пыль на пианино, на котором
 можно написать пальцем «люблю»,
Тихо смеясь.

Даже сквозь трещины
В потолке пробивается свет:
Это Млечный Путь
 тянется сквозь небо, побелку и сердце.
Только стихи почему-то не пишутся.
Интересно, почему?

Владимир ЭКСПРЕСС

г. Братск, Иркутская обл.
Член литературного клуба «У В. С. Сербского». Публиковался в
местных поэтических сборниках и журналах.
В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

«Она смеялась»

У зелёных проталин
 нежной омути глаз
Фейерверком
 тропинки морщинок,
Голова запрокинута,
 три четверти фас.
И берет мотыльком
 отодвинут.

1975 г.

Пиратское

Мы поделили наши дивиденды:
Вам – шёпот роз, мне – крики и шторма.
Держать фасон, взять якоря на ленты,
Не замечать, что впереди зима.
Грудь нараспашку, гордо реют флаги.
Земля любви осталась за кормой.
Балласт – за борт, не опустеют фляги,
Курс проложить везучий и кривой.
Изобразить улыбку как торпеду,
Всех встречных дам беря на бордаж.
Предел не знать, сомнения не ведать,
Не пачкаться среди белил и саж.
...И в день, когда волна залижет глянцем,
Не гнать волну, вернуться к берегам.
Оставить борт «Летучего голландца»,
Признать цветы и прекратить бега.

1996 г.

Эгрегор

Порой бываю и несносен,
Но представителем добра
Живу среди летящих сосен,
Собрат арбатского двора.
И если век устал и клонит
Седую голову свою,
Я верю, взмыленные кони
Дробью копыт ещё споют.
Пусть нас немного, друг рассветный,
Когда в тиши, закрыв глаза,
Я знаю, нет особой меты,
Но есть лишь детская слеза.

1999 г.

Придворными шутами облака,
Где графоманией дождя ослепло Солнце.
Мне Время палкою пропишет о бока
Иероглиф позатейливей японца.
Скатает неба пожелтевший край,
Что я купил улыбкой у пророка,
Медведицей черпнёт собачий лай,
Разбавит в поле, – ветру одиноко.

Август, 2003 г.

Нина ЖМУРОВА

г. Братск, Иркутская обл.

Родилась в деревне Вишнякова Иркутской области.
Член литературных клубов «У В. Сербского» и «Откровение».
Публиковалась в местных поэтических сборниках, а также в журналах «Метаморфоза» и «Мир животных» (Беларусь).
Автор 3 книг стихов и прозы.

Городок на ладони Сибири

385-летию города Киренск

Города, города,
Много вас по России
От столицы Москва
До бескрайних морей.
Только наш городок
Затерялся в Сибири,
Городок-островок –
Всех милей и родней.

Словно чистый родник
Своей светлой любовью
Многих нас напоил
И заботой взрастил.
Где бы ни были мы,
Сердцем рядом с тобою,
Городок-островок
Нашей Ленской земли.

Между рек ты возник –
Берег Киренги, Лены,
Городок-островок,
Как кораблик, плывёшь.
Дорогой наш родник,
Связан с нами всецело,
Милый сердцу нам Киренск,
Свято вахту несёшь.

Города, города...
Много их по России
От столицы Москва
До бескрайних морей.
Но признаться спешу:
Киренск – самый красивый
Городок-островок,
Всех милей и родней!

Поле

Как завораживало поле,
Когда росточки-зеленя
Манили в изумруд раздолья
Очарованием меня.

Когда колосья, тяжелея,
Склоняли голову к земле,
От ветра тёплого хмелея,
Качались, словно на волне.

Когда потоком золотистым
Зерно стекало в закрома,
Над полем, вспаханным и чистым,
Вилась снежинок кутерьма.

Пусть под пушистым одеялом
Приснятся полю зеленя.
Чтоб поле вновь весной позвало,
Очарованием маня.

Юрий КОНЬКОВ

г. Иркутск

Родился 7 апреля 1939 года в г. Рыбинск.
Жил в Ярославле, Иваново, Новгороде, Угличе, Вологде. С 1983
года живёт в Иркутске. Автор 16 книг стихов.
На стихи Ю. Конькова написано около 140 песен, некоторые
из них звучали на «Радио России».

Стрижики любимые мои

Александр Лукину

Отшумели буйные метели,
Солнечней, теплее стали дни,
Зацвели черёмухи, сирени,
А потом с чужбины прилетели
Стрижики любимые мои.

Сердце востепенулось, будто птица.
Захотелось ликовать в тиши,
Сразу к ним на встречу устремиться,
Без конца летать и веселиться...
Так я ждал вас, милые стрижи!

Мне известно, что на дальнем юге
Есть места пышней, да и теплей,
Там не свищут дико злые вьюги,
Люди греют тела от скуки,
А вы рвётесь к родине своей!

Для меня вы в мире равнодушном
Самые весёлые друзья.
Пусть порою солнце светит тускло,
Только с вами, стрижики, не грустно,
Только с вами – как мальчишка я!

*Прощай, свободная стихия!
А.С. Пушкин*

О, море – вольная стихия!
Я, очарованный тобой,
Стою, сияю, как мессия,
У кромки глади голубой.

А в небе розовом высоком
Играет радостно заря,
Орёл кружится одиноко,
В час этот всех счастливей я!..

Когда бушует непогода,
Ветрище свищет и ревёт,
А горы волн – до небосвода,
То гимны здесь душа поёт!..

О, море, вольная стихия!
Я, очарованный тобой,
Стою, сияю, как мессия
У кромки глади голубой...

Я живу в ладу с душой.
Ведь она, как печка!
Не сравнится с нею ум –
Он всего лишь свечка.

Вновь учусь жить у берёз,
У прекрасных зорь и роз,
Хоть седею, но горю,
Море слов не говорю!

Авторский литературный журнал «Северо-Муйские огни»

Творческий совет журнала

Эхтибаров Фархад Гюлаббас-оглы (Северомуйск, Бурятия)
Кривчиков Валентин Алексеевич (Северомуйск, Бурятия)
Медведев Иннокентий Петрович (Братск, Иркутская обл.)
Гутовская Елена Николаевна (Северомуйск, Бурятия)
Левшина Любовь Фёдоровна (Северомуйск, Бурятия)
Попов Иван Сергеевич (Северомуйск, Бурятия)
Тимошенко Надежда Михайловна (Ангарск, Иркутская обл.)
Никифоров Сергей Гаврилович (Ангарск, Иркутская обл.)
Веселов Эдуард Игоревич (Ангарск, Иркутская обл.)
Головизина Ольга Павловна (Липецк)
Лангольф Екатерина Андреевна (Ангарск, Иркутская обл.)
Моргунов Юрий Михайлович (Шушенское, Красноярский край)
Березенков Николай Васильевич (Ангарск, Иркутская обл.)
Ткаченко Михаил Петрович (Ангарск, Иркутская обл.)
Долбышева Ольга Николаевна (Черемхово, Иркутская обл.)
Дилис Юрий Николаевич (Иркутск)
Луданова Галина Васильевна (Иркутск)
Сайферт Ирина Алексеевна (Таксимо, Бурятия)
Нефёдоров Николай Парфентьевич (Иркутск)
Александрова Александра Александровна (Красноярск)
Ефимова Тамара Владимировна (Северомуйск, Бурятия)
Линник Ольга Владимировна (Омск)
Мирошникова Галина Николаевна (Усть-Муя, Бурятия)
Буров Юрий Николаевич (Санкт-Петербург)
Астраханцев Геннадий Дмитриевич (Ангарск, Иркутская обл.)
Жилкин Анатолий Михайлович (Иркутск)
Щербакова Эльвира Васильевна (Воронеж)
Попова Елена Алексеевна (Усть-Кут, Иркутская обл.)

Секретарь правления совета **Перемитина** (Галютеева) Лилия Александровна
Председатель правления совета **Логинова** Татьяна Борисовна

Из Устава журнала «Северо-Муйские огни» Общие положения к Уставу

Журнал «Северо-Муйские огни» является авторским литературным изданием, ставящим себе целью духовное и творческое объединение свободных мыслителей и художников, творящих в духе любви к природе, людям, во имя процветания мирового экологического сообщества.

Цели Журнала полагаются в публикации и широком распространении подобного рода литературных произведений как известных писателей, так и начинающих, акцентирующих своё творчество на укреплении отношений природы и человека.

Журнал «Северо-Муйские огни» создан в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации и является некоммерческим изданием, объединяющим физических и юридических лиц, занимающихся литературным и другим творчеством, признающих Устав и цели Журнала.

Журнал «Северо-Муйские огни» осуществляет свою деятельность без государственной регистрации и без приобретения прав юридического лица.

1. Основные цели и задачи

1.1. Основные цели:

- всестороннее развитие культурных связей, сотрудничества между писательскими организациями и союзами на основе развивающихся литературных процессов в России; поддержка и развитие литературных процессов;
- укрепление взаимного сотрудничества и участие в процессах, происходящих в сферах культуры, искусства, образования, спорта;
- участие в процессах укрепления духовных ценностей гражданского общества;
- оказание творческо-практической помощи различным литературным объединениям, содействие в становлении гражданского общества и утверждение принципа социальной справедливости, содействие утверждению равноправия представителей разных национальностей, проживающих в России, взаимного уважения их интересов и ценностей;
- создание необходимых условий для свободного развития новой высокодуховной литературы на основе многонациональной языковой культуры;
- развитие и укрепление возможностей литературной деятельности для начинающих писателей.

1.2. Основные задачи:

- осуществлять любую незапрещённую законодательством России деятельность для выполнения уставных целей;
- осуществлять издательскую деятельность;
- участвовать во всех литературных процессах в любых формах их интерпретации;
- осуществлять периодическую публикацию всех форм литературных произведений;
- сотрудничать с литературными объединениями, писательскими союзами, обществами.